

С.И.ДАНЧЕНКО

Русско-
сербские
общественные
связи

(70-80-е годы XIX в.)

• Наука •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

С.И.ДАНЧЕНКО

**Русско-
сербские
общественные
связи**

(70-80-е годы XIX в.)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. В. ЧУРКИНА

Москва «Наука» 1989

ББК 63.3(4)

Д 19

Рецензенты:

доктор исторических наук И. С. ДОСТЯН,
доктор исторических наук В. Г. КАРАСЕВ

Данченко С. И.

Д 19 Русско-сербские общественные связи. 70—80-е годы XIX в. — М.: Наука, 1989. — 198 с.
ISBN 5-02-009909-0

Более века назад в одной из аудиторий Белградского университета зазвучала русская речь — свою первую лекцию прочитал сербским студентам молодой ученый-славист П. А. Кулаковский. В то же время в России «на благо сербов» трудились замечательные представители отечественной науки и культуры И. С. Аксаков, Н. А. Попов, А. А. Майков, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин и др.; укреплялось сотрудничество П. Л. Лаврова и его соратников с сербскими радикалами (Р. Милошевичем, П. Тодоровичем и др.). Об этом рассказывает автор в книге, которая основана на новых документах из архивов СССР и Югославии.

Для историков, славистов.

Данченко Светлана Ивановна

Русско-сербские общественные связи

70-80-е годы XIX в.

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Е. И. Михайлова

Художник А. Г. Кобрин. Художественный редактор И. Д. Богачев

Технические редакторы И. Н. Жмуркина, Л. В. Прохорцева

Корректоры Г. Г. Петропавловская, Л. В. Щеголев

ИБ № 33933

Сдано в набор 09.08.88. Подписано к печати 28.10.88. А-10661. Формат 84 × 108^{1/2}. Бумага книжно-журнальная. Импортная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,50. Усл. кр. отт. 10,71. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 1100 экз. Тип. зак. 709. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

0503000000-369

Д $\frac{042(02)-89}{042(02)-89}$ 90—89

ББК 63.3(4)

ISBN 5-02-009909-0

© Издательство «Наука», 1989

Введение

Общественные связи — одна из важных, интересных и многоплановых проблем исторической науки. Она заслуженно занимает ведущее место в научном творчестве ряда советских исследователей.

Общественные связи между народами различных стран являются составной частью международных отношений; большая или меньшая их значимость определяется эпохой и уровнем развития отдельных государств. Без рассмотрения связей общественного характера взаимоотношения между странами и народами не могут быть выяснены всесторонне, тем более, что эти связи не могли не оказывать влияния на формирование общественного мнения, а значит, в какой-то мере и на политику правительств. Велико значение общественных контактов и для развития культуры.

Изучение данной проблематики имеет много аспектов. Оно позволяет выяснить роль общественных связей в деле взаимного научного и культурного обогащения народов, взаимного влияния общественной мысли, общественных движений, в том числе демократического и революционного. А это в свою очередь требует выявления и исследования форм и характера общественных связей, тенденций их развития на каждом историческом этапе. Все сказанное в полной мере относится и к проблеме русско-сербских связей, отразивших прочность исторических уз русского и сербского народов.

Возникшие в глубокой древности, эти контакты продолжали развиваться и в последующие столетия. В основе их лежало языковое и этническое родство, близость культуры, сходство исторических судеб.

В XVII—XVIII вв. связи России и Сербии осуществлялись преимущественно через церковь. Но русское правительство оказывало Сербии значительную помощь и в развитии светского образования — создании первых школ в начале XVIII в., печатании учебников и др. книг. Начиная с XVII в. молодые сербы стали приезжать учиться в Россию¹.

Особенно значительными русско-сербские связи становятся в XIX в. — в период подъема национально-освободительной борьбы сербского народа против турецкого ига. Крупнейшим событием в истории Сербии стало восстание 1804—1813 гг. Значительную поддержку национально-освободительной борьбе сербов оказала Россия.

В XIX в. в связи с развитием буржуазной культуры в расширении и укреплении русско-сербских контактов все большее значение начинает приобретать светская интеллигенция — ученые, писатели, общественные деятели. Важную роль в развитии связей России и Сербии с середины XIX в. играли благотворительные организации — Славянские комитеты. Они оказывали содействие училищам, газетам, обществам, церкви, помогали отдельным представителям сербского национального движения, выделяли средства для обучения южно-славянской молодежи в России.

Как говорилось выше, понятие общественных связей — широкое, включающее много различных аспектов. В своей книге автор решил остановиться на некоторых наиболее важных, по его мнению, направлениях: отношении русской периодической печати к событиям в Сербии в конце 70-х — первой половине 80-х годов XIX в., научных и революционных связях.

Русская периодическая печать уже в первые десятилетия XIX в. в связи с развитием национально-освободительного движения сербского народа уделяла немалое внимание Сербии. Позднее, в годы Крымской войны 1853—1856 гг., Восточного кризиса 70-х годов и последующий период газеты и журналы различных направлений регулярно помещали на своих страницах «сербские» материалы.

В XIX в. укрепляются и русско-сербские научные связи. Большое значение имело открытие в 1835 г. кафедр славянских литератур и языков в русских университетах. Деятельность первых славистов — О. М. Бодянского, П. И. Прейса, Н. И. Надеждина, И. И. Срезневского, позднее — Н. А. Попова, В. В. Макушева, В. И. Ламанского и др., способствовала усилению в России интереса к истории и культуре славянских народов, а поездки ученых в югославянские земли вели к установлению непосредственных контактов с сербскими учеными, дальнейшему укреплению научных связей.

Большую помощь оказывала Россия южным славянам, в том числе сербам, в развитии образования. Южнославянские воспитанники пользовались различными льготами в русских учебных заведениях — освобождались от платы за слушание лекций, зачислялись на казенное содержание, получали денежные пособия. Царское правительство, оказывая поддержку учащимся славянам, стремилось расположить их в пользу России и укрепить с их помощью свое влияние в славянских странах. Однако эта поддержка объективно способствовала развитию национальных культур братских славянских народов и поэтому имела большое положительное значение.

Важное место в развитии взаимоотношений между русским и сербским народами занимали революционные связи. Известная общность исторического развития России и Сербии обусловила исключительную силу воздействия передовых идей русских революционных демократов на общественную жизнь сербского народа. Имена таких выдающихся деятелей и идеологов национально-освободительного и революционного движения Сербии как Ж. Жуевич, С. Маркович, Д. Ценич, В. Пелагич тесно связаны с русским освободительным движением.

В 1876 г. началась сербо-турецкая война. В ней приняло участие несколько тысяч русских добровольцев. На денежные пожертвования русского народа создавались санитарные отряды, закупались медикаменты. Россия оказала Сербии и дипломатическую поддержку. Когда после поражения сербских войск при Алексинаце и прорыва турками 17 (29) октября 1876 г. фронта у Джуниса Сербия оказалась на грани национальной катастрофы, русское правительство решительно выступило в защиту сербского народа, предъявив Турции ультиматум, который спас Сербию и от разгрома, и от унижительных условий мира.

Победа России в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. сыграла прогрессивную историческую роль в судьбах балканских, в том числе сербского, народов.

Создание независимого Сербского государства явилось итогом многовековой национально-освободительной борьбы сербского народа против османского ига, но в победоносном исходе этой борьбы решающую роль сыграла помощь России.

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена малоизученному периоду в истории общественных и научных связей между Россией и Сербией — 1878—1885 гг. После русско-турецкой войны и Берлинского конгресса произошел ряд существенных изменений во внутривосточном развитии Сербского независимого государства. К этому же времени относится и постепенная переориентация внешней политики сербских правящих кругов с России на Австро-Венгрию. Конечная хронологическая дата исследования также представляется обоснованной, так как возникший в 1885 г. в результате военного столкновения Сербии и Болгарии первый балканский кризис вызвал ряд изменений во внутривосточной жизни Сербского государства и в международной обстановке. В русско-сербских правительственных отношениях наступило охлаждение. В этих условиях общественные связи двух стран начинают нести иную политическую нагрузку и заслуживают специального изучения.

История русско-сербских связей в общественно-культурной сфере конца 70-х—первой половины 80-х годов прошлого столетия во всей ее сложности и многоплановости еще не была предметом специальных исследований ни в СССР, ни в Югославии. По данной проблематике имеется всего несколько небольших работ, в которых затрагиваются отдельные вопросы, являющиеся частью изучаемой темы.

Так, в русской дореволюционной (К. Я. Грот) и современной советской (Ю. Д. Беляева) и югославской (Г. Орлов) историографии уже рассматривалась деятельность ученого-слависта П. А. Кулаковского в качестве преподавателя русского языка и литературы белградской Великой школы (1878—1882 гг.)². Однако авторы этих работ не имели в своем распоряжении документов, обнаруженных нами в ряде советских и югославских архивов, и поэтому не смогли достаточно полно осветить деятельность русского ученого в Сербии.

В исторической литературе нашли отражение и некоторые другие аспекты русско-сербских научных связей. В частности, деятельность А. Н. Пыпина прослеживается в работах Ю. Д. Беляевой и югославского ученого В. Вулетича³; вопросу о контактах слависта В. В. Макушева с сербскими учеными и изучении им истории Сербии посвящены работы Н. Н. Владыко⁴, положительной стороной которых является, на наш

взгляд, привлечение обширного материала и критический анализ научного наследия Макушева. Характеристика трудов Н. А. Попова по истории Сербии и его связей с сербскими учеными дана в статьях Э. С. Ахунд-Заде и Е. П. Наумова ⁵.

В ряде работ советских историков рассмотрены некоторые аспекты русско-сербских революционных связей в конце 70-х — первой половине 80-х годов прошлого столетия. Вопрос о контактах русского революционера П. Л. Лаврова и его соратников с сербскими социалистами разработали В. Я. Гросул, К. А. Поглубко, В. М. Хевролина и Е. К. Жигунов ⁶. Частично освещен в историографии и вопрос о влиянии русского революционного движения на сербскую учащуюся молодежь в Москве и Петербурге ⁷. Автору данной работы принадлежит статья о связях Д. Ценича с революционной Россией ⁸. В целом же следует признать, что и этот аспект русско-сербских общественных связей изучен недостаточно.

В то время как литература по большинству вопросов, рассматриваемых в монографии, крайне скудна, источниковая база исследования довольно обширна, особенно по проблематике научных связей. Правда, работа с источниками, и в первую очередь с архивными материалами, крайне затруднена в связи с распыленностью их по различным хранилищам и фондам, а нередко и отсутствием необходимой систематизации.

При работе над монографией автором было обследовано 14 архивохранилищ в СССР и Югославии.

При изучении истории русско-сербских общественных связей в 1878—1885 гг. крайне важным является определение характера правительственных отношений между Россией и Сербией. В связи с этим одним из наиболее ценных источников, использованных нами в работе, являются документы Архива внешней политики России (АВПР) и среди них — донесения и депеши российского министра-резидента в Белграде А. И. Персиани, инструкции, получаемые им из Петербурга и т. д. (фонды «Канцелярия», «Политархив», «Генеральное консульство в Белграде», «Миссия в Белграде», «Отчеты»). В дипломатических документах содержится также материал о политическом и экономическом развитии Сербии, основных направлениях ее внешней политики, разнообразные факты из истории русско-сербских общественных, научных, культурных связей.

В этом отношении большой интерес представляют и материалы фонда «Славянский стол» (АВПР).

Большое количество документов о научных связях находится в личных фондах ряда русских ученых и общественных деятелей — В. И. Ламанского, И. С. Пальмова, К. Я. Грота, И. С. Аксакова, А. Н. Пыпина, А. А. Майкова, Н. А. Попова, П. А. Кулаковского, В. В. Макушева и др. — в Архиве АН СССР (ленинградское отделение), отделе рукописей Института русской литературы (ОР ИРЛИ), Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ). Здесь сохранились письма видных общественных деятелей Сербии, ученых, писателей — Н. Дучича, Ст. Новаковича, П. Сречковича, А. Васильевича, М. Миличевича, Е. Илича, митрополита Михаила, Ст. Бошковица, Й. Ристича и др. Эти материалы расширяют наши представления о взаимоотношениях русских и сербских ученых, проливают свет на разнообразные формы их сотрудничества, свидетельствуют об активизации взаимообмена достижениями литературной и научной мысли. Многие даты и факты из истории русско-сербских научных связей до знакомства с материалами личных фондов ученых были неизвестны и установлены только благодаря им. Ценность архивных документов по рассматриваемому вопросу неизмеримо возрастает в связи с тем, что в Югославии они почти отсутствуют. Исключение составляет фонд Сербского ученого общества в Архиве Сербской Академии наук и искусств (Белград), в котором можно почерпнуть сведения о книгообмене между обществом и научными учреждениями России; об избрании русских ученых членами-корреспондентами Сербского ученого общества; о помощи сербских ученых своим русским коллегам в их поездках по Сербии и т. д.

Что же касается архивных материалов о русско-сербских революционных контактах, то следует признать, что они немногочисленны и крайне разрозненны, а это в значительной мере затрудняет разработку этой проблематики.

В фонде вещественных доказательств Центрального Государственного архива Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР), где находятся нелегальные газеты и брошюры, отобранные у революционеров при обы-

сках, сохранились письма известного сербского социалиста, последователя С. Марковича — Д. Ценича к сербским студентам, учившимся в Москве. Они позволили установить факт сотрудничества последних в социалистической газете «Радник» (1881 г.).

В материалах Департамента полиции и Московского охранного отделения (ЦГАОР СССР) хранятся документы, свидетельствующие об участии в русском революционном движении некоторых сербских студентов — М. Николича, Е. Кочовича, М. Жикича, О. Глушчевича. Аналогичные материалы находятся в Центральном Государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР) и Центральном Государственном историческом архиве г. Москвы (Ц ИА г. Москвы).

Вводя в научный оборот новые факты из истории русско-сербских отношений, автор убежден в целесообразности и необходимости их поисков и научного осмысления. Ведь хотя хорошо известно, что для исторических обобщений и теоретических выводов необходимо знание конкретных фактов, однако мы, к сожалению, не всегда относимся к ним с должным вниманием.

Большое значение для изучения интересующей нас проблематики имеет периодическая печать 70—80-х годов прошлого столетия. Это один из важнейших исторических источников, который не только содержит большой фактический материал, но и дает наиболее живую оценку событий, как в зеркале отражая состояние умов общества. Русские и сербские газеты и журналы, использованные в книге, богаты данными, позволяющими осветить вопросы об отношении различных слоев русского общества к событиям в Сербии, о русско-сербских научных контактах, о сотрудничестве сербских социалистов с русскими революционерами.

Написание истории русско-сербских общественных связей во всем их многообразии — задача чрезвычайно трудная. Это обусловлено и неодинаковой обеспеченностью источниками отдельных вопросов, и крайней разрозненностью документов. Поэтому предлагаемая читателю работа должна рассматриваться как одна из первых попыток изучения проблемы и в связи с этим не может претендовать на исчерпывающую полноту.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Событиям в истории связей братских русского и сербского народов, о которых здесь идет речь, уже более ста лет. Автор стремился восстановить их в памяти

ныне живущих поколений, рассказав о них на страницах книги, тем более что участниками большинства из них были замечательные представители русской и сербской науки и культуры прошлого столетия, а также революционеры, оставившие заметный след в развитии освободительного движения.

В нашем обществе идет обновление. Одним из его проявлений является рост интереса к истории Отечества, к различным событиям прошлого. Это не может не радовать исследователей. Если читатель этой книги найдет в ней новые для себя факты, расширит свои представления о связях русского и сербского народов в XIX веке, автор будет считать свою задачу выполненной. Хотелось бы также, чтобы читатель почувствовал, что книга написана с большой любовью к Югославии, ее замечательным людям, ее историческому прошлому.

- ¹ *Богоявленский С. К.* Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв. // *Славянский сборник*. М., 1947. С. 241—242.
- ² *Грот К. Я.* Платон Андреевич Кулаковский. СПб., 1914; Памяти Платона Андреевича Кулаковского. Пг., 1915; *Орлов Г.* Платон Кулаковский и почеци наставе руског језика на Великој школи: (Историјски осврт) // *Живи језици: Часопис за стране језике и књижевности*. Београд, 1969. Књ. 11, бр. 1/4; *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России. М., 1979.
- ³ *Беляева Ю. Д.* Сербская литература в русской науке и критике последней четверти XIX—начала XX в. // *Русско-югославские литературные связи: Вторая половина XIX—начало XX в.* М., 1975; *Она же.* Литературы народов Югославии в России; *Вулетий В. А. Н.* Пипин и руско-српске књижевне везе у другој половини 19 в. // *Годишњак филозофског факултета у Новом Саду*. Нови Сад, 1969. Књ. XII/1.
- ⁴ *Владыко Н. Н.* В. В. Макушев и его исследования по истории Дубровника // *Проблемы истории, античности и средних веков*. М., 1981; *Она же.* В. В. Макушев как историк южного славянства: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1981.
- ⁵ *Ахунд-Заде З. С.* Нил Александрович Попов (1833—1891): Страницы жизни // *Из истории университетского славяноведения в СССР*. М., 1983; *Наумов Е. П.* Политическая борьба и общественное развитие Сербии в начале 70-х годов XIX в.: (По материалам современной публицистики и историографии) // *Вопросы истории славян*. Воронеж, 1982.
- ⁶ *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874). Кишинев, 1973; *Он же.* Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980; *Жигунов Е. К.* К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х годов XIX в.: (П. Л. Лавров и сербские революционеры) // *Советское славяноведение: Материалы IV Межвуз. науч. конф. историков-славистов*. Минск, 1969; *Поглубко К. А.* О связях издателей журнала «Вперед!» с сербскими социа-

листами // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1969. Вып. 1; *Хевролина В. М.* К истории русско-сербских революционных связей 70-х годов XIX в. // Славянское источниковедение. М., 1965; *Она же.* Славянский вопрос и идеологи русского революционного движения в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. // Балканские исследования: Международные отношения на Балканах. М., 1974; *Она же.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях: Конец 60-х—начало 80-х годов XIX в. М., 1986.

⁷ Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957.

⁸ *Бочкарева (Данченко) С. И.* Сербская социалистическая газета «Радник» о русском революционном движении // Сов. славяноведение. 1975. № 4.

Сербия после Берлинского конгресса 1878 г.

Русско-сербские отношения

Берлинский договор, последовавший за русско-турецкой войной 1877—1878 гг., провозгласил полную независимость Сербского княжества от Османской империи, что явилось важной вехой в развитии сербской буржуазной государственности. Территория Сербии была расширена присоединением 4-х новых округов: Нишского, Пиротского, Врачанского и Топлицкого. Площадь княжества увеличилась почти на 11 тыс. км², а население — на 300 тыс. человек¹. В истории Сербии начался новый этап, характеризовавшийся целым рядом особенностей.

* * *

С конца 70-х годов капитализм в стране развивался более быстрыми темпами, чем в предшествующие десятилетия. Этому в значительной степени способствовали следующие факторы: установление суверенитета и ликвидация различного рода ограничений, связанных с зависимостью от Османской империи; расширение экономических и торговых отношений Сербского государства с соседними странами на основе заключенных в конце 70-х—начале 80-х годов торговых договоров; его все возрастающее участие в общеевропейском рынке и др.

Важным фактором расширения внутреннего и внешнего рынка явилось строительство в Сербии железных дорог, потребность в котором ощущалась уже в 60—70-е годы XIX в. Однако началось оно лишь после Берлинского конгресса. На первом этапе строительства (1880—1890 гг.) правящие круги были вынуждены давать концессии иностранным обществам. Постройка железнодорожных линий шла интенсивно. За 15 лет было введено в эксплуатацию 562,3 км дорог, на которых использовалось 45 локомотивов и 1128 вагонов².

Значительного уровня достигло развитие внешней торговли. За 10 лет, с 1872 по 1882 г., внешнеторговый оборот Сербии вырос с 67 до 88,7 млн дин.³ Как и прежде, основным предметом вывоза был крупный рогатый скот и свиньи⁴, т. е. продукты экстенсивного животноводства, а не капиталистического земледелия, а главным потребителем сербского экспорта одна страна — Австро-Венгрия. Например, в 1884 г. ее доля во внешней торговле Сербского государства составляла 72,88 %⁵.

Следует отметить, что внешнеторговые связи Сербии в значительной степени определялись ее географическим положением. После Берлинского конгресса, оккупировав Боснию и Герцеговину, Австро-Венгрия, по выражению современника, окружила Сербское княжество «как бы железною цепью»⁶, оказавшись не только на северных, но и на западных его границах. На это обращал внимание и секретарь российского консульства в Белграде М. Поджио, составивший в 1884 г. отчет о внешней торговле княжества за 1871—1883 гг.⁷

Вывозя из Сербии сырье, Австро-Венгрия наводняла ее рынок дешевыми промышленными товарами⁸, что тормозило развитие сербской промышленности, способствовало уничтожению ремесел. Сербское княжество все более попадало в экономическую и финансовую зависимость от монархии Габсбургов. За 10 лет — с 1877 по 1887 г. — государственный долг Сербии Австро-Венгрии возрос с 27 млн до 277 млн дин.⁹

В упоминавшемся выше отчете М. Поджио отмечалось почти полное отсутствие русско-сербских торговых отношений в 1879—1883 гг.¹⁰ Начиная с 1884 г. торговля между двумя странами несколько оживилась. Из России вывозились главным образом рыба, икра¹¹, а также продукты животноводства, керосин, кожи, железо, серебряные изделия и т. д., а с 1885 г. основным продуктом русского вывоза в Сербию становится керосин¹².

Торговлю с Сербией вели главным образом купцы Одессы и Керчи, которые доставляли свои товары в Белград, Смедерево, Радуевац и др. города¹³. Однако в этот период России так и не удалось установить сколько-нибудь регулярных торговых отношений с Сербией, что в значительной степени было обусловлено нежеланием русских торговцев осваивать неизвестный им балканский рынок, когда имелся очень выгодный

и емкий германский, и их незаинтересованностью в сербских товарах, во многом сходных по ассортименту с русскими¹⁴.

Слабое развитие средств сообщения, длительное сохранение феодальных остатков в экономической и политической жизни страны, наконец, сильная иностранная конкуренция привели к тому, что в промышленности капитализм развивался более медленными темпами, чем в торговле и банковском деле. В 1873 г. был принят специальный закон, по которому предусматривались различные льготы предпринимателям. В 1881 г. в Сербии действовало около 20 предприятий, в том числе оружейный завод в Крагуеваце, 2 пивоварни, 2 лесопилки, кирпичный завод, кондитерская фабрика и 14 мельниц¹⁵. Однако возникавшие немногочисленные предприятия в основном были мелкими, их технологическое оборудование было на низком уровне. Исключение составляли оружейный завод в Крагуеваце¹⁶ и фабрика по производству шерстяных изделий братьев Миних¹⁷.

Развивались преимущественно отрасли добывающей промышленности (75 % от общего числа предприятий); широкое распространение имело ремесло. Промышленность Сербии находилась в зависимости от иностранного капитала.

Социально-экономические сдвиги произошли и в сербской деревне, где проживало почти 90 % населения. Уже в 70-е годы XIX в. начался процесс расслоения крестьянства. О его масштабах белградский корреспондент народнической газеты «Вперед!» писал следующее: «Еще недавно начался у нас процесс превращения мелких собственников в пролетариев, и уже целые деревни перешли в собственность к ловким кулакам, и уже большие толпы пролетариата начинают переходить из деревни в город или блуждать от деревни до деревни, отыскивая себе работу и не находя ее нигде»¹⁸. Конечно, в этом свидетельстве имеются явные преувеличения, но в значительной степени оно подтверждается данными государственной статистики последующих лет. Так, в 1889 г. около 70 % землевладельцев имели надел земли менее 5 га¹⁹. В 1897 г. наряду с хозяйствами крупных земельных собственников (газда), имевшими до 150 га земли, более 11 % сербских крестьян были безземельными, а 22,38 % имели лишь надел от 1 до 1,5 га. Высокий удельный вес составляло среднее крестья-

йское хозяйство (около 40 %) ²⁰, отличающееся, по словам В. И. Ленина, «наименьшим развитием товарного хозяйства» ²¹.

Таким образом, хотя капиталистический способ производства и сделал в Сербии значительные успехи в последней четверти XIX в., существенных сдвигов в хозяйственной структуре не произошло: княжество по-прежнему оставалось преимущественно аграрной страной со слабо развитой промышленностью.

* * *

В результате завоевания Сербией независимости возникли предпосылки для изменений во внутриполитической жизни княжества.

Одной из главных особенностей рассматриваемого периода являлось образование сербских буржуазных партий.

Поступательное развитие капитализма после 1878 г. привело к тому, что центральное место во внутриполитической жизни государства заняла торгово-промышленная буржуазия. Активизировали свою деятельность и мелкобуржуазные слои города и деревни. В 1881 г. возникли три политические партии: либеральная, напредняцкая (прогрессивная) и радикальная.

Программа либеральной партии, носившей до 1882 г. название «Дружина поддержки сербской литературы», содержала требования ограниченного парламентаризма, сильной исполнительной власти и укрепления полицейско-бюрократического аппарата. Во внешнеполитической области либералы ставили своей задачей освобождение от османского ига всех земель, населенных сербами, их объединение с княжеством, а также укрепление его связей с соседними славянскими народами, «естественными историческими союзниками Сербии». Главной социальной базой либеральной партии являлась торговая буржуазия, заинтересованная в расширении внутреннего рынка и развитии внешней торговли. Например, из 47 депутатов-либералов в народной скупщине 1879 г. 21 чел. были крупными торговцами ²². Представителей торговой части сербской буржуазии привлекали в ряды партии не «идеи либерализма», начертанные на ее знамени, а то, что в их глазах партия являлась «элементом порядка и законности», «защитницей существующего общественного строя». Внешнеполитическая программа либеральной партии также отве-

чала интересам торговцев — увеличение территории Сербии означало бы для них расширение внутреннего рынка, а следовательно, повышение доходов. Благодаря либералам, которые находились у власти с конца 60-х годов до октября 1880 г., торговая буржуазия получила ряд привилегий. В свою очередь она поддерживала партию материально. Этим целям служил, например, белградский Торговый банк. Большую роль в объединении интересов торговой буржуазии и либеральной интеллигенции играли родственные связи. Так, тесть Й. Ристича был одним из богатейших белградских торговцев ²³.

Кроме представителей торговой буржуазии в либеральной партии было немало зажиточных крестьян, крупных государственных чиновников, представителей высшего духовенства ²⁴.

Неоспоримым авторитетом в партии пользовался Йован Ристич (1831—1899 гг.), видный государственный деятель и дипломат. Радикалы говорили: «Его люди не думают, за всех них думает Ристич» ²⁵.

В своей внутренней и внешней политике, начиная с конца 60-х годов, либералы опирались на поддержку России и являлись проводниками русского влияния в Сербии. Ристич был популярен в русских дипломатических и общественных сферах, неоднократно бывал с визитами в Москве и Петербурге.

С конца 70-х годов происходит падение авторитета либералов в политической жизни Сербии, начавших терять опору среди торговцев и богатых крестьян, которые были недовольны налоговой политикой правительства и планами таможенной войны с Австро-Венгрией. Недовольство проявляли и широкие народные массы, вынесшие на своих плечах все тяготы разорительных войн с Турцией и находившиеся после их окончания в тяжелом экономическом положении.

В этот период князь Милан Обренович, неудовлетворенный проводимым либералами курсом во внутренней и внешней политике, оказал поддержку младоконсервативной группировке, образовавшейся на базе консервативного общественно-политического течения и оформившейся в 1881 г. как напредняцкая (прогрессивная) партия. Возглавляемая представителями буржуазной интеллигенции — М. Пирочанцем, М. Гарашанином, Ч. Миятовичем; Ст. Новаковичем — эта партия в 80-е годы выражала интересы верхушки

И. Ристич

сельской и торгово-ростовщической буржуазии, связанной с австрийским рынком, предпринимателей, а также высшей чиновничьей бюрократии. Югославский историк Д. Янкович, посвятивший изучению истории сербских политических партий специальную монографию, назвал напредняцкую партию «вторым изданием» либеральной партии в новых условиях внутри- и внешнеполитического развития Сербии после 1878 г.²⁶

Орган напредняцкой партии газета «Видело» 15 декабря 1879 г. опубликовала программный документ, содержащий требования расширения политических свобод, конституционной ответственности министров перед скупщиной, реформы судопроизводства, а в области внешней политики — нормализации отношений с сопредельными странами²⁷.

В октябре 1880 г. напредняки пришли к власти. Придавая большое значение укреплению социальной базы своей партии, они проводили экономическую политику в интересах торговой буржуазии и пред-

принимателей. В стране с начала 80-х годов развернулось железнодорожное строительство, в 1884 г. была проведена налоговая реформа²⁸. Развитию промышленности и торговли большую материальную помощь оказывал Народный банк, основанный напредняцким правительством в 1883 г.²⁹ В то же время семилетнее правление этой партии (октябрь 1880 г. — июнь 1887 г.) характеризовалось рядом негативных явлений в государственной жизни — открытым попранием демократических прав и свобод, коррупцией чиновничьего аппарата, аферами в связи с заключением договора о строительстве железной дороги. В скупщине правительство вело ожесточенную борьбу с оппозицией; для подавления народных волнений расширило состав полиции, включив в него конные отряды («сеймены»).

В своей внешней политике напредняки ориентировались на Австро-Венгрию, что привело к резкому ухудшению отношений с Россией.

Наиболее многочисленной³⁰ и самой популярной была сербская радикальная партия, отражавшая на первом этапе своего развития интересы всего крестьянства. Основатели партии, некогда разделявшие взгляды С. Марковича — Н. Пашич, П. Тодорович, Р. Милошевич, К. Таушанович и др. — в конце 70-х — начале 80-х годов эволюционировали от революционного демократизма к буржуазному радикализму. Продолжая называть себя последователями Марковича, радикалы выхолостили революционное содержание его программы о коренном переустройстве и демократизации государства и прибегали к «революционной» фразе лишь тогда, когда хотели оказать давление на правящие круги Сербии.

В деятельности этой партии прослеживаются два периода. Первое время (1881—1883 гг.) она проявляла внимание к интересам широких крестьянских масс. Симпатии и поддержку сербского народа основатели и вожди партии завоевали благодаря активной пропаганде буржуазно-демократических идей, защите интересов мелких производителей в условиях развивающегося капитализма и борьбе против феодально-бюрократической государственной системы.

С 1883 г., после подавления Тимокского крестьянского восстания, начинается процесс постепенного перерождения радикальной партии из прогрессивной,

отражавшей интересы мелкобуржуазных слоев, в организацию сельской буржуазии, крупных торговцев, предпринимателей и банкиров.

Радикалы активно выступали против усиления в Сербии экономического и политического влияния монархии Габсбургов. Их глава Н. Пашич еще в 1880 г. заявил в скупщине: «Противник нашего национального освобождения и объединения стал иной: разлагающуюся Турецкую империю сменила „культурная“ Австро-Венгрия. . .»³¹. И позднее эта позиция радикальной партии не изменилась. В то же время лидеры радикалов стремились опереться на поддержку России и в связи с этим активно выступали за восстановление дружественных русско-сербских отношений.

В начале 80-х годов сербская торгово-промышленная буржуазия выступила против засилья бюрократии, за ограничение абсолютизма, требуя проведения буржуазных преобразований, в том числе и введения новой конституции (взамен ограниченной конституции 1869 г.), которые бы позволили ей занять господствующее положение в управлении страной³². Однако в начале 80-х годов соотношение сил было не в пользу сторонников изменения конституции. Обеспокоенный ростом популярности радикальной партии, король Милан стремился расширить свою власть, опираясь на поддержку габсбургской монархии, которой было выгодно правление проавстрийских кругов.

Следует отметить, что в 70-е годы во внешней политике Австро-Венгрии произошли существенные изменения. Вытесненная из Германии и Италии она устремилась на Балканы — единственно возможное и доступное направление экспансии. При этом, конечно, подразумевается экспансия в широком смысле, а не в узкоограниченном понимании ее как стремления к прямому захвату и присоединению чужих территорий. Для балканской политики империи Габсбургов был характерен весь широкий диапазон различных форм экспансионизма. После Берлинского конгресса правящие круги Австро-Венгрии, опасаясь усиления в империи славянского элемента, отказались от новых завоеваний, но стали широко использовать в своей политике экономические и политические рычаги проникновения на Балканы — займы и финансовые операции, железнодорожное строительство и таможенные союзы, неравноправные договоры и т. д. Этой полити-

кой, как отмечал югославский историк В. Чубрилович, Австро-Венгрия обеспечила свое преобладающее положение в Сербии в 1878—1903 гг.³³

Руководители внешней политики монархии Габсбургов прекрасно понимали, что осуществление ее интересов на Балканском полуострове невозможно без экономического и политического подчинения Сербии. Это и стало одной из основных задач австро-венгерской дипломатии после Берлинского конгресса. «Стержневой осью нашей политики на юго-востоке, — писал в этот период руководитель внешнеполитического ведомства габсбургской монархии Г. Кальноки, — является Белград. Пока мы прочно не обосновались там, не важно, прямо или косвенно, на Дунае, Лиме и даже на Саве, мы будем в обороне. Если Сербия, все равно какими средствами, будет подчинена нашему влиянию, или еще лучше, если мы будем хозяином в Сербии, тогда мы сможем легко обеспечить наше обладание Боснией и Герцеговиной. . . , а также наши позиции на нижнем Дунае и в Румынии. Только тогда наше могущество на Балканах будет покоиться на прочной основе в соответствии с важными интересами монархии»³⁴.

Одновременно с усилением на Балканах влияния Австро-Венгрии в конце 70-х годов происходит процесс постепенного ослабления в этом регионе позиций России. Начало ему было положено еще в период подготовки русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда Россия за нейтралитет Австро-Венгрии была вынуждена заплатить согласием на оккупацию последней Боснии и Герцеговины.

Политика России в отношении Сербии после Берлинского конгресса в значительной степени определялась изменением международной обстановки, для которой была характерна внешнеполитическая изоляция Российской империи. Внутри страны также наблюдались негативные для царизма явления: усилившийся после разорительной войны финансовый кризис и ухудшение экономического положения в стране. Кроме того, война привела к подъему революционного движения.

«Наша слабость по сравнению с нашими противниками, — писал замещающий А. М. Горчакова на посту министра иностранных дел Н. К. Гирс послу России в Англии П. А. Шувалову 5 января 1879 г., —

заключается, главным образом, в том, что, как известно, наши финансы истощены. В связи с этим лучшее средство для того, чтобы вновь стать достаточно сильными и иметь возможность импонировать нашим противникам, заключается в восстановлении нашего финансового равновесия, а для этого прежде всего необходимо избегать бесполезных и неуместных осложнений»³⁵. Этими соображениями и определялась внешняя политика русского правительства в последние годы царствования Александра II и в начале царствования Александра III.

Основными задачами русской внешней политики в 80-е годы были обеспечение статус-кво и поддержание спокойствия в Балканском регионе, урегулирование отношений с Германией и Англией и возобновление Союза трех императоров. Петербург стремился вместе с тем сохранить свое влияние на Балканах, опираясь прежде всего на Болгарию³⁶. Позиции России в Сербии временно ослабли, но она не собиралась сдать их полностью в пользу Австро-Венгрии, стремясь «мирными» средствами поправить положение³⁷.

В целях восстановления своего влияния в Сербии правящие круги России пытались, например, использовать строительство железной дороги на территории княжества.

Строительство железной дороги было для Сербии жизненно важной задачей, так как отсутствие транспортных путей тормозило развитие ее экономики. Не меньшее значение оно имело и для великих держав (в первую очередь Австро-Венгрии), стремившихся к овладению балканским рынком.

За поддержку территориальных притязаний Сербии на долины рек Нишавы и Южной Моравы Австро-Венгрия потребовала от сербского правительства заключения железнодорожной конвенции. Переговоры по этому вопросу протекали в напряженной обстановке. Правительство Й. Ристича видело в столь полезном и необходимом для экономического развития независимого Сербского государства начинания другой аспект, а именно: при отсутствии связи с турецкими железными дорогами через Скопле к Солуни (соврем. Салоники) и с болгарскими через Софию к Константинополю, сербская железная дорога, соединенная лишь с австрийской линией, будет способствовать подчинению страны Австро-Венгрии. Однако сербские

правлящие круги вынуждены были пойти на уступки, и в марте 1880 г. австро-сербская железнодорожная конвенция была подписана. Сербия обязывалась в течение трех лет построить железную дорогу от Белграда до Вране. При обсуждении в народной скупщине конвенция подверглась резкой критике со стороны оппозиции, представители которой называли ее «экономической гибелью Сербии и концом сербской независимости»³⁸.

В строительстве сербской железной дороги стремилось принять участие и русское правительство. Уже в октябре 1878 г. известному панслависту генералу Р. А. Фадееву было дано секретное задание — вступить в переговоры с представителями некоторых русских железнодорожных компаний — Девиза, Блюха и Губонина — которые бы могли взять на себя это предприятие³⁹. Чтобы избежать столкновения с Австро-Венгрией, в Петербурге полагали, что строительство должно вестись «частным путем»⁴⁰.

В ноябре 1878 г., когда у власти в Сербии еще находились либералы, в Петербург приехал министр просвещения и церковных дел А. Васильевич, которому было поручено ходатайствовать об учреждении русского товарищества для строительства сербской железной дороги⁴¹. Этот вопрос обсуждался во время аудиенции Васильевича у царя. Присутствовавший на нем военный министр Д. А. Милютин предложил, чтобы сербское правительство само взяло на себя строительство дороги, а затем передало ее «указанному из России лицу или товариществу как своему подрядчику»⁴². Подобное решение вполне устраивало русское правительство — в этом случае Россия бы получала концессию и избегала столкновения с Австро-Венгрией или хотя бы лишала последнюю видимых оснований для упреков в стремлении усилить, вопреки соглашению, свои позиции в Сербии.

Генерал Фадеев устроил Васильевичу встречу с Блюхом. Кроме того он подготовил еще одного кандидата из московских предпринимателей — С. И. Мамонтова. Обе фирмы послали в Сербию своих инженеров, чтобы изучить на месте трассу от Белграда до Ниша⁴³.

В 1880 г. у Мамонтова, представителем которого в Сербии был генерал Фадеев, появился конкурент — компания Баранова. Претенденты выдвинули два раз-

личных проекта строительства сербской железной дороги. Компания Мамонтова настаивала на гарантиях русского правительства. Предложения Баранова сводились к следующему: сербское правительство предоставляет ему концессию «с исключительным правом на два месяца заключать сербский национальный заем»; по окончании строительства железная дорога должна стать собственностью Сербского государства; ее эксплуатация впоследствии будет осуществляться «исключительно русскими и сербскими элементами» ⁴⁴.

Царское правительство дало инструкции А. И. Персиани поддерживать компанию Баранова ⁴⁵. По этому вопросу русский министр-резидент имел ряд бесед с министром иностранных дел в правительстве напредняков Ч. Миятовичем. Однако во время одной из них Миятович заявил, что сербский кабинет не склонен принимать предложений русской фирмы. Когда же Персиани попросил его изложить условия компании Баранова перед скупщиной, сербский министр ответил отказом ⁴⁶. Австрофильское напредняцкое правительство, пришедшее к власти в октябре 1880 г., тщательно скрывало то обстоятельство, что в этот период оно под нажимом князя Милана уже вело тайные переговоры о строительстве железной дороги с французской компанией «Юнион женераль» (*La Société de l'Union générale*), завершившиеся подписанием 22 января (3 февраля) 1881 г. так называемой «Общей конвенции о строительстве первой сербской железной дороги» ⁴⁷.

Договор с «Юнион женераль» вызвал протест радикальной оппозиции во главе с Н. Пашичем. Он и его сторонники утверждали в скупщине, что за этой компанией стоит Австро-Венгрия ⁴⁸. В дни работы скупщины на улицах Белграда происходили волнения и столкновения народа с жандармерией ⁴⁹. Позднее многое прояснилось. Стало известно о существовании тесных связей между «Юнион женераль» и венским «Лендербанком» (*Österreichische Länderbank*), который на 30 % участвовал в капитале этой компании. Директор «Юнион женераль» Э. Бонту долгие годы жил в Вене и был одним из основателей «Лендербанка». Уже в тот период он имел широкие планы, связанные со строительством железных дорог на Балканах под «покровительством» Австро-Венгрии ⁵⁰.

В своей монографии «Правление Милана Обреновича» сербский историк С. Йованович писал об

объединении в деле строительства железных дорог на Балканах «австрийской дипломатии и французского капитала»⁵¹.

Заключение правящими кругами Сербии «Общей конвенции» с Э. Бонту принесло новые бедствия сербскому народу.

В письме к Н. Ф. Даниельсону от 10 апреля 1879 г. К. Маркс отмечал: «Вообще железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли; но в странах, вывозящих главным образом сырье, эта торговля усилила нищету народных масс...»⁵².

Строительство железных дорог в Сербии имело большое значение для развития капитализма, расширения внешнеторговых связей. Вместе с тем оно способствовало усилению экономического влияния Австро-Венгрии, которая вывозила из княжества главным образом сырье и наводняла его рынок дешевыми промышленными товарами. Кроме того, займы, заключенные в эти годы сербским правительством, легли тяжким бременем на плечи крестьян и ремесленников, сделав железную дорогу «новым источником невыносимой государственной задолженности и ограбления народных масс»⁵³.

Вслед за подписанием железнодорожной конвенции 1880 г. Австро-Венгрия приступила к переговорам о заключении торгового договора с Сербией. Выступившее против его кабальных условий либеральное правительство Й. Ристича ушло в отставку. Кабинет напредняков во главе с М. Пирочанцем 24 апреля (6 мая) 1881 г. подписал неравноправный торговый договор с Австро-Венгрией.

Согласно этому договору Сербия признала за монархией Габсбургов право исключительных привилегий, в частности: льготные таможенные пошлины на ввозимые из Австро-Венгрии товары были распространены из пограничных районов на всю страну; Сербия обязывалась не взимать пошлины с тех товаров, которые она не производила; она не могла устанавливать внутренние пошлины на австрийскую продукцию выше, чем на отечественную⁵⁴. В результате заключения торгового договора правящие круги Австро-Венгрии добились привилегированного положения на сербском рынке и получили большие возможности для контроля над развитием сербской экономики.

Милан Обренович

В свою очередь монархия Габсбургов предоставляла княжеству льготы в сбыте ее сельскохозяйственной продукции на австрийском рынке. Так, таможенная пошлина на свиней была снижена с 2-х до 1,5 форинтов только для Сербии. Эта мера была направлена на то, чтобы еще теснее связать сербский сельскохозяйственный рынок с промышленностью Австро-Венгрии, превратить Сербию в ее аграрный придаток.

Верные своему экспансионистскому курсу в отношении Сербии правящие круги монархии Габсбургов оказывали влияние и на ее политическую жизнь. 16 (28) июня 1881 г. князь Милан без ведома скупщины и правительства заключил сроком на 10 лет тайную⁵⁵ политическую конвенцию с Австро-Венгрией, по которой Сербия отказывалась от всяких претензий на Боснию и Герцеговину и Нови-Пазарский санджак; без предварительного согласования с Австро-Венгрией она не могла ни вести переговоры, ни заключать договоры с другими государствами⁵⁶. За этот фактический

отказ от суверенитета австрийское правительство обещало поддерживать династию Обреновичей при проведении избранного ею политического курса и оказать содействие в деле провозглашения Сербского княжества королевством, что и произошло вскоре после подписания конвенции, 22 февраля 1882 г. Следует отметить, что в тех конкретных условиях это была вынужденная мера сербских правящих кругов, стремившихся таким образом выйти из тяжелого внутриполитического кризиса, разразившегося в связи с банкротством общества «Юнион генераль»⁵⁷. Долг «Юнион генераль» Сербии в момент его банкротства составлял почти 35 млн дин.⁵⁸ Вместе с тем провозглашение Сербии королевством имело большое значение для упрочения сербской буржуазной государственности, повышения ее авторитета на международной арене.

Как уже отмечалось, в начале своего правления напредняцкое правительство с целью завоевания популярности в широких народных массах и ослабления влияния либералов провело ряд реформ, не затронувших, впрочем, основ бюрократическо-монархического режима в Сербии — были изданы более прогрессивные законы о печати, собраниях и союзах, закон о введении всеобщего обязательного начального обучения и т. д.⁵⁹. Но несмотря на эти меры внутренняя и внешняя политика напредняков была крайне непопулярной. Тяжелым бременем легли на плечи народа новые косвенные налоги; торговые соглашения с иностранными государствами привели к гибели многих сербских ремесел; договоры о государственных займах («лотерейный» 1881 г., «аграрный» 1882 г. и др.) поставили Сербию в полную зависимость от иностранных банков.

Об антинародной политике сербского напредняцкого правительства Ф. Энгельс писал Э. Бернштейну в феврале 1882 г.: «А что оно сделало? Создало просвещенную бюрократию по австрийскому образцу, состоящую из получивших образование на Западе — большею частью в Вене — белградцев и уроженцев других городов, которые понятия не имеют об отношениях крестьянской общинной собственности и издают законы по австрийскому образцу, больно ударяющие по этим отношениям, так что крестьяне массами нищают и экспроприируются. . .»⁶⁰.

В связи с заключением железнодорожной конвенции и торгового договора Сербии с Австро-Венгрией

русско-сербские правительственные отношения резко ухудшились. Этому в немалой степени способствовала также и политика правящих кругов Сербии в церковном вопросе. Известный своими прорусскими симпатиями, связанный со славянофильскими деятелями митрополит сербский Михаил 18 октября 1881 г. был смещен со своего митрополичьего престола и вскоре был вынужден покинуть Сербию.

Этот акт вызвал крайнее неодобрение русских официальных кругов. На донесении А. И. Персиани из Белграда от 16 (28) сентября 1881 г. об ухудшении отношений между князем Миланом и митрополитом Александр III написал: «Нам непременно надо поддержать митр[ополита] Михаила»⁶¹. После его смещения министру-резиденту в Белграде было поручено сообщить сербскому князю о том неблагоприятном впечатлении, которое произвело это событие на императора⁶².

Вскоре был предпринят ряд дипломатических мер⁶³, которые, впрочем, в тот момент оказались безрезультатными, после чего Михаилу было предоставлено убежище в России — он поселился в Киево-Печерской Лавре и получал помощь от русского правительства. В последующий период Россия неоднократно выступала в защиту его прав⁶⁴.

В своей политике в Сербии в годы охлаждения правительственных отношений двух стран русская дипломатия в значительной степени опиралась на традиционные симпатии широких слоев народа к России. Несмотря на проавстрийский курс кабинета напредняков, русское влияние в Сербии было очень сильно. В донесении от 25 мая 1883 г. Персиани писал: «Преданность народа растет по мере того, как в правительственных сферах усиливается австрийское влияние. Я могу смело сказать, что имя России популярнее ныне в Сербии, чем даже после последней войны»⁶⁵.

Это свидетельство перекликается со словами известного сербского общественного и церковного деятеля того периода, поддерживавшего связи со славянофильскими кругами в России, епископа Моисея Неготинского, который писал русскому публицисту Н. Н. Дурново по поводу усиления влияния Австро-Венгрии: «...верьте, что это только политика, а народное чувство и сердце всегда связаны неразрывно с Россиею»⁶⁶.

Росту этих настроений в Сербии в значительной мере способствовала деятельность русских дипломатических представителей и прежде всего министра-резидента в Белграде Александра Ивановича Персиани, заступившего на этот пост в 1877 г. и прожившего в Сербии около 17 лет. Прекрасно образованный, хорошо знавший Сербию и ее народ, особенности исторического развития Сербского государства, Персиани, следуя инструкциям из Петербурга, прилагал значительные усилия к тому, чтобы в сложной обстановке способствовать укреплению и расширению русско-сербских связей, нормализации отношений между двумя странами, чем заслужил уважение различных слоев сербского общества. Как следует из его донесений, русскую миссию в Белграде часто посещали представители сербской интеллигенции, купечества, студенты и т. д. Секретарь Й. Ристича в своих воспоминаниях о главе либерального правительства назвал Персиани «искренним другом Сербии и корректным русским дипломатом»⁶⁷.

Рост прорусских симпатий в стране не был секретом для правящих кругов Сербии, которые не могли не учитывать этого фактора при проведении своего внешнеполитического курса.

В июне 1883 г. в Петербург приехал с политической миссией Й. Маринович — доверенное лицо короля Милана — для участия в церемонии коронации Александра III. Во время его переговоров с министром иностранных дел России Н. К. Гирсом были затронуты вопросы русско-сербских отношений. Маринович пытался уверить русские правящие круги в том, что «как сам король, так и его министры проникнуты теми же чувствами (признательности и преданности. — С. Д.) к России, что они искренно сожалеют о происшедшем между двумя правительствами охлаждении и что они готовы сделать все, что мы от них потребуем, чтобы вновь заслужить благорасположение императорского кабинета». Заверения эти были выслушаны довольно холодно. Гирс ответил Мариновичу, что «возвращение к прежним отношениям... сделается возможным лишь тогда, когда Сербия на деле докажет свою решимость вернуться на путь национальной политики, завещанной королю Милану его предшественниками и которая одна может внушить к себе сочувствие в России»⁶⁸. Далее Гирс заявил Марино-

вичу, что «не может быть и речи о каком бы то ни было соглашении, пока сербская политика не изменится в самом своем основании (du tout au tout)». Как следует из донесения Персиани от 25 июня 1883 г., в котором шла речь об отчете Мариновича перед королем Миланом о поездке, говоря так, Гирс имел в виду прежде всего сербские церковные дела — отставку митрополита Михаила. Однако Маринович истолковал эти слова как предоставление Сербии «своей собственной участи». Он заявил Милану, что судя по приему, оказанному ему в Петербурге, «в настоящую минуту восстановление существовавших между Россией и Сербией отношений немыслимо»⁶⁹.

30 июля (11 августа) 1883 г. в Цетинье состоялось бракосочетание Петра Карагеоргиевича — внука знаменитого Кара-Георгия — со старшей дочерью черногорского князя Николы княжной Зоркой. Это событие способствовало ухудшению сербо-черногорских отношений. Свадьба претендента на сербский престол и дочери властолюбивого черногорского князя, стремящегося возглавить движение за объединение сербских земель, получившая к тому же одобрение русских официальных кругов, усилила опасения короля Милана в прочности своего положения. Эти опасения были вполне обоснованны, ибо «цетиньская свадьба», носившая прежде всего политический характер, безусловно, укрепила позиции Петра Карагеоргиевича. Правда, ни черногорское, ни русское правительство, одобрявшее предполагавшийся брак еще во время пребывания кн. Николы в России в сентябре 1882 г., не связывали с ним никакой непосредственной политической акции против короля Милана⁷⁰. Однако в Петербурге считали, что в будущем, когда для этого вызреют условия, Петр Карагеоргиевич может быть полезен России в ее балканской политике, например, для смены династии в Сербии и изменения ее внешнеполитической ориентации⁷¹.

Следует также отметить, что русское правительство стремилось найти внутри самой Сербии те политические силы, которые выступали против монархии Габсбургов. Связанные торговыми и промышленными интересами с Австро-Венгрией напередняки, в которых Габсбурги, по выражению Персиани, нашли «послушный инструмент своей политики»⁷², не вызвали доверия в Петербурге. Либеральная партия во главе

с И. Ристичем, пользовавшаяся ранее авторитетом в русских общественных и славянофильских кругах, в 80-е годы в значительной мере потеряла свое влияние в политической жизни Сербии и стала поэтому мало интересовать официальную Россию. Что же касается радикалов, то вначале отношение к ним в правящих кругах монархической России было настороженным и даже негативным. Прежде всего опасения вызывали «нигилистическое» прошлое ее вождей и «революционный дух» программы. Но постепенно положение дел изменилось. В начале 80-х годов Персиани писал в Петербург: «Радикальная партия в Сербии ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий Запада»⁷³. Русским правящим кругам импонировала антиавстрийская направленность деятельности радикалов. Позднее, после подавления Тимоцкого восстания 1883 г., когда в радикальной партии усилилось умеренно-оппортунистическое течение, она приобрела в глазах официальной России большой авторитет. В ее лице в Петербурге начали видеть силу, на которую можно опереться в борьбе с австрийским влиянием и с помощью которой могут быть восстановлены традиционные русско-сербские отношения.

На выборах в сербскую народную скупщину 7 сентября 1883 г. победу одержала радикальная партия. Однако король Милан поручил формирование правительства реакционеру Н. Христичу.

В этот период в русских правящих кругах возродились надежды на «возобновление дружественных отношений между Россией и Сербией»⁷⁴. Во время бесед с Персиани новый глава сербского кабинета обещал употребить все свои усилия к осуществлению сближения между двумя странами⁷⁵. Русские официальные круги считали, что задачей правительства Христича должно стать «восстановление в стране нравственного порядка и преуспевания ее материальных интересов». «Только эти усилия, — писал Гирс в депеше в посольство в Константинополе 8 октября 1883 г., — могут встретить с нашей стороны сочувствие и, в случае нужды, нравственное содействие»⁷⁶. Однако эти надежды не оправдались.

Начало правления Н. Христича было отмечено роспуском сербской народной скупщины, большинство депутатов которой были радикалами. Затем с одобрения

короля Милана правительство приступило к разоружению народного войска на основании указа военного министра от 25 июня 1883 г. — все имевшие оружие должны были сдать его на специальные склады. Этим актом король надеялся предотвратить народные выступления, которые, по его убеждению, готовили радикалы, стремившиеся захватить власть в стране. Однако изъятие оружия у крестьян восточной Сербии больше других пострадавших в период двух войн и, настроенных революционно, послужило поводом к восстанию, получившему название Тимокского.

После его подавления русско-сербские отношения вновь ухудшились. В правящих кругах Сербии «не обошлось без подозрений в соучастии России в этом движении»⁷⁷. В этот период король Милан прилагал значительные усилия, чтобы добиться отозвания из Белграда российского министра-резидента, обвинив его «в раздаче казенных сумм на избирательные агитации во время выборов и в сообществе с радикальной партией во время Зайчарского (Тимокского. С. Д.) восстания»⁷⁸. Усиливал подозрения тот факт, что русские дипломатические представители в Сербии поддерживали связи с вождями радикальной оппозиции, несмотря на предупреждения, шедшие из Петербурга, воздерживаться от «сношений» с ними. Персиани не разделял этих опасений. В своих донесениях он неоднократно отмечал рост популярности радикальной партии в стране. Это, по его мнению, и послужило причиной ее разгрома после Тимокского восстания. Так, в политическом отчете за 1884 г. Персиани указывал: «. . .радикальная партия не руководила восстанием, но. . . король воспользовался этим случаем, чтобы нанести жестокий удар возраставшему в стране влиянию ее»⁷⁹.

Вместе с тем даже в этот трудный период в развитии русско-сербских отношений Персиани не мог не видеть стремления народных масс и передовой интеллигенции Сербии к сближению с Россией. В феврале 1884 г. он писал: «. . .сербский народ видит лишь в одной России свое спасение и. . . по мере того, как сербское правительство удаляется от нас, оно становится все более и более непопулярным». Вместе с тем Персиани считал необходимым учитывать в русской политике особенности развития независимого Сербского государства. «Сербский народ, — отмечал он, — предпочитает всему

свою собственную независимость; он любит нас и готов слушаться нас, с тем, однако, чтобы Сербия оставалась Сербией, а не сделалась вассальным государством, даже в отношении к России. Для сохранения этого сочувствия народа нам нужно уважать его самостоятельность, в какой бы форме она ни проявлялась, в форме ли языка, обычаев, общественного строя и т. д.». Напротив последней фразы Александр III написал: «Да»⁸⁰.

Вышеприведенный документ является исключительно важным, так как проливает свет на позицию русских правящих кругов в «сербском» вопросе в этот период, характеризовавшуюся невмешательством во внутренние дела Сербии и стремлением способствовать стабилизации ее внутривнутриполитической жизни как самостоятельного государства. Эта позиция станет определяющей для политики России в отношении Сербии и в последующие десятилетия.

После подавления Тимоцкого восстания в Сербии усиливается реакция, нарастает экономический и политический кризис. В своих донесениях Персиани отмечал «губительные» для страны последствия финансовой политики напредняцкого правительства. Вследствие роста налогов крестьянские хозяйства приходят в упадок, при сборе недоимок нередки злоупотребления. Приведенные им факты говорят сами за себя: «... у неисправных плательщиков отбирают даже домашнюю утварь. В настоящее время в Пожаревацком суде находится целый склад медных котлов, отнятых у крестьян за неуплату податей». В некоторых селах в счет погашения задолженности чиновники снимают черепицу с крыш крестьянских домов⁸¹.

В этот период радикалы, многие из которых находились в эмиграции в Болгарии, активизировали свою деятельность — на конец 1885 г. они готовили восстание⁸², опираясь на растущее в стране четническое движение. Четы действовали в Крагуевацком, Чачакском и Белградском округах, в которых правительством было введено чрезвычайное положение; для борьбы с четниками были брошены войска⁸³.

Положение усугублялось осложнением международной обстановки. В сентябре 1885 г. произошло воссоединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством. Сербский король усмотрел в этом прогрессивном акте нарушение равновесия сил на Балканах. Чтобы укрепить свой пошатнувшийся авторитет и отвлечь

народные массы от нерешенных внутренних проблем, Милану нужна была короткая, победоносная война. 2 ноября 1885 г. она была объявлена. Началу сербо-болгарской войны способствовали также противоречия между великими державами по вопросу румелийского переворота⁸⁴. Со стороны Сербии эта война была захватнической и несправедливой. Она окончилась для Сербии тяжелым поражением, еще более усилившим недовольство народных масс политикой правящих кругов.

Итак, мы видим, что в жизни Сербского государства после Берлинского конгресса произошли существенные перемены. В этот период с политической арены уходят сербские либералы, долгие годы стоявшие у власти, организационно оформляются сербские политические партии, начинается борьба между ними. Одной из главных особенностей исторического развития Сербии в конце 70-х—первой половине 80-х годов XIX в. было усиление влияния Австро-Венгрии на экономическую и политическую жизнь страны и ослабление позиций России.

Русско-сербские межгосударственные отношения в рассматриваемый период были довольно натянутыми, что в значительной мере связано с ростом проавстрийских тенденций в политике князя (короля) Милана и правящего кабинета. В этих условиях во взаимоотношениях двух народов возрастала роль связей общественного характера.

¹ См.: *Стојичић Сл.* Нови крајеви Србије, 1878—1883: (Државно-правно и политичко изједначење новоослобођених крајева са доратном Кнежевином Србијом). Лесковац, 1975. С. 11.

² Историја Београда. Београд, 1974. Књ. 2. С. 403.

³ История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 478.

⁴ В одну только Австро-Венгрию из Сербии ежегодно вывозилось 200 тыс. свиней общей стоимостью 12 млн. дин. См.: *Стојановић К.* Економско стање Србије од окупације Босне и Херцеговине до анексије, од 1878 до 1908. Београд, 1909. С. 38.

⁵ *Вукомановић М.* Радничка класа Србије у другој половини XIX в. Београд, 1972. С. 57.

⁶ АВПР. Ф. Политархив. 1892 г. Д. 455. Л. 4—4 об.

⁷ АВПР. Ф. Славянский стол. Д. 8897. Л. 4—12 об.

⁸ Например, в 1884 г. из Австро-Венгрии шло 62,5 % всего сербского ввоза. См.: Статист. год. № 1.1893. С. 188.

⁹ *Глебов В. Л.* Капиталистический путь развития слаборазвитых стран. Новосибирск, 1970. С. 19—20.

¹⁰ АВПР. Ф. Славянский стол. Л. 8897. Л. 13.

- 11 Из 493 362 франка русского вывоза в Сербию в 1884 г. на них приходилось 377 143 франка. См.: Там же. Л. 20.
- 12 Там же. Л. 20, 24 об.—25.
- 13 Там же. Л. 20 об.
- 14 Активную деятельность по «расширению русско-балканских торговых и промышленных сношений» развернул в конце 70-х—начале 80-х годов русский предприниматель А. И. Мураневич. Однако его предложение о налаживании более оживленной торговли с Сербией не встретило поддержки в среде московского купечества. См.: *Мураневич А. И.* Русско-балканский торговый вопрос. М., 1885.
- 15 *Јанковић Д.* О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 141.
- 16 По данным газеты «Застава» (1876. № 34) количество рабочих здесь достигало 700 человек.
- 17 *Вучо Н.* Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955. С. 249.
- 18 Вперед! 1875. № 12. С. 377.
- 19 Историја српског народа. Београд, 1983. Књ. 6, т. 1: Од Берлинског конгреса до уједињења, 1878—1918. С. 8.
- 20 *Нюркаева А. З.* К вопросу о социальной структуре Сербии в начале XX в. // Вопросы истории славян. Воронеж, 1982. С. 85, 86.
- 21 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 173.
- 22 Историја српског народа. Књ. 6, т. 1. С. 33.
- 23 *Јанковић Д.* О политичким странкама. . . С. 196—197.
- 24 Там же. С. 197—198.
- 25 Историја српског народа. Књ. 6, т. 1. С. 35.
- 26 *Јанковић Д.* О политичким странкама. . . С. 212.
- 27 *Продановић Ј.* Историја политичких странака и струја у Србији. Београд, 1947. Књ. 1. С. 444—445.
- 28 По новому закону торговец платил на капитал, например, в 40 тыс. дин. 80 дин. налога, а крестьянин на тот же капитал — 320 дин.
- 29 *Јанковић Д.* О политичким странкама. . . С. 224—225.
- 30 По данным Р. Милошевича, в 1883 г. радикальная партия насчитывала в своих рядах 45 тыс. членов. См.: *Јанковић Д.* О политичким странкама. . . С. 262.
- 31 Видело. 1880. № 54.
- 32 *Продановић Ј.* Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936. С. 254—265, 266—275.
- 33 *Чубриловић В.* Србија и Аустрија у XIX в. // Међународни научни скуп «Велике силе и Србија пред први светски рат», одржан 13—15 септембра 1974. Београд, 1976. С. 21.
- 34 Цит. по: *Исламов Т. М.* Монархия Габсбургов и оккупация Боснии и Герцеговины // *Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja.* Sarajevo, 1977. Кнј. XXX: *Odjeljenje društvenih nauka*, кнј. 4. С. 158.
- 35 История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 156—157.
- 36 Там же. С. 145.
- 37 *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 262.
- 38 *Живановић М. Ж.* Прилози за проучавање питања империјалистичког продирања Аустро-Угарске у Србију од Берлинског конгреса (1878) до закључења трговинског уговора (1881) // Српска Академија наука. Грађа. Београд, 1956,

- Књ. XII: Историјски институт, књ. 9. С. 127—128; *Тодоровић Др.* Народни трибун Ранко Тајсић. Београд, 1983. С. 117—118.
- 89 АВПР. Ф. Славјанский стол. Д. 9039. Л. 14—17.
- 40 Там же. Л. 18; ЦГВИА СССР. Ф. 970. Оп. 2. Д. 2233. Л. 8—10; Милютин — Фадееву 11 октябља 1878 г.
- 41 АВПР. Ф. Славјанский стол. Д. 9039. Л. 22.
- 42 Там же. Л. 34—34 об.
- 43 Там же. Л. 22—22 об.
- 44 Там же. Л. 93 об., 94—94 об.
- 45 АВПР. Ф. Политархив. 1881. Д. 414. Л. 32.
- 46 Там же. Л. 33 об., 34.
- 47 *Marković M.* Međunarodnopravne odredbe o železnicama i izgradnja pruga u Srbiji do prvog svetskog rata // *Jugoslovenska revija za međunarodno pravo.* Beograd, 1972. N 1. S. 84—85.
- 48 *Ibid.* S. 86—87, 89; *Тодоровић Др.* Народни трибун... С. 139—142.
- 49 *Marković M.* Op. cit. S. 90.
- 50 *Ibid.* S. 92. 93.
- 51 *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Београд, 1927. Књ. 2. С. 94.
- 52 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. изд. 2-е Т. 34. С. 292.
- 53 Там же. С. 291.
- 54 *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. С. 53—54.
- 55 О существовании этой конвенции в момент ее подписания знали, кроме кн. Милана, М. Пирочанца, М. Гарашанин и Ч. Милатович. Широкие круги сербского общества узнали о ней лишь в 1893 г. Текст конвенции полностью был опубликован только в 1920 г. См.: *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. С. 65.
- 56 Подробно о ходе переговоров по заключению тайной конвенции см.: *Јакшић Гр.* Из новије српске историје. Београд, 1953. С. 70—142 (использованы документы из Венского государственного архива и заметки тогдашнего премьер-министра М. Пирочанца).
- 57 *Вучковић В. Ј.* Пад Генералне Уније и проглас Краљевине (1882) // Глас Срп. Акад. наука. Одељење друштв. наука. Н. С. Књ. 218, № 4, 1956. С. 82.
- 58 *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. С. 130.
- 59 Там же. С. 70—72, 76.
- 60 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 35. С. 232.
- 61 АВПР. Ф. Славјанский стол. Д. 3812. Л. 37.
- 62 *Вучковић В. Ј.* Пад Генералне Уније. . . С. 52.
- 63 АВПР. Ф. Славјанский стол. Д. 3812. Л. 7—7 об.
- 64 Там же. Л. 311 об.; АВПР. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 89 об.
- 65 АВПР. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 73 об.
- 66 ОПИ ГИМ. Ф. 177 (Н. Н. Дурново). Д. 25. Л. 257 об. Письмо от 2 сент. 1880 г.
- 67 См.: *Ристић Ј.* Биографске и мемоарске белешке од Бранко Петровића. Београд, 1912. С. 89.
- 68 АВПР. Ф. Миссия в Белграде. 1883 г. Л. 74. Д. 10 об.—11. Н. К. Гирс — А. И. Персиани 11 июня 1883 г.
- 69 АВПР. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 89 об.
- 70 См.: *Ражнатовић Н.* Женидба кнеза Петра Карађорђевића и црногорско-србијански односи // *Историјски записи.* Цетиње, 1965. Књ. 22, № 3. С. 478.

- ⁷¹ Там же. С. 489.
- ⁷² АВПР. Ф. Политархив. 1882 г. Д. 419. Л. 137 об.
- ⁷³ АВПР. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 134. Персиани — Гирсу 25 сент. 1883 г.
- ⁷⁴ АВПР. Ф. Славянский стол. Д. 3812. Л. 228 об.—229. Персиани — Гирсу 20 окт. 1883 г.
- ⁷⁵ АВПР. Ф. Политархив. 1883. Д. 424. Л. 140 об.
- ⁷⁶ АВПР. Ф. Славянский стол. Д. 3812. Л. 225.
- ⁷⁷ АВПР. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 159 об. Персиани — Гирсу 3 нояб. 1883 г.
- ⁷⁸ Там же. 1884 г. Д. 428. Л. 60 об.—61. Персиани — Гирсу 5 марта 1884 г.
- ⁷⁹ АВПР. Ф. Генеральное консульство в Белграде. Оп. 825. Д. 70. Отчет за 1884 г. Л. 1 об.
- ⁸⁰ АВПР. Ф. Политархив. 1884 г. Д. 428. Л. 44—44 об. Персиани — Гирсу 12 февр. 1884 г.
- ⁸¹ Там же. 1885 г. Д. 431. Л. 136—137. Персиани — Гирсу 26 июня 1885 г.
- ⁸² См.: *Терехов В. К.* Сербия и Румелийский переворот 1885 г. // Проблемы всеобщей истории. М., 1973. С. 232; *Пантев А.* Эмигрантскийят въпрос в българо-сръбските отношения, 1883—1886 // *Векове*. С. 1973. № 4. С. 12.
- ⁸³ *Терехов В. К.* Указ. соч. С. 232.
- ⁸⁴ См. об этом: *Терехов В. К.* Указ. соч. С. 246—251; *Он же.* Дипломатическая борьба накануне сербско-болгарской войны 1885 г. // Проблемы всеобщей истории. М., 1974. С. 126—133.

Русская печать о Сербии и русско-сербских отношениях

Русская общественность всегда с большим интересом следила за событиями в Сербии. На страницах газет и журналов прошлого столетия, выходящих в Москве, Петербурге и других городах, было опубликовано немало материалов на эту тему. Несомненно, наиболее значительная их часть приходится на период Восточного кризиса 1875—1878 гг., когда «сербская» проблема рассматривалась в рамках общевосточной. Вместе с тем и после русско-турецкой войны 1877—78 гг. и Берлинского конгресса процесс становления и развития молодого независимого Сербского государства вызывал значительный интерес в различных кругах русского общества.

Пресса того времени отражала общественное мнение России. В связи с этим перед исследователем русско-сербских связей прошлого столетия стоит задача — показать, как печатные органы тех или иных социальных групп русского общества оценивали сербские события и определяли перспективы русско-сербских отношений.

Русская периодическая печать конца 70-х—первой половины 80-х годов XIX в.

Развитие русской журналистики в 80-е годы XIX в. — период политической реакции — протекало в сложных условиях¹. Согласно «Временным правилам о печати», действовавшим в 1865—1882 гг., от предварительной цензуры освобождались лишь московские и петербургские газеты и журналы (в действительности же эти правила нарушались и в Петербурге). Правительство создавало постоянные дополнительные ограничения, не предусмотренные законом. Логическим завершением этой политики явился закон о печати 1882 г., утвердивший полный административный произвол над прессой. Совещание 4-х министров могло запретить любой

периодический орган, лишить издателей и редакторов права продолжать свою деятельность, если она будет признана «вредной»².

Изъятие из обсуждения печатью целого ряда важных вопросов общественно-политической жизни страны, административные меры против оппозиционных и революционно-демократических органов привели к ликвидации целого ряда буржуазно-либеральных изданий и лучшего, самого передового журнала этих лет — «Отечественных записок» (в 1884 г.).

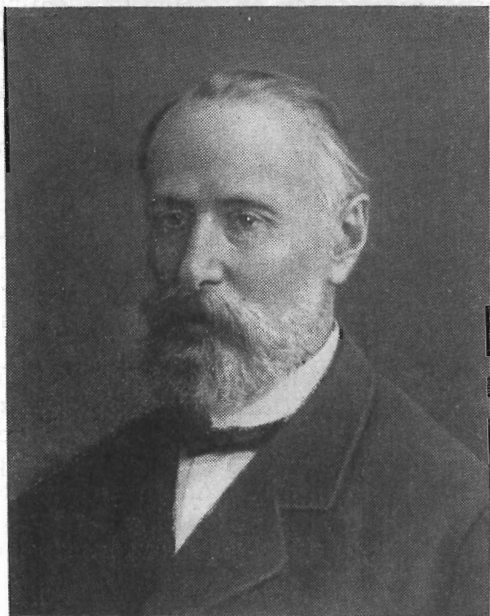
Исходя из марксистско-ленинского принципа классификации печати по ее классово-партийной принадлежности советский исследователь Б. П. Балугев для периода 80-х годов определяет наличие следующих политических направлений в журналистике: дворянско-монархическое, буржуазно-монархическое, буржуазно-либеральное, буржуазно-демократическое, революционно-демократическое и социал-демократическое³. Думается, что эта классификация более точно отражает расстановку общественных сил, чем та, которая еще встречается в работах отдельных исследователей (консервативная, либеральная и демократическая печать).

Переходя к характеристике периодической печати по направлениям, следует отметить, что нами были выбраны наиболее влиятельные органы журналистики, издававшиеся в Москве и Петербурге, которые в то же время смогли наладить при помощи корреспондентов поступление информации из Сербии.

Среди органов дворянско-монархической печати одно из главных мест, бесспорно, принадлежало изданиям М. Н. Каткова — газете «Московские ведомости» и журналу «Русский вестник». Большое место уделяли издания Каткова «идейному обоснованию правительственной политики, отстаиванию устоев существующего строя»⁴. Поэт-сатирик тех лет Д. Д. Минаев (1835—1889) писал:

С толпой журнальных кунаков
Своим изданьем, без сомненья,
В России заменил Катков
С успехом третье отделение⁵.

Следует отметить, что по количеству информации о внутреннем и внешнеполитическом развитии Сербского государства после Берлинского конгресса газета

М. Н. Катков

«Московские ведомости» и журнал «Русский вестник» занимали одно из первых мест среди других органов.

Главным «сербским» корреспондентом «Московских ведомостей» был П. А. Кулаковский⁶. Благодаря его публицистической деятельности читатели газеты были в курсе почти всех событий, происходивших в Сербии. Большинство статей и корреспонденций Кулаковского не имело полной подписи — обычно он подписывался: К., П. К., К-ский, иногда П. Д., N, Z, P. и т. д. Так, в письме к И. С. Аксакову от 14 февраля 1880 г. он сообщал: «Из Белграда в «Моск. вед.» письма все мои, хотя бы и с подписью N»⁷, «...некоторые из моих писем, — указывал Кулаковский Аксакову 27 ноября 1880 г., — будут помечены буквой Z»⁸. Псевдонимами он был вынужден пользоваться потому, что его статьи и корреспонденции часто содержали критику внутренней и внешней политики сербского правительства. Публикации Кулаковского в «Московских ведомостях» давали подробную информацию о Сербии. При этом

они выгодно отличались от сообщений обычных корреспондентов стилем, подачей материала, знанием истории сербского народа и умением разобраться в происходящем — сказывалось то, что их автором был ученый-славист.

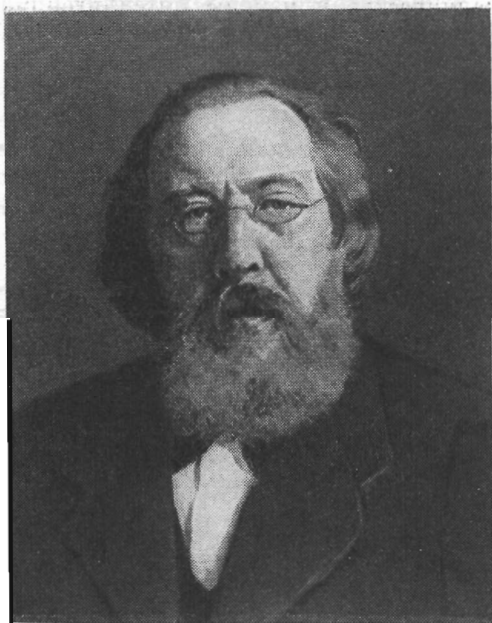
Основной материал о событиях в Сербии помещался в передовых статьях и разделах «Корреспонденции» и «Славянские известия» (с 1883 г.). В 1885 г. в связи с подготовкой и началом сербо-болгарской войны появилась новая рубрика — «События на Балканском полуострове».

В «Русском вестнике» в 1878—1885 гг. было опубликовано значительно меньше интересующих нас материалов. В 1879 г. некоторое внимание сербским событиям уделялось в «Политических обозрениях» А. Л. Зиссермана; в 1880—1882 гг. публикации о Сербии отсутствуют; в 1883 г. был создан новый раздел — «Современная летопись», где помещались перепечатки из «Московских ведомостей». Здесь же была опубликована большая обзорная статья П. А. Кулаковского «Сербия в последние годы».

Классическим образцом газеты буржуазно-монархического направления было «Новое время»⁹. В. И. Ленин в статье под многозначительным названием «Карьера» писал о политической эволюции его редактора А. С. Суворина следующее: «... начинающий либеральный и даже демократический журналист, с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции, — вот чем *начал* Суворин в 50—60-х годах прошлого века. Либеральный журналист Суворин во время второго демократического подъема в России (конец 70-х годов XIX века) повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими. Русско-турецкая война помогла этому карьеристу «найти себя» и найти свою дорожку лакея, награждаемого громадными доходами его газеты «*Чего изволите?*»¹⁰

80-е годы были временем подлинного расцвета «Нового времени». Газета Суворина верно стояла на страже интересов царизма и была в определенной степени рупором официальных кругов. Неудивительно, что в конце 80-х годов цензура считала «Новое время» «самою умеренною и благонамеренною из всех существующих в Петербурге газет»¹¹.

Для получения более «живой» информации А. С. Суворин создал за границей широкую сеть корреспондентов.

И. С. Аксаков

тов. Были они и в Сербии: в 1879—1880 гг. — А. Хитрово (бывший русский доброволец, оставшийся в Сербии, впоследствии дипломатический агент в Софии); с 1881 года в газете начинает сотрудничать Кулаковский. В 1884—1885 гг. немногочисленные статьи и сообщения о Сербии печатались обычно без подписи. Основной материал о Сербии помещался в «Новом времени» в 2-х разделах — «Ежедневное обозрение» и «Внешние известия».

К буржуазно-монархической прессе относятся и славянофильские периодические издания и среди них газета «Русь» (1880—1886), которую издавал И. С. Аксаков. После высылки из Москвы в 1878 г. за резкую критику со славянофильских позиций действий царской дипломатии на Берлинском конгрессе Аксаков стал более осторожным в своих высказываниях. В 80-е годы острей его критики все более направляется «против крамолы, против революционного движения, которое представляется ему прямым и естественным порожде-

нием западничества и измены интеллигенции религиозным основам народной жизни»¹².

Наибольший интерес для проблематики русско-сербских общественных связей представляют передовые статьи «Руси», которые писал сам редактор И. С. Аксаков, а также публиковавшиеся под рубрикой «Политическое обозрение» (с 1883 г. — «Славянское обозрение») статьи и корреспонденции П. А. Кулаковского. С 1884 г. материал о Сербии помещался в основном в передовых статьях,

Если буржуазно-монархическая печать в 80-е годы преуспевала, то значение буржуазно-либеральной печати падало. Причинами этого процесса были реакционная политика правительства, направленная на ликвидацию всякого подобия оппозиционности в печати, отсутствие у либералов четкой политической программы, готовность их к компромиссам с самодержавием.

Одной из наиболее популярных буржуазно-либеральных газет в 80-е годы был «Голос» (изд. А. А. Краевский и В. А. Бильбасов). Правительство считало его самой «опасной» газетой, хотя «Голос» являл собой образец либеральной ограниченности. В феврале 1883 г. он был запрещен. Материалы о событиях в Сербии помещались в «Голосе» в разделах «Заграничные известия» и «Заграничные корреспонденции». В связи с тем, что «сербский» корреспондент «Голоса» Н. В. Зюсман был выслан из Сербии в 1880 г. и ему некоторое время не могли найти замену, а также в связи с запрещением газеты в начале 1883 г., материалов о внутриполитическом развитии и внешней политике Сербского государства здесь немного.

Самым типичным буржуазно-либеральным изданием среди журналов был «Вестник Европы» (ред. М. М. Стасюлевич). Являясь органом русской либеральной буржуазии, журнал отражал ее стремление к некоторым буржуазным преобразованиям при сохранении самодержавного строя. При этом он всегда отличался достаточной умеренностью. В годы реакции «Вестник Европы» старался вообще избегать тем, связанных с общественно-политической обстановкой в стране.

Сербские сюжеты нашли свое отражение, правда, незначительное, на страницах «Вестника Европы» в разделе «Иностранное обозрение». Автор этих коротких сообщений нам неизвестен.

Органом буржуазно-либерального направления был

и журнал «Русская мысль», издававшийся в Москве В. М. Лавровым под редакцией С. А. Юрьева. Среди изданий 80-х годов он, по свидетельству писателя В. Г. Короленко, как по числу подписчиков, так и по литературному влиянию занимал одно из первых мест в русской журналистике¹³. Для нас в «Русской мысли» представляют интерес специальные разделы, в которых помещались материалы по славянской тематике: «Славянские народы» (1879—1880 гг.) и «Заметки по внешним делам» (с 1882 г.). В 1882—1884 гг. в журнале сотрудничал известный ученый-славист и публицист А. А. Майков.

Буржуазно-демократическая печать — это печать народническая. Таких изданий было немного: «Набат» и «Черный передел», листки «Народной воли», «Вестник Народной воли». Это были органы революционного народничества. Либерально настроенные публицисты — народники (В. П. Воронцов, С. Н. Южаков, Н. К. Михайловский) печатались главным образом в газете «Неделя» и журнале «Русское богатство».

Сербские сюжеты нашли отражение лишь на страницах «Вестника Народной воли», издававшегося в 1883—1885 гг. в Женеве под ред. П. Л. Лаврова. В нем была напечатана большая статья сербского радикала под псевдонимом В-ч «Исторический очерк политического движения в Сербии в 1881—1883 гг.» с предисловием и послесловием П. Л. Лаврова.

К сожалению, ни в революционно-демократических изданиях, единственным представителем которых в то время был журнал «Отечественные записки», ни в зарождающихся социал-демократических сербские сюжеты не получили отражения.

Итоги Берлинского конгресса и русская журналистика

В связи с подъемом национально-освободительного движения на Балканах в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в. в России невиданно возрос интерес к южным славянам вообще и к сербам, в частности. Восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г., Апрельское восстание в Болгарии и сербо-турецкая война 1876 г. всколыхнули общественное мнение России и вызвали активное участие народных масс в оказании моральной поддержки и материальной помощи борющимся сла-

вянам. Современная пресса всех направлений знакомила широкую общественность с событиями на Балканах, выступала за славянское освобождение. С неослабным вниманием следило русское общество за работой Сан-Стефанского и особенно Берлинского конгрессов. Периодическая печать комментировала принятые дипломатами решения, определяла задачи русской дипломатии в новой международной обстановке¹⁴. Это была центральная тема внешнеполитических обзоров большинства газет и журналов в 1878—1879 гг. Вопрос о Сербии в это время специально не ставился, а рассматривался в связи с политикой России на Балканах, с агрессивными устремлениями Австро-Венгрии в отношении независимого Сербского государства.

Принимая во внимание то, что оценка различными слоями русского общества итогов Берлинского конгресса определила на многие годы их позицию по отношению к балканским, в том числе, сербским событиям, следует остановиться на этом вопросе более подробно.

Резко отрицательно отнеслись к решениям конгресса славянофильские и близкие к ним круги (И. С. Аксаков, А. А. Майков и др.) — они называли его «заговором против России», негодовали по поводу уступок, сделанных Россией Англии и Австро-Венгрии, протестовали против принесения в жертву интересов славян, опасались подрыва русского влияния на Балканах¹⁵.

Вся дворянско-монархическая печать (газеты «Московские ведомости», «Гражданин», журнал «Русский вестник») была возмущена тем, что Австро-Венгрия оккупировала Боснию и Герцеговину и получила значительное влияние на Сербию. Созданное Берлинским конгрессом положение, отмечал «Русский вестник», есть «перемирие, а не мир, передышка, а не успокоение». По его мнению, нужно использовать эту мирную передышку для подготовки к новой войне¹⁶. Интересно, что уже в этот период «Московские ведомости» ставят вопрос о всемерном укреплении русско-сербских связей не только в «критические моменты», но и в мирное, «рабочее» время. Так, говоря об усилении влияния Австро-Венгрии в Сербии белградский корреспондент «Московских ведомостей» Кулаковский отмечал, что в создавшейся обстановке необходимо приложить максимум усилий для установления не только литературных, но и торговых связей с Сербским княжеством¹⁷. Эту же мысль он высказал и в письме к И. С. Аксакову,

отметив недопустимость положения, при котором «с экономической стороны Сербия для нас, русских, terra incognita»¹⁸.

В отличие от изданий Каткова газета «Новое время» — орган буржуазно-монархического направления — придерживалась иной позиции. Обращение к внутренним делам — вот к чему она призывала после Берлинского конгресса. «Русский голос будет тем внушительнее раздаваться и на Востоке, и во всей Европе, чем быстрее будут расти внутренние силы Русского государства», — писал обозреватель «Нового времени». По его мнению, «...новая война не могла бы дать больших результатов, нежели даст твердая мирная политика России, успокоенной от социальной пропаганды и развивающей свое могущество на пути мирных реформ»¹⁹. Всегда держащая «нос по ветру», по выражению В. И. Ленина, газета и в этот период была верна себе — ее позиция полностью совпадала с официальным курсом политики русского царизма в балканских делах.

Что же касается изданий буржуазно-либерального направления, то среди них не было единодушия в оценке результатов Берлинского конгресса. Воинственно настроенная часть буржуазно-либеральной прессы была представлена влиятельным московским органом — газетой «Русские ведомости», отражавшей позицию тех кругов помещиков и буржуазии, которые были особенно заинтересованы в разрешении восточного вопроса и поэтому наиболее раздражены крушением своих планов²⁰.

Другая часть буржуазно-либеральной прессы выступала за мир и обращение к внутренним делам. Такую позицию занимали газета «Голос» и журналы «Вестник Европы» и «Русская мысль». Для них была характерна и более оптимистическая оценка итогов Берлинского конгресса. Так, по мнению обозревателя «Голоса», именно теперь наступил благоприятный момент для установления прочных связей и «более тесных отношений» славянских народов с Россией²¹.

Корреспондент «Русской мысли» П. Кутузов писал по поводу предполагаемой русской научной экспедиции в югославянские земли: «Осуществив нашу политическую задачу по отношению к славянам и завоевав для них свободу и независимость, мы исполнили только половину лежащей на нас исторической задачи — быть

передовым славянским государством. Другая половина . . . умственное и нравственное единение с южными славянами, находится впереди, и, надобно полагать, что именно теперь (выделено нами. — С. Д.) наступило время осуществления этой второй половины задачи»²².

Существование двух тенденций (агрессивной и миротворческой) в буржуазно-помещичьем общественном мнении России в период и после Берлинского конгресса отражало обострение противоречий в среде господствующих классов под влиянием дипломатических неудач царизма и нараставшего в стране демократического подъема.

Следует отметить, что среди материалов «Вестника Европы» особое место занимали статьи и корреспонденции ученого и публициста А. Н. Пыпина, который рассматривал славянский вопрос с демократических позиций. В период Восточного кризиса 70-х годов и после Берлинского конгресса, когда вся дворянско-монархическая и славянофильская печать кричала о «неблагодарности» сербов, он выступил в защиту сербской «национальной индивидуальности».

«Полицейская нетерпимость» славянофилов, постоянно подчеркивающих «старшинство» русских, приносит, по мнению Пыпина, огромный вред, так как сеет «недоверие и недоумение» среди сербского народа²³. В статье «Несколько слов по поводу южнославянского вопроса» Пыпин резко выступает против «незванного и непрошенного наставничества» в отношении славянских народов, характерного для славянофилов²⁴.

Солидаризируясь с революционными демократами, Пыпин считал, что «нельзя быть другом славянства и ретроградом у себя дома» и что только «свободная демократическая Россия может стать подлинной освободительницей славян»²⁵. А поскольку это время еще не наступило, нужно стремиться, по его мнению, к солидарности со славянскими народами на основе «равенства, свободы, родственности умственного и общественного развития»²⁶.

В отличие от славянофилов, отрицавших самостоятельное будущее для славян вне связей с Россией, Пыпин считал, что «будущность славянства — в его собственных руках»²⁷, а говоря о сербах, подчеркивал, что «народ, показавший в своей истории столько силы, имеет несомненное будущее»²⁸.

В своих выступлениях против славянофилов на

страницах периодической печати Пыпин был не одинок. Его поддерживал известный русский писатель-демократ М. Е. Салтыков-Щедрин, который живо интересовался борьбой югославян за освобождение.

В 70—80-е годы на посту редактора «Отечественных записок» Салтыков-Щедрин продолжал дело Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Он приветствовал освободительное движение югославян, называл славянский вопрос «кровным»²⁹, хотя и считал, что он «для России не полезен», так как «под шумок» его издаются антинародные законы³⁰, один за другим следуют политические процессы, ведется борьба с «нигилизмом». В то же время Салтыков-Щедрин резко протестовал против включения славянских народов в орбиту любого чужеземного влияния — русского, австрийского, немецкого: «С какого права признано необходимым, чтобы Сербия, Болгария, Босния не смели устраиваться по-своему?» — писал он, выступая против грубого вмешательства великих держав в дела славянских народов после Берлинского конгресса³¹.

«Славянские патриоты всех стран и племен, ревниво отстаивая свое племенное развитие, — отмечал обозреватель «Отечественных записок» П. Боборыкин, — не желают вовсе, чтобы им навязывали произвольно теории и доктрины, выработанные в Москве. Они ждут из России совсем других посланцев и агентов. Они требуют гораздо более терпимого, уважительного отношения ко всем своим особенностям. . .»³².

В отличие от либералов, которые хотели строить свои отношения с балканскими народами на основе «взаимной любви между престолом и народом»³³, русские революционные демократы связывали дело освобождения южных славян с победой революции в России и на Балканах.

Внутри- и внешнеполитическое развитие Сербии и русско-сербские отношения на страницах русской прессы

Как уже отмечалось выше, в 1878—1879 гг. русская пресса не выделяла «сербский вопрос» из общевосточной тематики. Вместе с тем процесс становления и развития молодого независимого государства вызывал интерес русской общественности, и с 1880 г. на страни-

цах газет и журналов появляются статьи, посвященные специально Сербии.

В связи с усилением влияния Австро-Венгрии на экономическую и политическую жизнь Сербского княжества, о чем подробно говорилось в 1 главе, наиболее характерными среди публикуемых материалов были статьи, направленные против «пагубных», агрессивных устремлений монархии Габсбургов в отношении Сербии. Так, «Московские ведомости» сообщали, что после Берлинского конгресса началось урегулирование отношений между великими державами и Сербией. Были заключены временные торговые договоры, отменено право консульской юрисдикции и т. д. «Но всякого поразит факт, что отношения между молодым независимым княжеством и его ближайшим соседом, старую габсбургскую монархией, нисколько не изменили своих форм. . . Где причина? Причина старая — стремление Австрии стать господином на Балканах. . .» По мнению корреспондента газеты Кулаковского, состояние сербо-австрийских отношений в настоящее время таково, что «Австрия. . . только ждет удобного момента, чтобы изъять притязание на окончательное включение Сербии в круг своих интересов»³⁴.

С осуждением политики Австро-Венгрии в отношении Сербии выступило и «Новое время». В корреспонденции из Белграда А. Хитрово писал: «. . . австрийцы успели не только в том, что не дали Сербии возможности положить основ внутренней своей индустрии, но даже убили и те ремесла, которые существовали у сербов в их *задруге*»³⁵.

В рамках «сербской» проблемы в центре внимания русской печати в первой половине 1880 г. были переговоры между Австро-Венгрией и Сербией по «железнодорожному» вопросу. Среди опубликованных материалов выделялись корреспонденции «Московских ведомостей»³⁶. В одной из них П. А. Кулаковский, подробно излагая ход переговоров, дал общую оценку заключенной конвенции. «. . . железная дорога, — писал корреспондент, — должна произвести экономический переворот в стране, и может даже нанести глубокую рану Сербскому княжеству, если явится орудием чужой политики, имеющей вожделение относительно богатой сербской земли»³⁷. Таким образом, Кулаковский в целом правильно оценивал возможные

последствия железнодорожного строительства в Сербии прошлого столетия.

Позицию «Московских ведомостей» по этому вопросу разделяли и другие органы русской журналистики. «Новое время» выражало беспокойство относительно того, какой компании — австрийской, русской, французской или бельгийской — будет дана концессия на постройку сербской железной дороги. «Если постройка дорог будет отдана Австрии, — замечал автор передовой статьи, — немцы найдут в Сербии богатую и дешевую территорию для своего переселения. . . Связь же сербских дорог с Болгарией. . . увеличивает пути новой немецкой эмиграции почти на весь Балканский полуостров»³⁸.

По мнению «Русской мысли», после заключения Сербией железнодорожной конвенции «Австрия фактически делается хозяйкой сербской дороги. . .»³⁹.

В связи с отставкой либерального кабинета и приходом к власти младоконсерваторов (будущих напредняков) во главе с М. Пирочанцем в октябре 1880 г. русская периодическая печать оживленно обсуждала вопрос о деятельности правительства Й. Ристича и перспективах политического развития Сербии.

«В последнее время, — сообщали „Московские ведомости“, — особенно в текущем году, много, даже слишком много нападали в Сербии на бывшее правительство: все неудачи во внешней политике, все неурядица внутренние ставились на его счет. . .» Автор корреспонденции отмечал, что хотя некоторые из этих обвинений и справедливы, все же нельзя забывать, что Ристич действовал в определенных исторических условиях, а они были неблагоприятны для Сербии. Положительные итоги деятельности правительства Ристича, по его мнению, заключаются в увеличении территории и населения Сербии в результате двух войн с Турцией, завоевании полной государственной независимости и введении русского языка в качестве специального предмета в ряде сербских учебных заведений⁴⁰.

Газета Каткова сообщила своим читателям некоторые сведения о новых сербских министрах — М. Пирочанце, М. Гарашанине, Ч. Миятовиче и др.⁴¹ Причем, тон этих материалов в 1880 г. довольно миролюбивый, что объяснялось надеждами на изменение внешней политики Сербии в смысле установления более

тесных отношений ее с Россией, возникшими в русских официальных кругах.

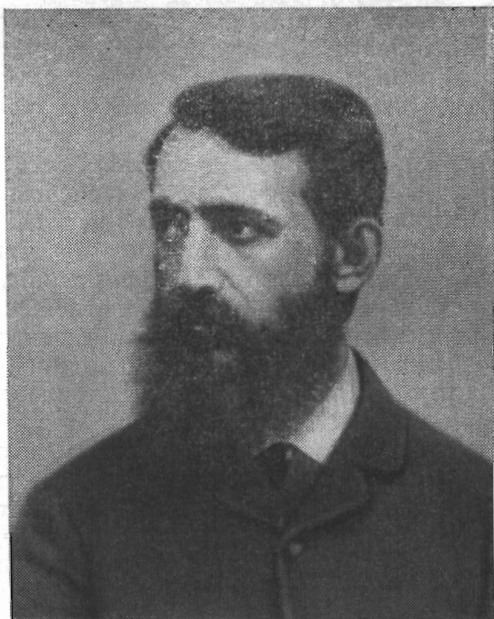
Вслед за «Московскими ведомостями» славянофильская «Русь» утверждала, что обвинения Ристича в уступках Австрии необоснованны, ибо «... географическое положение маленькой и слабой Сербии, окруженной с двух сторон двуликой могущественной империей таково, что уступки с ее стороны могут вызываться простою необходимостью жить в ладу с сильным соседом». Характеризуя новое сербское правительство, газета Аксакова заявляла, что нет пока оснований думать, что оно «поведет свою землю по ложному пути или воспользуется властью для эгоистических видов своей партии»⁴².

В 1881 г. интерес русского общества к событиям, происходившим в Сербии, заметно возрос. Об этом свидетельствует в первую очередь увеличение числа статей и корреспонденций, посвященных Сербскому княжеству, в ряде органов периодической печати. Так, в «Московских ведомостях» в 1881 г. было опубликовано 19 статей, корреспонденций и сообщений о Сербии (в 1880 г. — 12); в «Новом времени» — 10; в «Руси» — 9; в «Голосе» — 9.

В центре внимания русской общественности в этот период были такие события как заключение торгового договора Сербии с Австро-Венгрией, образование сербских политических партий и др.

В начале 1881 г. на страницах периодической печати оживленно обсуждался вопрос о передаче Сербией концессии на строительство железной дороги французской кампании «Union générale» и условиях заключенного договора. В «Московских ведомостях» была опубликована корреспонденция из Белграда П. А. Кулаковского, в которой он вновь обращал внимание на возможные неблагоприятные последствия железнодорожного строительства в Сербии. «Во всяком другом государстве, — отмечал он, — можно было бы только с радостью приветствовать такое полезное дело для страны, но в маленькой Сербии дело стоит иначе: железная дорога может довести ее до крайне бедственного положения», так как может стать средством ее экономического завоевания⁴³.

В подобном же духе о «железнодорожной сделке» с руководителем общества Э. Бонту писала газета «Голос»⁴⁴. Ее корреспондент, серб по происхождению

М. Гаршанин

подчеркивал, что «вся австро-венгерская печать ликует и поет гимны нашему министерству — лучшего доказательства, кому выгодна и кому вредна эта сделка, не надо. Экономически, следовательно, и политически, — подвел он печальный итог, — Сербия в руках Австро-Венгрии»⁴⁵.

Помимо вопроса о концессии внимание русской журналистики в первой половине 1881 г. привлекли переговоры между Сербией и Австро-Венгрией о заключении торгового договора. Газета Каткова отмечала, что согласно сообщениям ее белградского корреспондента, условия договора подверглись резкой критике представителей сербского народа в скупщине. «Они указывают, что этот договор заключен не на основании равноправности, а дает все преимущества Австрии, что он неминуемо поведет к полному экономическому рабству Сербии и развязывает руки Австрии». Соглашаясь в основном с аргументацией оппозиции, корреспондент вместе с тем признавал, что сербскому правительству, в сущности, не оставалось дру-

гого выхода, как или принять условия договора с Австро-Венгрией, или вступить с ней в «экономическую войну», что крайне нежелательно, так как Сербское государство в настоящий момент к такой войне не готово ⁴⁶.

Во второй половине 1881 г. русская журналистика широко обсуждала вопрос о смещении сербского митрополита Михаила с митрополичьего престола. Сообщая о тех гонениях, которым подвергся этот церковный и общественный деятель, всегда стремившийся «содействовать укреплению дружественных отношений к России», «Московские ведомости» называли действия кабинета Пирочанца «делом возмутительной неправды» ⁴⁷.

По мнению «Нового времени», устранение митрополита незаконно и сделано в угоду Австро-Венгрии, которая стремится утвердить свое экономическое влияние и политическое господство в Сербии и покончить с «русским влиянием» ⁴⁸. Выступая в защиту митрополита Михаила, газета ставила дальнейшее «поддержание» русско-сербских отношений в зависимость от решения церковного вопроса в Сербии в его пользу ⁴⁹.

Против смещения митрополита высказалась и аксаковская «Русь», назвав этот акт «диким насилием» ⁵⁰. Подобно «Новому времени», газета была настроена воинственно. Она, правда, не угрожала разрывом отношений, однако считала, что «выход и мирный, и справедливый возможен только один: . . . министерство Пирочанца-Новаковича и К^о должно пасть; митрополит снова восстановлен в своем звании; протесты Синода должны быть переданы на рассмотрение новой скупщины» ⁵¹.

В феврале—марте 1881 г. в русской печати появляются первые отрицательные высказывания о политике правительства напредняков, проводившего проавстрийский курс ⁵². С особой определенностью эта позиция, совпадавшая с мнением русских официальных кругов, проявилась в публикациях «Московских ведомостей» и «Нового времени» — отныне они пишут о напредняках с неизменным порицанием. Так, «Московские ведомости» называли их политический курс «извращением сербской народной политики, которая должна быть связана с православною Россией» ⁵³.

С 1881 г. в сообщениях русской периодической печати о сербских событиях появился новый акцент — противопоставление правительства, интеллигенции и

народа в их отношении к России. Так, в «Новом времени» мы читаем: «Но не вините во всем этом безобразии, которое теперь делается в Сербии, сербский народ. Этот народ чист перед Россией и виноват разве только в том, что создал такую пошлую и по духу чуждую для себя интеллигенцию, которая ведет его государство в пасть австрийских интересов»⁵⁴. «В этом и состоит отличие России от всех прочих европейских государств, — заявляла „Русь“, — что ее партии везде и всюду, но в особенности в славянских странах — сами народы»⁵⁵. Эта позиция была характерна и для других периодических изданий.

Противопоставление сербской интеллигенции и народа на страницах русской печати было не случайным. В этот период издания Каткова — «Московские ведомости» и «Русский вестник» — и близкое к ним в годы демократического подъема 70-х годов «Новое время» вели упорную борьбу против «гнилой интеллигенции» как главного источника «общественного зла». «Нет, наше варварство — в нашей иностранной интеллигенции. Истинное варварство ходит у нас не в сером армяке, а больше во фраке и даже белых перчатках»⁵⁶ — писал обозреватель «Московских ведомостей».

В любом протесте интеллигенции — и либеральной, и демократической — против существующих политических форм Катков видел «роковое несогласие» между интеллигенцией и народом, отрыв ее от «национальной почвы»⁵⁷.

Об «открытии» Каткова и Победоносцева, взятом на вооружение самодержавием, — идее о том, что по натуре своей народ питает ненависть к интеллигенции, к демократии, В. И. Ленин писал: «„Московские ведомости“ всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только „интеллигентское настроение“»⁵⁸.

Утверждение о враждебности народа интеллигенции логически вытекало из «неоохранительной» интерпретации «народности». Провозгласив, что народ сознательно воспринимает самодержавие как необходимость и благо, определяя протест разночинной интеллигенции против существующего строя как отрыв ее от «национальной почвы», Катков неизбежно должен был

прийти к этому «открытию». Дело В. Засулич, в котором как отмечает советский исследователь В. А. Твардовская, неожиданно ярко для Каткова раскрылась связь освободительного движения и демократической интеллигенции, немало способствовало тому, что уже в самом начале общественного подъема этот идеолог самодержавия четко сформулировал свою идею о «ненависти к интеллигенции народа», прочно вошедшую в официальную систему взглядов⁵⁹.

В связи с вышесказанным становятся понятными и неоднократные выпады на страницах дворянско-монархической и буржуазно-монархической прессы против сербской интеллигенции. Так, по утверждению «Московских ведомостей», ее действия ведут к потере Сербией своей независимости⁶⁰. Вслед за газетой Каткова «Русь» называла сербскую интеллигенцию «хлопотствующей перед швабами»⁶¹.

При этом, безусловно, имелась в виду интеллигенция в лице правящей напредняцкой партии. В данном случае именно против нее был направлен весь обличающий пафос рассмотренных статей.

В 1883 г. «Новое время» опубликовало большую статью Кулаковского «Россия и югославянская интеллигенция», в которой была сделана попытка установить причины «враждебности» последней к России и намечены некоторые меры по ее преодолению. «У нас любят постоянно отличать народ и интеллигенцию, — писал корреспондент, — лишь речь зайдет о славянских странах. Обыкновенно весь вопрос сводится к тому, что народ — наш союзник, интеллигенция, в большинстве случаев, — враг. Где же причины этой враждебности. . . образованного югославянина к России? Чем мы можем противодействовать этому направлению интеллигенции. . .» — спрашивал он. Среди простого народа — сербского и болгарского, — продолжал Кулаковский, Россия завоевала «громадный авторитет» вначале благодаря поддержке церквей и монастырей, а затем «защитой народа от турецкого насилия». «Иное дело интеллигенция этих стран. . . Она иногда готова забыть об общенародных интересах ввиду выгод чиновничьих, купеческих и т. д. Но интеллигенция ведет государственные дела, — подчеркивал автор статьи, — управляет ходом если не народной, то политической жизни, и мы должны позаботиться о ней». Не случайно Европа «обратила именно на интеллигенцию все свое

внимание». Одной из практических мер для улучшения создавшегося положения Кулаковский считает изменение существующей в России системы образования югославян, которая имеет ряд недостатков. Среди них в первую очередь он называет плохую организацию «светского воспитания» югославянской молодежи: «В то время, когда мы по традиции заботились о воспитании духовенства для балканских славян, рассылали по их церквам и школам церковные книги, Европа воспитывала в своих школах светских деятелей, рассчитывая, что они будут полезны для нее. А когда мы, — продолжал Кулаковский, — хватились и за светское воспитание молодых сербов и болгар, то оказалось, что политические дела перешли, по крайней мере в Сербии, в руки людей, глядевших на Россию глазами француза, немца, англичанина, кого хотите из европейцев, но не сербского народа». Другими отрицательными моментами в системе образования югославян в России, по мнению автора статьи, являются недостаточная требовательность к ним во время обучения со стороны преподавателей; запрещение выдавать югославянам дипломы после окончания русских учебных заведений, что снижает значение полученного ими в России образования; недостаточное наблюдение за ними, приводящее к тому, что некоторые из них «срамят русскую школу на родине, не привезя с собой от нас никаких сведений».

Кулаковский считал также, что нужно обратить особое внимание на изучение сербскими студентами русского языка, облегчить условия поступления сербов на русскую службу и улучшить организацию посылки в Сербию книг. Кулаковский обращал также внимание на необходимость укрепления русско-сербских научных связей. Все эти меры, писал он, «могут содействовать усилению нашего влияния на славянскую интеллигенцию». И в заключение он отмечал: «Пора подумать о них (представителях интеллигенции. — С. Д.), ибо, легко уступая Европе в ее культурном влиянии на Балканский Восток, мы вредим не только югославянам, но и себе, содействуем постепенному падению русского авторитета на Балканах, делаем сами себе громадные затруднения для развития наших политических сил»⁶². Основная мысль вышеизложенной статьи, таким образом, сводится к следующему: в обстановке вынужденного отказа русской ди-

пломатии от активных действий на Балканах следует всемерно содействовать развитию русско-сербских общественных, научных и культурных связей, обратив особое внимание на враждебно настроенную по отношению к России сербскую интеллигенцию. Эти меры необходимы в целях укрепления политического влияния России в этом регионе.

Ошибка Кулаковского, на наш взгляд, заключается в том, что он не видит разницы в отношении к России различных групп сербской интеллигенции. А ведь ему, как никому другому, было хорошо известно, что в Сербии были сильны и русофильские настроения среди значительной части образованного общества, в основном, сторонников радикальной и либеральной партий, росло стремление к изучению русской литературы и языка, к расширению знаний о России. Об этом Кулаковский подробно писал в своих отчетах в МИД России и письмах к друзьям.

Одним из наиболее интересных вопросов, ставшим предметом обсуждения русской журналистики в 1881—1882 гг., был вопрос о сербских политических партиях. Ему были посвящены две большие статьи — П. А. Кулаковского («Партии в Сербии»), С. В. Чурсина, бывшего русского добровольца, оставшегося в Сербии после 1876 г. («Дела в Сербии») и ряд корреспонденций.

Говоря о сербских партиях, Кулаковский отмечал, что «новое министерство Пирочанца—Гарашанина выдвинуло и новую партию в Сербии, которая отчасти сохранила связи с консерваторами партии Мариновича, а отчасти изменила их программу». Сначала вокруг нее объединились все силы оппозиции правительству Й. Ристича, но затем «одни вернулись в прежний свой лагерь», «другие сконцентрировались, образовав партию радикальную и издав особую программу; третьи. . . оставшись верными правительству, сгруппировались в одно целое и назвали себя *напредняками*, т. е. прогрессистами». Характеризуя напредняцкую партию, Кулаковский замечал, что сначала она была слаба, но «сумела и увеличить число своих членов, и усилить свое влияние, так что впоследствии. . . оказалась самою сильною»⁶³.

Довольно высоко оценивал он деятельность либеральной партии, возглавляемой Й. Ристичем: «Она имеет много заслуг в стране: все важнейшие задачи Сербии и внутри и вне в течение последних 15 лет были

исполнены этою партией»⁶⁴. Говоря о внешней политике партии, Кулаковский поставил ей в заслугу то, что она всегда «искала опоры и поддержки в России»⁶⁵.

О радикальной партии, образовавшейся в 1881 г., он писал следующее: «Несмотря на некоторые пункты, в которых эта партия выражала свои радикальные желанья, программа ее в сущности очень умеренна, требует коренных реформ в стране и указывает правильный путь внешней политике Сербии. . . Если исключить некоторые пункты из этой радикальной программы, как например, пункт об уменьшении постоянной армии до крайнего минимума, то она не представляет в себе ничего крайнего или разрушительного, как обыкновенно подразумевают при имени *радикальная партия*»⁶⁶. К письму от 14 января 1881 г., адресованному И. С. Аксакову, Кулаковский приложил программу этой партии. «Из нее Вы увидите, — писал он, — что в сущности это своеобразные либералы-прогрессисты с оттенком фантастическим, но никак не коммунары и не наши нигилисты»⁶⁷. Говоря о сербских радикалах, Кулаковский неоднократно подчеркивал, что они являются сторонниками укрепления дружественных отношений с Россией. В письме к тому же Аксакову от 21—27 мая 1882 г. он подчеркивал, что радикалы «представляют здоровый элемент народности и из всех сил проповедают о спасении сербской народности от Австрии»⁶⁸. Следует также отметить, что Кулаковский лично знал вождей радикалов — Н. Папича, Р. Милошевича и др. — и после отъезда из Сербии вел с ними на протяжении ряда лет переписку. Так, в письме от 15 октября 1883 г. Милошевич прислал ему проект конституции, разработанный Главным комитетом радикальной партии⁶⁹.

Отрицательную позицию в отношении радикальной партии занял один из наиболее влиятельных органов буржуазно-либеральной печати газета «Голос». 21 февраля 1881 г. в ней была помещена небольшая статья анонимного автора с изложением программы радикальной партии, согласно которой, по его мнению, «радикалы стремятся к полному уничтожению княжеской власти»⁷⁰. Отрицательное отношение «Голоса» к сербской радикальной партии, на наш взгляд, объясняется тем обстоятельством, что газета писала о ней в 1881 году — сразу же после создания — и название и программа этой партии своей кажущейся револю-

ционностью пугали русских либералов. Доказательством тому может служить позиция другого органа буржуазно-либеральной журналистики — «Вестника Европы», который писал о сербских радикалах в 1883 г. В это время о радикалах и их деятельности, борьбе за новую прогрессивную конституцию и ограничение абсолютизма непопулярного в русских правящих кругах короля Милана, а также их прорусских симпатиях было известно значительно больше. Вот почему, рассматривая проект конституции, составленный радикалами летом 1883 г., «Вестник Европы» защищал их от нападков напредняков, обвинявших лидеров радикалов в стремлении осуществить в Сербии революцию. Журнал отмечал, что «радикалы, которым приписываются самые превратные и вредные тенденции, сходятся во многом с требованиями здравого либерализма». При рассмотрении же составленного ими проекта конституции, становится, по мнению «Вестника Европы», ясно, что «намеков на революцию тут нет никаких. . .»⁷¹

Таким образом, появление на политической арене Сербии радикалов привлекло внимание русской общественности. В 1882—1883 гг. на страницах ряда газет и журналов были опубликованы материалы о радикальной партии и ее практической деятельности. Рост интереса к ней в определенных слоях русского общества был связан, на наш взгляд, со стремлением опереться на новую партию, пользовавшуюся большим авторитетом среди широких масс сербского крестьянства, в деле нормализации русско-сербских отношений, укрепления политического влияния России в Сербии.

Деятельность партии привлекла внимание и представителей демократических кругов России. В 1885 г. в журнале «Вестник Народной воли» (№ 4) была опубликована статья анонимного автора, серба, «Исторический очерк политического движения в Сербии в 1881—1883 гг.», написанная с позиций радикалов. В конце «Очерка» редакция журнала поместила послесловие — «Несколько заключительных слов». П. Л. Лавров, редактор журнала, и его сторонники, имевшие тесные контакты с будущими сербскими радикалами уже в 70-е годы, подвергли резкой критике деятельность их партии в начале 80-х годов. В послесловии Лавров писал: «. . .вся история последних годов, выставя все настоятельнее на очередь вопросы политические и при- нуждая сербских социалистов взять на себя роль кадра

Чисто политической агитации, отодвигает в среде их партии все более на задний план вопросы социализма»⁷². Выдвижение на первый план политической борьбы и пренебрежение экономическими вопросами Лавров считал главной ошибкой сербских радикалов. Русский революционер допускал, что этот процесс был в известной мере закономерен в своеобразных условиях становления и развития их партии: «Может быть общественные и исторические условия в Сербии делали неизбежными то преобладание политических задач над экономическими, которое все растет с самого начала деятельности социалистов. . .»⁷³. Однако ошибкам в деятельности радикальной партии Лавров не находит оправдания. Он осуждает ее лидеров за то, что они забыли о насущных экономических потребностях народа. Подводя итог, он еще раз подчеркнул, что на примере Сербии видно, «насколько социалистическая партия, становящаяся центром чисто политического движения, даже при успешной деятельности, рискует фатально отодвигать все далее свои социалистические принципы, и поэтому как тщательно она должна поддерживать их в своей среде, если не хочет стать вполне на одну и ту же почву деятельности со своими экономическими противниками»⁷⁴. Была подвергнута критике и тактика сербских радикалов, их «доверие к легальным средствам» борьбы, что привело к разгрому партии после Тимоцкого восстания.

С конца 1882 г. интерес русской общественности к событиям в Сербии значительно возрос. В прессе появился целый ряд сообщений о различных проявлениях недовольства австрофильской, антинародной политикой напредняцкого правительства⁷⁵.

Принимая во внимание внутривнутриполитический кризис в Сербии, становится ясным, заявляли «Московские ведомости», почему в стране происходят такие события, как покушение Елены Маркович на короля Милана⁷⁶. Вдова офицера Ефрема Марковича (брата С. Марковича), расстрелянного за участие в Топольском восстании 1876 г., 11 октября 1882 г. совершила покушение с целью отомстить за смерть мужа. Милан и его окружение считали, что Е. Маркович была орудием в руках стремившихся к власти радикалов.

Большой интерес представляют опубликованные на страницах «Русской мысли» в 1882—1884 гг. «Заметки по внешним делам» видного общественного дея-

теля, ученого-слависта и публициста А. А. Майкова. Он принадлежал к тем представителям русской общест-венности и журналистики, которые были недовольны результатами Берлинского конгресса. Поэтому в своих статьях Майков критиковал русскую дипломатию за уступки, сделанные Австро-Венгрии, особенно в отношении Сербии, в связи с чем «последняя турецкая война, — отмечал он, — принесла нам только ущерб в международном положении, а Австрии — осязательные выгоды»⁷⁷. Эти взгляды, близкие к той позиции, которую занимало большинство сербской интеллигенции по тому же вопросу, не могли не вызывать одобрения последней. Так, 8 октября 1882 г. сербский ученый, бывший министр просвещения А. Васильевич писал Майкову: «. . . с большим удовольствием читал я Ваши заметки о внешней политике в „Русской мысли“»⁷⁸. «Мы все в Сербии, — отмечал в письме от 17 сентября 1879 г. сербский митрополит Михаил, — читая Ваши мысли, очень ценим Вашу любовь, беспристрастие и справедливость»⁷⁹.

В «Заметках» Майков затронул также вопрос о внутривластном положении в самой Сербии после 1878 г.

Критика действий русской дипломатии сочеталась у него с критикой антинародной политики сербского правительства. В конце 1882 г. он писал: «Что же представляла. . . современная Сербия при нынешнем министерстве? — Наглое попрание народных прав, освященных державным Уставом. Всенародный, явный обман министров, которые, захватив в свои руки власть, приняли иное направление, иной образ действий, иные взгляды, чем те, какие они проводили, лстя народу, когда еще не стояли у дел. Нарушение выборного начала и давление на избирателей через чиновников. . . Подставное и подкупное большинство в скупщине, принимающее договоры, клонящиеся к очевидному вреду Сербии. . . Подкупы со стороны иностранных железнодорожных предпринимателей в высшей правительственной среде. . . Нарушение права скупщины. . . Унизительное и оскорбительное для народного чувства и вовсе ненужное угодничество перед Австрией. . . Вот краткое и далеко не полное изображение теперешней Сербии — изображение, которое, будучи признаваемо каждым разумным и преданным своему отечеству сербом, не может не произвести на него тягостного впе-

чатления и возбудит в нем более или менее острое недовольствие»⁸⁰.

По мнению Майкова, Россия не должна безучастно смотреть на действия напредняцкого правительства, которое «наносит неисправимый ущерб своей стране». «Долг русской политики, — писал он, — противустать такому направлению и спасти Сербию для самой же Сербии»⁸¹.

В русской печати получили освещение и события в Восточной Сербии в конце 1882—начале 1883 г.⁸² Крестьяне этого края отказались проводить по требованию Австро-Венгрии специальное клеймение скота, так как это ставило их в невыгодные условия при его продаже. Подавление этих волнений не остановило развития крестьянского движения в Сербии. Уже осенью 1883 г. здесь произошло самое крупное за всю историю XIX в. крестьянское восстание, получившее в исторической литературе название Тимокского. Причинами восстания были тяжелое экономическое положение народных масс, разорение и обнищание крестьянства, нерешенность аграрного вопроса, ненависть народа к бюрократической системе, австрофильской политике правительства. Восстание проходило под лозунгом защиты конституции и расширения прав органов местного самоуправления. В нем принимали участие сельская и городская беднота, среднее крестьянство, мелкая городская буржуазия, учителя и священники. Идейным руководителем восстания была радикальная партия. На первом этапе своей деятельности она способствовала расширению крестьянского движения, вела агитацию за восстание. Выдвинув лозунг борьбы за демократизацию конституции и за права скупщины, она тем самым внесла некоторый элемент сознательности в стихийное движение масс⁸³. На местах активно действовали многие рядовые члены партии. Но призывая народные массы к выступлению, радикальная партия ничего не сделала для его практической подготовки. Кроме того, в начале восстания были арестованы почти все члены Главного комитета партии и, таким образом, повстанцы лишились своих руководителей.

Несмотря на героическое сопротивление всех трех повстанческих центров (Болевац, Баня, Княжевац), Тимокское восстание было подавлено. 1 ноября королевские войска под командованием генерала Т. Николича

захватили последний опорный пункт восставших г. Алексинац. После подавления восстания в Заечаре состоялся чрезвычайный суд. Король Милан жестоко расправился с радикалами, выступавшими против его политического курса. 20 повстанцев и среди них руководители восстания священник Маринко Ивкович и Люба Дидич были расстреляны на горе Кралевица возле Заечара; 567 человек — отправлены на каторгу, около 70 — брошены в тюрьму. Глава радикальной партии Н. Пашич, а также несколько руководителей восстания — Аца Станоевич, Жика Миленович и др. — эмигрировали из Сербии⁸⁴. «Расстреливая выдающихся членов радикальной партии, — писал в донесении из Белграда от 18 ноября 1883 г. А. И. Персиани, — он (король Милан. — С. Д.) надеется парализовать действия самой значительной части парламентской оппозиции и тем самым отстранить встречаемое им сопротивление в Скупщине»⁸⁵.

Тимокское восстание привлекло пристальное внимание русской журналистики, считавшей его одним из поворотных моментов сербской истории.

Первая публикация о восстании появилась на страницах «Нового времени». «Война загорелась в Сербии — война армии, исполняющей волю короля, с народом»⁸⁶, — писала газета. Говоря о причинах восстания, «Новое время» заявляло, что оно представляет собой выражение недовольства политикой правительства⁸⁷. Раздраженная проавстрийским курсом сербских правящих кругов газета предостерегала: «Весьма опасный оборот для правительства короля Милана может принять настоящий кризис в Сербии, если часть армии соединится с бунтующими. . .»⁸⁸. И позднее газета продолжала следить за развитием событий в Сербии. Почти в каждом ее номере после 26 октября публиковались сообщения о ходе восстания (№№ 2757, 2758, 2759 и др.). «Новое время» обращало внимание на связь радикальной партии с восстанием: «Вследствие произведенного королевским комиссаром генералом Николчем дознания в ночь на 26 октября были арестованы в качестве негласных виновников беспорядков все проживающие в Белграде вожди радикальной партии»⁸⁹. Газета высоко отзывалась о лидерах радикалов, называя, например, Тодоровича «высокообразованным человеком и выдающимся писателем, который вскоре пополнил пробел, образовавшийся в сербской журна-

листике после смерти Светозара Марковича, основателя газеты „Радник“»⁹⁰. Статьи и корреспонденции «Нового времени» были полны недовольства действиями сербских властей, которые жестоко обращались с арестованными⁹¹.

Вскоре после подавления восстания в «Новом времени» была опубликована статья Кулаковского «Положение дел в Сербии», посвященная анализу происшедших событий. Прежде всего автор попытался определить, «было ли это восстание организовано какою-нибудь партией или это был лишь взрыв народного негодования?» «... возникновение восстания в восточных пределах Сербии, — писал он, — показывает, что оно не было организовано, ибо радикальная партия сильна в юго-западных округах королевства и радикалы там бы начали свое восстание»⁹². Таким образом, делал вывод Кулаковский, радикальная партия не могла быть и не была организатором и руководителем Тимоцкого восстания, хотя рядовые ее члены приняли в нем активное участие. По его мнению, восстание было «взрывом народного негодования» против политики сербского правительства.

С оценкой причин Тимоцкого восстания «Новым временем» полностью была согласна газета «Русь». Она также видела в нем прежде всего «взрыв народного негодования» и добавляла — «...чем дальше будет идти белградское правительство по своему австрофильскому пути, тем глубже и шире станет это волнение»⁹³.

Несколько иной позиции по этому вопросу придерживались «Московские ведомости». По утверждению газеты Каткова, главной причиной недовольства сербского народа напредняцким кабинетом была «„культурная борьба“, которая привела к вторжению сербских министров в область церковно-каноническую» и изгнанию митрополита Михаила. Поэтому и «разрешение внутренних затруднений Сербии», по мнению «Московских ведомостей», возможно лишь в случае урегулирования церковного вопроса в пользу митрополита⁹⁴.

Но независимо от того, что «Новое время» и «Русь» главной причиной восстания считали недовольство народа проавстрийским политическим курсом короля Милана и его министров, а «Московские ведомости» — действия напредняков в церковном вопросе, они вводили читателей от подлинных причин восстания, так как ничего не писали о тяжелом экономическом поло-

жении народа, которое заставило крестьян взяться за оружие.

Таким образом, материалы прессы показывают, что отношение дворянско-буржуазных кругов русского общества к крестьянскому восстанию в Сербии было довольно сочувственным, так как оно было направлено против политики Милана и его правительства, проводивших проавстрийский курс и свернувших с пути традиционных дружественных отношений с Россией. События в Тимокской Крайне рассматривались поэтому не просто как восстание, бунт, а выступление, которое может привести к положительным для русской политики изменениям.

После подавления Тимокского восстания интерес русской периодической печати к сербским событиям заметно снизился. После 1883 года материалы о Сербии лишь изредка появлялись на страницах газет «Московские ведомости», «Новое время» и «Русь». Число их значительно сократилось. Так, за весь 1884 г. в «Новом времени» появилось всего 5 публикаций о Сербии, в «Московских ведомостях» — 7, «Руси» — 1. Изменился и характер материалов: если раньше это были передовые статьи, обширные корреспонденции, обзоры внутренней и внешней политики, то теперь, главным образом, короткие заметки, сообщения — о начале выборов в скупщину⁹⁵, о министерском кризисе, об открытии движения по сербской железной дороге⁹⁶, о начале пограничных конфликтов между Сербией и Болгарией⁹⁷ и т. д.

Среди опубликованных в 1884 г. «сербских» материалов наиболее интересны 2 статьи в «Новом времени» — об открытии первой сербской железной дороги между Белградом и Нишем⁹⁸ и приеме, устроенном в Белграде в честь русского слависта В. И. Ламанского⁹⁹.

В 1885 г. число материалов о Сербии несколько увеличилось. Это было связано с обострением внутриполитической борьбы в стране и с начавшейся подготовкой Сербии к войне с Болгарией. Так, «Московские ведомости» писали в этот период: «В Сербии все больше и больше ширятся неладицы и волнения. Правительство «напредняцкой» котерии, несмотря на то, что создало целую армию жандармов и может пользоваться войсками для уничтожения разбойничества в стране, оказывается бессильным в этом отношении и гайдуки

не уменьшаются в числе, а лишь возрастают. . .»¹⁰⁰
О выступлениях против политики австрофильского напредняцкого правительства писал и Кулаковский в корреспонденции «Руси» из Загреба¹⁰¹.

Накануне сербо-болгарской войны количество сообщений о Сербии в прессе увеличилось. В сентябре — октябре были опубликованы сведения о состоянии сербских финансов и армии¹⁰². Мнение русской общественности было единодушно — состояние сербских вооруженных сил накануне войны таково, что ни с финансовой, ни с военной стороны Сербия не может «вести серьезную войну без чужой помощи»¹⁰³.

2 ноября 1885 г. началась сербо-болгарская война. Внимание всей русской печати было приковано к событиям на Балканском полуострове, которые получили широкое освещение на ее страницах, но этот вопрос уже выходит за рамки нашего исследования.

Проследив отражение в русской журналистике конца 70-х — первой половины 80-х годов основных моментов внутривнутриполитического развития и внешней политики Сербского государства, можно подвести некоторые итоги:

Русская общественность проявляла большой интерес к событиям в Сербии в 1878—1885 гг., особенно в 1881 г. и 1883 г. В первую очередь это было связано с процессом становления и развития молодого независимого государства. В газетах и журналах освещались все важнейшие события в жизни Сербии.

В рассматриваемый период, как уже отмечалось, сербские правящие круги проводили проавстрийский политический курс. В связи с этим значительное внимание русская общественность уделяла поиску путей и средств для изменения и улучшения этого «пагубного» направления русско-сербских отношений. Этой тенденцией были пронизаны статьи и корреспонденции П. А. Кулаковского — главного «сербского» корреспондента «Нового времени», «Московских ведомостей» и «Руси». В них звучала резкая критика сербского правительства за отход от прорусской ориентации и приветствовались те политические силы, которые выступали против Австро-Венгрии и за сближение с Россией. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить сочувственное отношение Кулаковского, отнюдь не отличавшегося демократизмом воззрений, к сербским радикалам.

Сосредоточив основное внимание на освещении политической борьбы в Сербии в указанный период, русские газеты и журналы почти ничего не писали об экономическом развитии страны, о положении сербского народа и нерешенности аграрного вопроса. Именно поэтому они не могли указать подлинных причин ряда событий, например, крестьянского восстания осенью 1883 г. В то время как оно объективно представляло собой попытку народных масс революционным путем осуществить буржуазно-демократические преобразования, русская периодическая печать усматривала причину восстания лишь в недовольстве австрофильской политикой правительства или нерешенности церковного вопроса.

Подводя итог, следует также подчеркнуть, что несмотря на некоторые различия в оценках отдельных событий органы дворянско-монархической, буржуазно-монархической и буржуазно-либеральной прессы сходились на признании необходимости укрепления политического влияния России в Сербии в новой международной обстановке, сложившейся после Берлинского конгресса. Это направление полностью совпадало с позицией официальных кругов России. Вместе с тем, несмотря на политические интересы, которые преследовали в Сербии вышеуказанные слои русского общества, они в своих периодических изданиях неизменно призывали к укреплению связей между двумя братскими славянскими народами, что имело большое положительное значение.

¹ См.: Козьмин Б. П. Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX в. М., 1948; Есин Б. И. Демократический журнал «Дело». М., 1957; Он же. Русская журналистика 70—80-х годов XIX в. М., 1963; Он же. Русская газета второй половины XIX в.: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. М., 1973; Балух Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971; Афанасьев А. П. Из истории цензурной политики самодержавия в конце 70-х—начале 80-х годов XIX в. // Вопросы истории СССР. М., 1972; История русской журналистики XVIII—XIX вв. М., 1973 и др.

² История русской журналистики XVIII—XIX вв. С. 414.

³ Балух Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика. М., 1971. С. 100.

⁴ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 4.

⁵ Цит. по: Гиляровский В. А. Москва газетная: Рассказы и очерки // Избранное: В 3 т. М., 1960. Т. 2, С. 17.

- ⁶ Подробнее см. о нем в III главе. Пребыванием Кулаковского в Сербии воспользовались издатели ряда газет и журналов: М. Н. Катков, А. С. Суворин, И. С. Аксаков, предложив ему сотрудничать в их органах. В течение всего своего пребывания в Сербии он писал корреспонденции и статьи и посылал их в Россию. Вернувшись на родину в 1882 г., он продолжал сотрудничать в газетах «Московские ведомости», «Новое время», «Русь» и журнале «Русский вестник».
- ⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 4 об.
- ⁸ Там же. Л. 10 об.
- ⁹ *Балуев Б. П.* Политическая реакция. . . С. 174.
- ¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 43—44. В цикле «В среде умеренности и аккуратности» М. Е. Салтыков-Щедрин под видом газеты «Чего изволите?», редактируемой грибоедовским Молчалиным, изобразил «Новое время» Это прозвище как позорное клеймо навсегда осталось за изданием Суворина.
- ¹¹ *Есин Б. И.* Русская журналистика. . . С. 162.
- ¹² *Балуев Б. П.* Политическая реакция. . . С. 168.
- ¹³ *Есин Б. И.* Русская журналистика. . . С. 125.
- ¹⁴ См.: *Адо В. И.* Либеральная пресса в России об итогах Берлинского конгресса 1878 г. // Учен. зап. Казан. ун-та. 1957. Т. 117, кн. 9, вып. 1; *Он же.* Русские революционеры и демократическая пресса об итогах русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 г. // Там же. Кн. 10; *Он же.* Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России // Исторические записки. М., 1961. Вып. 69.
- ¹⁵ *Адо В. И.* Берлинский конгресс. . . С. 102—103.
- ¹⁶ Рус. вестн. 1878. Июль. С. 516.
- ¹⁷ Моск. ведомости. 1879. 26 марта.
- ¹⁸ П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову 31 мая 1879 г. // ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 10.
- ¹⁹ Новое время. 1879. 16 (28) июля.
- ²⁰ *Адо В. И.* Либеральная пресса в России. . . С. 48.
- ²¹ Голос. 1878. 14 (26) авг.
- ²² Рус. мысль. 1879. № 4. С. 40.
- ²³ Вестн. Европы. 1876. № 10. С. 888.
- ²⁴ Там же. С. 890, 895.
- ²⁵ Там же. 1877. № 12. С. 828—829.
- ²⁶ Там же. 1879. № 6. С. 592.
- ²⁷ Там же. 1877. № 12. С. 829.
- ²⁸ Там же. 1876. № 10. С. 893.
- ²⁹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч. / Под ред. В. Я. Кирпотина и др. М., 1938. Т. 12. С. 618.
- ³⁰ Там же. М., 1939. Т. 19, кн. 2: Письма, 1876—1884. С. 78.
- ³¹ Цит. по: *Беляева Ю. Д.* Сербская литература в русской науке и критике последней четверти XIX—начале XX в. // Русско-югославские литературные связи: Вторая половина XIX—начало XX в. М., 1975. С. 43.
- ³² Отеч. зап. 1878. № 7. С. 23.
- ³³ *Адо В. И.* Берлинский конгресс. . . С. 135.
- ³⁴ Моск. ведомости. 1880. 19 янв.
- ³⁵ Новое время. 1880. 5 (17) мая.
- ³⁶ Моск. ведомости. 1880. 5 апр; 13 мая и др.
- ³⁷ Там же. 15 июня.
- ³⁸ Новое время. 1880. 19 (31) мая.

- 39 Рус. мысль. 1881. № 12. С. 62.
40 Моск. ведомости. 1880. 8 нояб.
41 Там же. 12 нояб.
42 Русь. 1880. 20 дек.
43 Моск. ведомости, 1881. 5 марта.
44 Голос. 1881. 28 февр.; 7 марта.
45 Там же. 7 марта.
46 Моск. ведомости. 1881. 29 мая.
47 Там же. 25, 27 окт.
48 Новое время. 1881. 27 окт. (8 нояб.), 30 окт. (11 нояб.).
49 Там же. 15 (28) нояб.
50 Русь. 1881. 14 нояб.
51 Там же. 31 окт.
52 Голос. 1881. 12 февр.; Моск. ведомости. 1881. 24 марта.
53 Моск. ведомости. 1881. 23 июля.
54 Новое время. 1881. 15 (27) апр.
55 Русь. 1881. 31 окт.
56 Цит. по: *Твардовская В. А.* Идеолог самодержавия в период кризиса «верхов» на рубеже 70—80-х годов XIX в. // Исторические записки. М., 1973. Вып. 91. С. 223.
57 Там же. С. 221.
58 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 169—170.
59 *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия. С. 177.
60 Моск. ведомости. 1881. 24 марта.
61 Русь. 1881. 7 нояб.
62 Новое время. 1883. 18 (30) дек.
63 Моск. ведомости. 1881. 6 нояб.
64 Там же.
65 Там же. 7 нояб.
66 Там же. 6 нояб.
67 ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 14.
68 ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 2 об.
69 ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 175. Л. 4. об.
70 Голос. 1881. 21 февр.
71 Вестн. Европы. 1883. № 12. С. 856, 857.
72 Вестн. Нар. воли. 1885. № 4. С. 36.
73 Там же. С. 37.
74 Там же.
75 См., например: Новое время. 1882. 23 сент. (5 окт.); Голос. 1882. 13 (25) июня; Рус. мысль. 1882. № 4. С. 162.
76 Моск. ведомости. 1882. 17 окт.
77 Рус. мысль. 1882. № 5. С. 114.
78 ОР ГПБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 226. Л. 9 об.
79 Там же. Д. 299. Л. 7.
80 Рус. мысль. 1882. № 12. С. 95—97.
81 Там же. 1882. № 4. С. 159.
82 Новое время. 1883. 14 (26) февр.
83 *Короткова В. И.* Тимокское восстание и радикальная партия // Крат. сообщ. Ин-та славяноведения. 1953. № 11. С. 46.
84 *Историја српског народа* Књ. 6, т. 1. С. 73.
85 АВПР. Ф. Политархив. 1883 г. Д. 424. Л. 171—171 об.
86 Новое время. 1883. 26 окт. (7 нояб.).
87 Там же. 3 (15) нояб.
88 Там же. 26 окт. (7 нояб.).
89 Там же. 31 окт. (12 нояб.).

- ⁹⁰ Там же. 1 (13) нояб.
⁹¹ Там же. 3 (15) нояб.
⁹² Там же. 12 (24) дек.
⁹³ Русь. 1883. 15 нояб.
⁹⁴ Моск. ведомости. 1883. 20 нояб.
⁹⁵ Новое время. 1884. 22 янв. (4 февр.).
⁹⁶ Там же. 5 (17) февр.
⁹⁷ Моск. ведомости. 1884. 31 мая.
⁹⁸ Новое время. 1884. 26 авг. (7 сент.).
⁹⁹ Там же. 5 (17) сент.
¹⁰⁰ Моск. ведомости. 1885. 26 сент.
¹⁰¹ Русь. 1885. 21 сент.
¹⁰² Моск. ведомости. 1885. 30 сент.; Новое время. 1885. 20 сент.
(2 окт.); Русь. 1885. 12 окт.
¹⁰³ Русь. 1885. 12 окт.

Русско-сербские научные связи

После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса значительно расширяются и укрепляются существовавшие уже в предшествующий период научные связи двух стран. Большую роль здесь сыграло распространение в среде сербской интеллигенции русской литературы и культуры. Их влияние на культурную и общественную жизнь Сербии было поистине огромным. Это признавали все крупнейшие сербские писатели. Б. Нушич в предисловии к своей комедии «Подозрительная личность» писал, что в конце 70-х—начале 80-х годов XIX в. в сербской литературе «произошел процесс перехода от романтизма к реализму. . . Из русских писателей самыми популярными в то время были Чернышевский, Тургенев и Гоголь; первый среди них был любимым писателем „новых людей“ . . . ; Тургенев стал любимцем литературно-образованной публики. . . , а Гоголь был писателем всей тогдашней молодежи, которая восторгалась его острой сатирой, особенно на русскую бюрократию. . . Наше тогдашнее общество и прежде всего бюрократия были настолько похожи на то, что изобразил Гоголь в «Ревизоре», что его можно было счесть нашим отечественным писателем»¹.

В это время в Сербии было переведено большинство произведений Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.²

В свою очередь писатели и общественные деятели России с большим вниманием относились к развитию сербской литературы, приветствовали переводы произведений русских писателей, свидетельствовавшие об укреплении и расширении взаимных литературных контактов. Примечательно, что когда в Сербии был переведен роман Тургенева «Новь» (в 1877—1878 гг.), русский ученый и публицист А. Н. Пыпин сразу же откликнулся на это событие, опубликовав в «Вестнике Европы» статью «Начатки литературной солидарности».

Перевод «Нови» на сербский язык Пыпин рассматривал как «начало серьезного ознакомления сербских читателей с настоящей действительностью русской жизни и литературы»³. В этой и других статьях ученый призывал к укреплению русско-сербских связей. Он подчеркивал, что взаимные отношения двух братских народов должны основываться не на одних только «исторических воспоминаниях», а на сближении «двух обществ в . . . нравственно-политических и образовательных интересах. . .»⁴, что невозможно, по его мнению, без «сближения литературного» и без взаимного изучения «современного положения» народов⁵. Сербам в этом могут помочь, отмечал Пыпин, произведения Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Добролюбова, Писарева и Чернышевского, которые отражают «внутренние процессы и борьбу русской жизни», русским — знакомство с современной литературой и публицистикой Сербии⁶.

Статья Пыпина «Начатки литературной солидарности» была переведена на сербский язык и опубликована в 1879 г. в журнале «Стража», выходившем в Нови-Саде⁷. Знакома русскую публику с платформой этого журнала, который пропагандировал социалистические идеи в политике и реализм в литературе и эстетике. Пыпин вместе с тем отмечал, что социализм, по его мнению, «несвоевременен» для сербского общества, так как сербский народ должен еще добиться полной свободы и государственного единства. Однако новое, социалистическое направление он рекомендовал «принять в соображение тем, кто думает о славянской взаимности»⁸. Таким образом, Пыпин, не понимавший и не принимавший социалистические идеи, ориентировал прогрессивную русскую общественность и науку на изучение всех направлений современного развития культуры и литературы в Сербии, в том числе и «социалистического».

Расширению и укреплению русско-сербских научных связей в последней четверти XIX в. в значительной степени способствовали достижения русской науки и особенно славяноведения. Русские ученые А. Н. Пыпин, Н. А. Попов, В. В. Макушев, А. А. Майков, П. А. Кулаковский, Т. Д. Флоринский внесли большой вклад в изучение сербской истории, литературы и культуры в целом. Это оценили и их современники в Сербии. В данном случае нельзя не согласиться с мнением тогдашнего сербского митрополита Михаила,

бывшего одновременно и значительной фигурой в культурной и политической жизни Сербии, когда в письме к Т. Д. Флоринскому он отмечал, что русские ученые «обязали сербов. . . трудами по истории их»⁹.

Высоко ценили ученые Сербии и научную подготовку русских славистов. Познакомившись с учеником профессора В. И. Ламанского В. В. Качановским, сербский литературовед и историк Ст. Новакович писал, что учебные заведения России «дают. . . зрелое, верное воспитание в области научной»¹⁰.

Сербские ученые были заинтересованы в расширении контактов с деятелями русской науки. Так, давая свое согласие на установление «непосредственных связей» с В. И. Ламанским, Ст. Новакович отмечал, что они «очень полезны для научной и литературной деятельности и способствуют ее развитию»¹¹.

Главным научным учреждением Сербии в рассматриваемый период, сыгравшим значительную роль в развитии русско-сербских научных связей, было Сербское ученое общество (Српско учено друштво). Оно было создано в 1842 г. как общество сербской словесности, но вскоре его деятельность прервалась — в связи со сменой правящей династии. Воссозданное в 1844 г. общество поставило своей главной целью развитие науки, «усовершенствование» сербского языка. С 1846 г. начал выходить орган общества — «Гласник» (до 1862 г. вышло 17 книг). С 1851 г. оно имело связи с Российской Академией наук. В 1864 г. Общество сербской словесности было преобразовано в Сербское ученое общество. Оно имело несколько комитетов — исторических наук, математический, искусства, по распространению научных знаний среди народа. В 1864—1868 гг. председателя общества сроком на один год назначал князь; с 1869 г. были введены выборы председателя. В 1879—1883 гг. им являлся Й. Панчич, в феврале 1883 г. на этот пост был избран Вл. Йованович. В конце 70-х — первой половине 80-х годов преобладающее влияние в Сербском ученом обществе имели ученые — сторонники либеральной партии. В 1886 г. была образована Сербская королевская академия, а в конце 1892 г. произошло слияние общества и Академии, до этого существовавших раздельно. Наряду с постоянными членами в самой Сербии общество имело значительное число почетных членов и членов-корреспондентов (без права голоса) за границей. Органом общества был «Глас-

ник Српског Ученог друштва» (в 1869—1892 гг. вышла 51 книга).

Заслуги русских ученых в разработке целого ряда важных вопросов истории Сербии и других славянских стран были отмечены присвоением многим деятелям русской науки и культуры звания почетных членов и членов-корреспондентов Сербского ученого общества. Среди них: А. А. Майков, И. С. Аксаков, В. И. Ламанский, Н. И. Костомаров, А. Н. Пыпин, Н. А. Попов, Ф. И. Буслаев, И. С. Ястребов, П. И. Леонтович, Я. К. Грот, К. Я. Грот, В. Г. Васильевский, П. А. Кулаковский, В. В. Макушев, Т. Д. Флоринский и др.¹²

Расширению русско-сербских научных связей в значительной степени способствовало введение русского языка в качестве специального предмета в ряде учебных заведений Сербии. Инициатором этого мероприятия выступило сербское правительство в лице министра просвещения Алимпие Васильевича (1831—1911). А. Васильевич учился в России, закончил Киевскую духовную Академию и получил степень магистра. Хорошо знал русский язык и литературу. В личных архивах русских ученых и общественных деятелей — Н. А. Попова, П. А. Кулаковского, Н. Н. Дурново, В. И. Ламанского и др. — хранится немало писем А. Васильевича, написанных по-русски. После возвращения на родину он стал преподавателем гимназии и белградской семинарии, а в 1869 г. — профессором философии в Великой школе *. А. Васильевич — видный государственный деятель Сербии последней четверти XIX в. Он четыре раза занимал пост министра просвещения, когда у власти в Сербском государстве находились либералы. Был членом либеральной партии. Позднее, в 90-е годы, он дважды был сербским посланником в Петербурге. Васильевич являлся активным сторонником распространения русского языка и литературы в Сербии. С 1849 г. русский язык в качестве обязательного предмета преподавался в белградской богословской школе (первыми учителями сербов были русские преподаватели В. Т. Вердиш и Д. А. Рудинский); в 1863/64 учебном году А. Васильевич, в то время преподаватель семинарии, вел факультативный курс рус-

* В 1838 г. в Белграде было создано первое высшее учебное заведение Сербии — Лицей. В 1863 г. он подвергся реорганизации и был переименован в Великую школу (университет).

ского языка в Великой школе, в 1862 и 1871 гг. в Сербии вышли два учебника русского языка А. Васильевича, а в 1873 г. — хрестоматия Я. Павловича для учеников семинарии¹³.

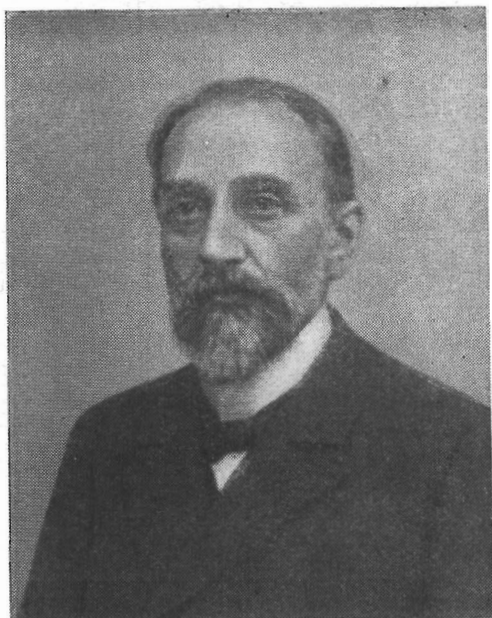
24 июля 1877 г. скупщина приняла специальный Закон о введении русского языка в качестве предмета в некоторых учебных заведениях Сербии. На основании этого закона в 1877 г. русский язык стал изучаться помимо духовной семинарии (богословской школы), где он уже входил в учебную программу, в Учительской школе и Высшем женском училище. С целью облегчения его изучения сербскими учащимися министерство просвещения выделило средства для покупки учебников; были выписаны также русские периодические издания — «Педагогический журнал», «Школа и семья», «Журнал министерства народного просвещения». «Молодежь охотно читает журналы, — писал Васильевич Ламанскому 24 марта 1878 г., — и это самое лучшее средство приохотить их к чтению русских книг и изучению русского языка»¹⁴.

Деятельность П. А. Кулаковского в Сербии (1878—1882 гг.)

Для организации кафедры русского языка и истории русской литературы в Великой школе сербское правительство решило пригласить из России молодого ученого-слависта, учителя IV московской гимназии Платона Андреевича Кулаковского (1848—1913), который был рекомендован И. С. Аксаковым и В. И. Ламанским¹⁵. Кандидатуру Кулаковского поддержал и российский министр-резидент в Белграде А. И. Персиани. В письме в МИД он отмечал, что в период, когда постепенно ослабляется политическое влияние России в Сербии, особое значение приобретает распространение в этом княжестве русского языка.¹⁶

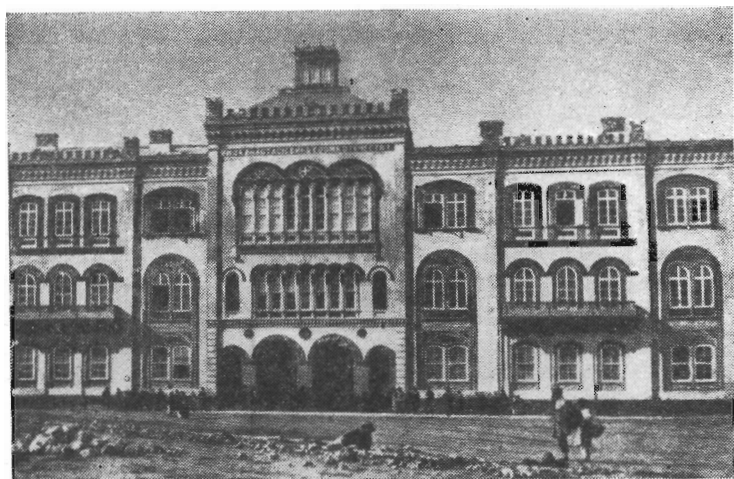
Ходатайство Персиани дало положительные результаты — указом министра народного просвещения Д. А. Толстого от 21 марта 1878 г. П. А. Кулаковский был командирован в Сербию на 3 года, считая с 1 июля 1878 г. «с назначением ему содержания по 1500 руб. в год из сумм сего министерства»¹⁷.

Указом сербского князя Милана от 1 июля 1878 г. Кулаковский был назначен ординарным профессором Великой школы с окладом 650 талеров в год¹⁸.

П. А. Кулаковский

Ученик О. М. Бодянского, Н. А. Попова и А. Л. Дювернуа — ведущих московских профессоров в области славяноведения — Платон Андреевич Кулаковский уже во время обучения в Московском университете проявлял большой интерес к истории и литературе славянских народов. В этот период он сблизился с кружком московских славянофилов (И. С. Аксаков, братья Самарины и др.), под влиянием которых сложились его взгляды на историю и судьбу славянских народов. Кулаковский рассматривал славянство как целостный организм и считал, что Россия призвана возглавить славянский мир. Как ученому — историку и филологу — ему была особенно близка идея о превращении русского языка в общеславянский. К сожалению, нам до сих пор мало известно о начальном периоде жизни и деятельности, взглядах П. А. Кулаковского. В то время как большинство деятелей, о которых предполагается здесь рассказать, были уже сложившимися учеными, вели значительную общественную деятель-

Здание, в котором в 70-80-е годы XIX в. находилась белградская Великая школа

ность, Кулаковский только начинал свою самостоятельную жизнь. В конце 70-х — начале 80-х годов он не был еще тем реакционным деятелем, редактором «Правительственного вестника», которым стал в начале XX в. Дневник, который Кулаковский вел в Сербии, позволяет в какой-то степени судить о его взглядах на русскую действительность этого периода — часто он высказывал недовольство ростом реакции в России, гнетом цензуры. Вместе с тем он, безусловно, оставался монархистом, поддерживал связь с М. Н. Катковым и А. С. Суворинным, публиковал статьи в органах дворянско-монархической и буржуазно-монархической печати. В конечном итоге, деятельность Кулаковского в Сербии шла в русле основной задачи русской политики в этом регионе — способствовать упрочению здесь влияния России.

В Белград Кулаковский прибыл 8 октября 1878 г.¹⁹ и уже 28 октября прочел в Великой школе свою вступительную лекцию на тему: «Краткий очерк развития русского литературного языка». В начале ее он отметил, что ему выпала «высокая честь положить начало преподавания русского языка в Великой школе свободной Сербии» и что все свои силы он отдаст тому, чтобы

принести на этом поприще как можно больше пользы сербской молодежи. В лекции Кулаковский дал общий обзор развития русской литературы с древнейших времен²⁰. Прочитанная на русском языке, она была затем переведена ученым на сербский язык с помощью М. Миличевича²¹ и в следующем году вышла в Белграде отдельной брошюрой («Кратки преглед историје развића руског књижевног језика»).

Прочтением вступительной лекции и началась преподавательская деятельность Кулаковского в белградской Великой школе.

В первый год он читал студентам-филологам (их было всего 15 человек) курс русской грамматики сравнительно со старославянской²². Для лучшего усвоения студентами предмета он переводил с ними на сербский язык произведения известных русских писателей, например, повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»²³.

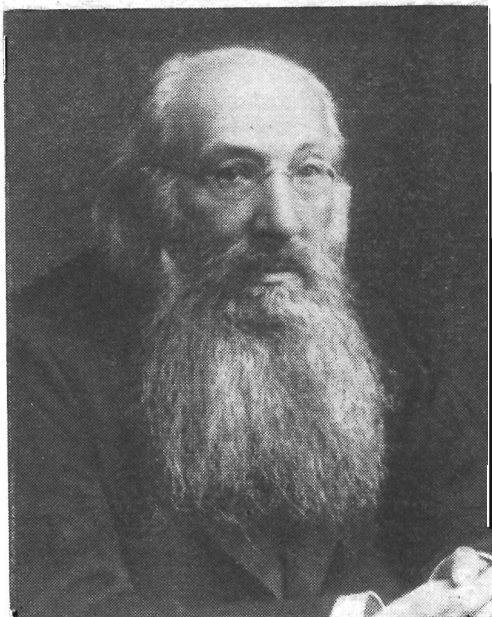
Помимо лекций в Великой школе, со 2 декабря 1878 г. Кулаковский начал читать популярный курс русского языка для всех желающих. Но это начинание постигла неудача: слушатели постоянно менялись, нерегулярно посещали лекции, поэтому Кулаковский был вынужден их прекратить²⁴.

Каждый год ученый должен был представлять в МИД России отчет о своей деятельности в Сербии. Уже в конце 1878 г. Кулаковский составил по заданию А. И. Персиани краткий доклад об истории распространения русского языка в Сербии, используя в качестве вспомогательного материала статью известного сербского ученого М. Миличевича «Школы в Сербии». В докладе нашли отражение близкие позднему славянофильству взгляды автора, в первую очередь, идея о необходимости превращения русского языка в общеславянский²⁵. Следует отметить, что эта мысль встречала решительное противодействие в русских прогрессивных кругах, справедливо усматривавших в ней умаление национальной самостоятельности славянских народов. «Если славянство, — писал А. Н. Пыпин, — примет когда-нибудь русский язык, по крайней мере для главнейших произведений литературы, имеющих общеславянский интерес, это произойдет естественным, постепенным ростом самой русской литературы, а не одними благочестивыми пожеланиями»²⁶.

Вполне естественно, что попытка Кулаковского осуществить на практике идею превращения русского языка в общеславянский потерпела неудачу, натолкнувшись на отрицательное к ней отношение представителей сербской интеллигенции. Так, в своем дневнике русский ученый записал следующий разговор, происшедший между ним и М. Миличевичем 22 февраля 1881 г. Когда речь зашла об отношениях славян и России, Миличевич заявил, что «осуществление единства славянства политического, наподобие немецкого, как сделала Германия, нежелательно для Сербии и сербов». Он отметил также, что невозможно и «единство научного языка, русского», ибо «всякий слав[янский] народ д[олжен] работать только для себя и своей славы»²⁷. Эту позицию разделяли и другие сербские ученые — Ст. Новакович, С. Вулович и др. Против этой концепции выступила и сербская молодежь — члены существовавшего в белградской Великой школе студенческого общества «Побратимство». В 1881 г. в нескольких номерах ее органа — журнала «Побратимство» (№№ 1, 3, 5, 7, 8) — публиковалась рецензия В. И. Ламанского на «Историю славянских литератур» А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича, перепечатанная из газеты «Русь». К этой рецензии члены редакции журнала дали свои краткие замечания, ссылаясь на то, что подробный анализ труда русских ученых, являющегося, по их мнению, «лучшей книгой о славянских литературах», уже сделан Ст. Новаковичем в журнале «Српска зора» (Вена, 1879, № 2). В замечаниях говорилось, что Ламанский — достойный представитель славянофильской школы в русской исторической науке. Именно в этом духе и написана его рецензия, в которой он пытается доказать, что вне России у славян нет будущего. Редакция «Побратимства» выступила против подобных утверждений, которые «задевают национальные чувства сербов»²⁸.

В то же время многие сербские ученые и студенты стремились выучить русский язык, чтобы знакомиться в подлиннике с лучшими произведениями русской литературы и науки. И деятельность Кулаковского в этом плане отвечала объективной потребности развития сербской культуры.

2 января 1879 г. Кулаковский записал в своем дневнике, что для успеха распространения русского языка в Сербии «нужна кропотливая, систематическая,

В. И. Ламанский

трудная, черновая работа»²⁹. Этой работой и была наполнена вся его деятельность. А проходила она в нелегких условиях. С самого начала ученый встретился с рядом трудностей. Одной из них было отсутствие необходимых учебников и русских книг. Для того, чтобы сербские студенты как можно скорее получили практическое пособие для изучения русского языка, Кулаковский подготовил небольшую хрестоматию, в которой поместил отрывки из лучших произведений русской литературы. Хрестоматия была издана в Белграде в 1879 г. под названием «Руска читанка».

Немало усилий приложил Кулаковский и для открытия в Белграде читальни, которая должна была стать, по его мнению, одним из средств распространения русского языка и литературы, знаний о России и русском народе. 8 мая 1879 г. он обратился к Н. А. Попову: «Не подумайте, что в Белграде имеется русская библиотека. Я писал о ней в Питер не раз — но толку пока никакого. Хитров³⁰, корреспондент «Нов[ого] в[ремени]» . . . кое-что

собрал и дает даром книги для чтения. Я ищу только поддержки этого начала, и пока ничего не могу добиться»³¹.

В письме к В. И. Ламанскому от 1 декабря 1878 г. Кулаковский просил его содействовать скорейшей посылке книг в Сербию. Эту просьбу он повторил 19 октября 1879 г.³²

11 июня 1879 г. Кулаковский сообщил Н. А. Попову о некоторых успехах в деле основания русской библиотеки в Белграде: «После 7-месячных хлопот, переписки, историй Слав[янского] Петерб[ургское] общество наконец что-то решило относительно русской библиотеки в Белграде. . . вчера мне сообщил Персиани, что Ламанский телеграфировал ему, что высылается 250 руб. для. . . Хитрова, который взялся за дело это»³³.

Однако несмотря на хлопоты Кулаковскому не удалось открыть особую русскую читальню в Белграде. Осенью 1879 г. он отказался от планов ее организации и попытался создать русское книжное отделение при белградской читальне. Эта инициатива нашла поддержку у руководства Петербургского славянского благотворительного общества. Через посредничество Кулаковского оно вступило в переговоры с председателем Общества читальни архимандритом Нестором³⁴. Последний выразил согласие на присылку русских книг. И вскоре из Петербурга было направлено в белградскую народную читальню 67 экземпляров книг 42 названий³⁵. Помимо этого общество послало книги для студенческой и профессорской библиотек Великой школы. Кулаковский сообщил об этом даре в отчете о своей преподавательской деятельности за 1879 г., отметив, что книг было прислано на 600 руб. (около 400 томов) «по преимуществу литературного и ученого содержания. Этот подарок общества представляет пока единственное собрание, хотя не полное, но на первый раз достаточное, произведений русских писателей»³⁶. Присланные книги: 256 — для студенческой и 122 — для профессорской библиотек в ноябре 1879 г. принял и поместил в библиотеку Великой школы профессор Николаевич³⁷.

Наряду с этим в июне 1880 г. Петербургское славянское благотворительное общество послало в Белград для продажи 100 экз. русско-сербского словаря П. А. Лавровского, изданного за счет общества³⁸.

В конце 1879 г. Кулаковский представил А. И. Пер-

сиани доклад о своей преподавательской деятельности за истекший год и об успехах в деле распространения русского языка в Сербии. Этот доклад Персиани приложил к донесению в МИД от 16 января 1880 г.³⁹ Из него явствует, что в 1879 г. русский язык преподавался уже в 4-х учебных заведениях Сербии: в Великой школе — на историко-филологическом факультете — Кулаковским, в духовной семинарии — протоиереем Я. Павловичем и священником Ж. Йовичичем (учившимся в Киевской духовной академии), в Учительской школе — Е. Иличем (окончившим курс также в Киевской духовной академии) и в Женской школе — учительницей Будич, учившейся в Киеве. В первых трех учебных заведениях русский язык являлся обязательным предметом, а в Женской школе он преподавался только тем ученицам, родители которых вносили особую плату⁴⁰.

Русская литература преподавалась в 1879 г. только на старших курсах Великой школы. Кулаковский стремился достичь того, чтобы его ученики «научились свободно читать по-русски и таким образом могли пользоваться богатством русской литературы»⁴¹.

В июне 1879 г. Кулаковский по распоряжению министра просвещения Ст. Бошковица присутствовал на экзаменах по русскому языку во всех сербских учебных заведениях⁴² и пришел к выводу, что знания учащихся находятся на довольно низком уровне, даже в духовной семинарии, где русский язык преподавался на протяжении 30 лет. Одной из причин этого было, безусловно, отсутствие хорошего учебника по русской грамматике и хрестоматии по русской литературе. Второй причиной являлась слабая подготовка самих учителей. Кулаковский подчеркивал в докладе, что «виною в этом отношении учебных заведений в России к сербам, которые в них учатся. Снисходительное отношение к знанию ими русского языка ведет к тому, что сербы, учившиеся в Киеве или Москве в течение нескольких лет, не научаются по-русски»⁴³.

Талантливый ученый и педагог, Кулаковский стремился научить своих студентов не только говорить, читать и писать по-русски, но и любить богатую русскую литературу. И его неутомимая деятельность приносила плоды. «Мои студенты, — писал он 18 марта 1881 г. Ламанскому, — охотно учатся русскому языку, лекции по истории новой русской литературы слушаются очень

внимательно, многие студенты занимаются переводами с русского для печати, и их студенческий журнал «Побратимство» заполняется по преимуществу переводами с русского»⁴⁴.

Посетивший Сербию весной—летом 1881 г. русский ученый-славист В. В. Макушев в отчете о научной командировке писал, что Кулаковский «преподает свой предмет с любовью и увлечением и пользуется популярностью между своими слушателями». Макушев, живший в Белграде в доме Кулаковского, отмечал также, что часто видел у него студентов Великой школы, которые приходили за советами и книгами⁴⁵.

В письмах к друзьям и коллегам Кулаковский отмечал усилившуюся тягу сербской молодежи к учебе в России. «Вообще меня очень интересует воспитание сербской молодежи в русских университетах, и очень хотелось бы поднять здесь кредит нашей школы»⁴⁶, — писал Кулаковский А. А. Майкову. Ученый заботился о том, чтобы из Сербии в Россию ехали учиться только достойные, способные молодые люди. Он сам хлопотал об их устройстве, писал о них руководству Петербургского славянского благотворительного общества, прося о пособиях, давал им рекомендации и т. д. Так, например, в письме от 14 мая 1879 г. Кулаковский спрашивал Н. А. Попова, «не имеются ли средства какие-нибудь для воспитания в одном из учебных заведений России сербского мальчика, брата Е. Станишевич, переводчицы Тургенева, Островского и других русских писателей, который наделен редкими математическими способностями»⁴⁷. С просьбой помочь Станишевичу он обратился и к И. С. Аксакову⁴⁸. Благодаря содействию Попова и Аксакова мальчик был определен в южнославянский пансион Ф. Минкова⁴⁹.

Своей учебой в России был обязан Кулаковскому и серб И. Попович-Яворац, окончивший в 1877 г. историко-филологическое отделение философского факультета Великой школы. В письме от 1 августа 1880 г. Кулаковский обратился к Н. А. Попову с просьбой устроить юношу на историко-филологический факультет Московского университета и дать ему какое-нибудь пособие. «Как это было бы хорошо, — писал он, — если бы под Вашим руководством, руководством „историка новой Сербии“ воспитался серб-историк»⁵⁰. С аналогичной просьбой — помочь Яворацу — Кулаковский обратился и к А. А. Майкову, рекомендуя моло-

дого серба как «человека терпеливого, энергичного и настойчивого в труде»⁵¹.

Й. Попович-Яворац пробыл в России около года. Во время обучения в Московском университете он слушал лекции по русской истории Н. А. Попова и В. О. Ключевского, изучал русский язык и словесность под руководством Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонравова. С большим интересом сербский студент посещал лекции известного слависта А. Л. Дювернуа, который почти два десятилетия возглавлял кафедру славянских наречий Московского университета.

28 апреля 1881 г. Н. А. Попов сообщал Кулаковскому об успехах Явораца, его трудолюбии⁵². Впоследствии, уже вернувшись на родину, так и не закончив курса, Й. Попович-Яворац перевел на сербский язык книгу Н. А. Попова «Вторичное правление Милоша Обреновича»⁵³.

Очень много сделал Кулаковский для определения на учебу в Россию сербского студента О. Глушчевича (впоследствии известного журналиста и видного деятеля радикального движения), считая его одним из возможных своих преемников на кафедре русского языка и литературы в Великой школе. По ходатайству Кулаковского Глушчевич получил стипендию от Петербургского славянского благотворительного общества⁵⁴.

Итоги 1879—1880 и 1880—1881 учебных лет в области распространения русского языка в Сербии нашли отражение в третьем по счету докладе Кулаковского, датированном 5 марта 1881 г. Из доклада следует, что в 1880 г. еще одно учебное заведение — Военная Академия — включило русский язык в свою программу. В Высшем Женском училище (Женской школе) с начала 1879—1880 учебного года он стал обязательным предметом во всех пяти классах (раньше только в трех). Таким образом, с 1881 г. русский язык вошел в программу пяти учебных заведений Сербии. Русская литература, как и прежде, преподавалась лишь в Великой школе, причем в 1879—1880 учебном году курс лекций Кулаковского был посвящен истории русской литературы XVIII века, а в 1880—1881 учебном году — первой половине XIX века⁵⁵.

Материал, приведенный в докладе Кулаковского, показывает, что за год в изучении русского языка учащимися был сделан значительный шаг вперед. Это проявилось и на экзаменах, на которых присутствовал

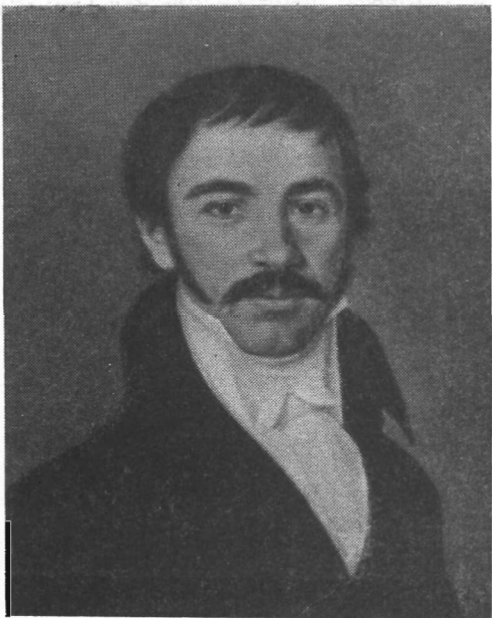
министр просвещения Сербии Ст. Новакович, отметивший, что они продемонстрировали «более отчетливое знание форм и изменений русских слов» по сравнению с предыдущим годом ⁵⁶.

Как и в минувшем году, изучавшим русский язык ученикам и студентам не хватало учебных пособий. В какой-то степени этот недостаток восполнили «Руска читанка» Кулаковского и русско-сербский словарь Лавровского. Были подготовлены к печати и некоторые другие учебные пособия (русская грамматика для сербов Е. Илича, русско-сербские словари Г. Никетича и Т. Стояновича), но издание их задерживалось из-за недостатка средств ⁵⁷.

Помимо преподавательской деятельности в Великой школе Кулаковский в «белградский» период своей жизни занимался и научными исследованиями — он использовал пребывание в Сербии для всестороннего изучения сербохорватской литературы. Эти годы были для русского ученого очень плодотворными — им был написан целый ряд работ, самыми крупными из которых являлись статья «Лукиан Мушицкий», опубликованная в «Журнале министерства народного просвещения» (1881, № 8), и большая работа о Вуке Караджиче, ставшая впоследствии его магистерской диссертацией ⁵⁸. В этих работах ученый продемонстрировал незаурядную эрудицию, прекрасное знание рукописных источников, умение вводить в свои исследования широкий историко-культурный фон.

Появление монографии Кулаковского способствовало оживлению дискуссии о Караджиче и значении его деятельности для развития сербской литературы в русской науке.

Следует отметить, что о В. Караджиче (1787—1864) в России и Западной Европе заговорили тотчас после появления его первых грамматических, исторических трудов и сборников сербских народных песен. В России о нем впервые упоминает А. Х. Востоков в 1817 г. в своей работе «Опыт о русском стихосложении». В дальнейшем о Караджиче писали П. И. Кеппен, М. Т. Каченовский, Н. И. Надеждин, В. И. Григорович, И. И. Срезневский и многие другие. Его научно-реформаторская деятельность в области установления нового правописания и грамматических норм сербского литературного языка позднее вызвала большие споры. Ученые славянофильского направления (А. Ф. Гиль-

В. С. Караджич

фердинг, В. В. Макушев, А. С. Будилович и др.) резко отрицательно отнеслись к реформе сербского литературного языка. Гильфердинг в 60-х годах писал о том, что разорвав «предание», связывавшее сербов с «делом св. Кирилла», Караджич якобы задержал развитие сербского языка и литературы⁵⁹. Руководствуясь в основном соображениями политическими, эти ученые считали также, что реформа была проведена в интересах Австрии, чтобы оторвать Сербию от России.

В отличие от представителей славянофильского направления ученый-демократ А. Н. Пыпин, впервые в русском литературоведении давший подробный анализ разносторонней деятельности Вука Караджича, высоко оценил ее результаты. Он резко выступил против высказываний Гильфердинга, Макушева и др., видя в них «проявление националистического высокомерия русских славянофилов»⁶⁰. В серии статей, опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1878 г. под общим названием «Панславизм в прошлом и настоящем»,

а позднее, в 1913 г., вышедших отдельным изданием, Пыпин дал высокую оценку деятельности В. Караджича, отметив, что он «заявлял ту реформу литературного языка, какая у нас произошла в период от Карамзина до Гоголя включительно»⁶¹. В отличие от славянофилов он считал, что реформа Караджича не была случайной, а напротив, являлась проявлением общей исторической закономерности, свойственной эпохе национального возрождения славянских народов. «Вся сущность славянского движения заключалась в поднятии национального чувства, — писал он, — в пробуждении бессознательного дотоле общества и народа, следовательно, в распространении книжности, образования; она состояла далее в том, чтобы внушить уважение к народным силам, к живому обычаю, чтобы не смотреть свысока на народ, а служить его благу и интересам: не естественно ли было придти к заключению, что книга, обращенная к этому народу, должна говорить его языком. . . Такой смысл и имела деятельность Вука»⁶². Эту же точку зрения Пыпин отстаивал в первом томе «Истории славянских литератур», вышедшем в 1879 г.⁶³

В статье «Лукиан Мушицкий» и вышеупомянутой монографии Кулаковский не смог по-настоящему оценить деятельность Вука Караджича и, по существу, повторил те положения, которые до него высказывали Гильфердинг, Макушев, Ламанский и др. Ему симпатичен Л. Мушицкий, который мечтает об едином литературном языке всех славян и его основу видит в церковнославянском языке. Караджич же, по его мнению, разорвав своей реформой связь с «славяно-русским» или «славяно-сербским языком», слишком «резко выделил небогатую сербскую литературу из союза с русской и тем подверг ее значительным опасностям»⁶⁴. Вместе с тем Кулаковский признавал, что деятельность Караджича «оказала и еще оказывает сильное и благотворное влияние на развитие сербской литературы», которая все более сближается с жизнью народа, его преданиями и историей. Однако в целом автор книги отрицательно оценил реформу. Ошибку Караджича он усматривал в том, что тот «живой язык народа, правда, мягкий и звучный, но далеко не богатый, возвел на степень языка науки и литературы». Известно, что сербские оппоненты Вука (Стратимирович, Давидович, Хаджич) обвиняли его в том же — в попытке закрепить

в литературе язык «пастуха и пахаря». И Кулаковский симпатизирует именно им, так как они, по его словам, ищут «единственно возможное спасение своей народности в тесном союзе с русской литературой и русской жизнью, которая для них олицетворялась в православии и русской церковной книге». И хотя Кулаковский признает, что Караджич одержал в конце концов победу над своими противниками и после его смерти новое сербское правописание и народный язык получили свои законные права, эта победа оказалась «не ко благу сербской народности»⁶⁵.

В противовес реформаторской деятельности великого сербского ученого Кулаковский подчеркивал его заслуги в популяризации фольклора⁶⁶. Таким образом, собравший и обработавший в своей книге большой фактический материал ученый, по справедливому замечанию советского литературоведа Ю. Д. Беляевой, «оказался в плену схемы, в основе которой лежали все те же идеи о русской культурной гегемонии и о русском языке как языке общеславянском»⁶⁷.

Умереннее была позиция Н. А. Попова. Он, как и Кулаковский, не отрицал целиком значения реформаторской деятельности Караджича, но вместе с тем упрекал своего коллегу за то, что в его монографии недостаточно говорится о политических и социально-экономических условиях, предшествовавших реформе. С другой стороны, Нил Попов критиковал Кулаковского за недостаточное, по его мнению, внимание к проблеме русского воздействия на сербское национальное Возрождение. Он писал, что «только пройдя через славяно-русскую школу, сербские писатели могли устоять перед напором католической церкви... и внутренней политики венского двора»⁶⁸.

Следует отметить, что значение русской помощи сербскому народу в деле его образования и культуры в условиях чужеземного гнета действительно было велико, что признавали и русские, и сербские ученые. Об этом писал и А. Н. Пыпин. Но он, в отличие от Кулаковского и Н. А. Попова, понимал, что всякое воздействие, каким бы положительным оно ни было, может в новых исторических условиях «превратиться в помеху, тормоз прогресса»⁶⁹.

В рецензии, посвященной разбору книги Кулаковского, Пыпин вновь подчеркнул, что в реформаторской деятельности Караджича проявилось «стремление сер-

бов выразить свою национальность, свои народные особенности, свободно и независимо от каких-либо чужих влияний и притязаний. . .». Блестяще опроверг Пыпин и тезис Кулаковского о том, что реформа Караджича якобы разрывала связи сербской и русской литератур. Связи с русской церковно-схоластической литературой, отмечал Пыпин, все равно были бы порваны, так как сама русская литература «сближалась с интересами и языком жизни»⁷⁰.

В дискуссии о значении реформы Караджича приняли участие и сербские ученые. Позицию, близкую к Пыпину, занял известный критик, профессор Великой школы, занимавшийся историей южных славян, Светислав Вулович (1847—1897). Молодой, талантливый юрист, влюбленный в литературу и театр, он много сил отдавал их изучению, являясь автором ряда интересных работ, посвященных творчеству сербских поэтов Г. Якшича, Петра II Петровича Негоша, Б. Радичевича. В 1882 г., вскоре после выхода в свет монографии Кулаковского, в белградском журнале «Отаджбина» (Отечество) появилась рецензия Вуловича, в которой он высоко оценил работу, сделанную русским ученым («произведение П. Кулаковского. . . драгоценный вклад в историю новой сербской литературы, тем более драгоценный, что послан нам богатой братской русской литературой»). Вместе с тем Вулович резко осудил тезис Кулаковского о «разрыве», считая его абсолютно бездоказательным и неверным; он отмечал, что именно благодаря деятельности Вука связи литератур двух братских народов крепили и расширялись. Говоря об исторической закономерности реформы Караджича, Вулович подчеркивал, что «славяно-сербский язык был преходящим явлением в сербской литературе»⁷¹.

На рецензию сербского ученого Кулаковский ответил небольшой статьей, в которой продолжал отстаивать свою точку зрения⁷².

Полемика продолжалась. В следующей книге «Отаджбины» была помещена вторая критическая статья Вуловича. Ее появление было связано с публикацией в русских журналах нескольких рецензий на «Вука Караджича» — Ягича, Макушева, Попова. Все они высоко оценивали труд Кулаковского. На этот раз Вулович, по его словам, выступил не только против концепции Кулаковского, но и воззрений «каждого рус-

ского славянофила», особенно Макушева, который обвинил великого ученого в том, что тот своей реформой «возвел между сербским и другими славянскими народами китайскую стену». Вулович вновь подчеркивал большое значение реформы Караджича для развития сербской литературы того периода, отметив, что только на ее основе могло произойти «литературное объединение сербов и хорватов». «А эта идея, — добавлял Вулович, — для нас, южных славян, первая и самая важная»⁷³.

Спор о Вуке Караджиче показал, что ученые славянофильского направления — Макушев, Будилович, Ламанский, Кулаковский — занимали неправильную позицию в оценке значения его деятельности. Они нарочито тенденциозно принижали и отрицали роль Караджича в становлении национальной сербской литературы и культуры в целом. А. Н. Пыпин же в ряде своих работ конца 70-х—начала 80-х годов прошлого столетия выступил против позиции славянофилов в защиту реформы Вука Караджича. Он раскрыл демократизм деятельности великого реформатора и показал ее как «исторически необходимый этап национального возрождения, характерный для всех славянских народов»⁷⁴.

Возвращаясь к деятельности П. А. Кулаковского, следует отметить, что он уделял большое внимание пропаганде в Сербии знаний о жизни русского народа, развитии науки и литературы в России. На протяжении 1880—1881 годов на страницах журнала «Отаджбина» появилось пять его «Писем о современной русской литературе» (общим объемом около 3 п. л.). Целью этой научно-публицистической работы, по признанию автора, было «распространение знаний о новой русской литературе» среди сербов⁷⁵.

В первом «Письме» Кулаковский познакомил читателей «Отаджбины» с историей русской журналистики и кратко охарактеризовал главные ежемесячные журналы литературно-исторического содержания: «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Русская речь». Во втором «Письме» Кулаковский описал открытие в Москве 6 июня 1880 г. памятника А. С. Пушкину; в третьем дал критический обзор главных сочинений в области славяноведения, вышедших в России за предшествовавшие два года; в четвертом — сообщил о смерти Ф. М. Достоевского и А. Т. Писемского. И, наконец,

в пятом «Письме» ученый рассказал сербским читателям о русских газетах, уделив основное внимание газете «Русь»; о семье Аксаковых и их роли в общественной и культурной жизни России, а также изложил основы учения славянофилов⁷⁶. «Письма» Кулаковского носили прежде всего информативный характер, не давали всесторонней характеристики современной ему литературы и журналистики, борьбы в них различных течений. Тем не менее они являлись ценным вспомогательным материалом для тех, кто хотел познакомиться с новыми русскими книгами, содержанием газет и журналов. Об этом Кулаковский писал В. И. Ламанскому в Петербург 18 марта 1881 г.: «Иные из моих „Писем“ перепечатывались в газетах и в Сербии, и вне Сербии. Многие выписывают книги и журналы, указанные мною в этих „Письмах“»⁷⁷.

В период пребывания в Белграде Кулаковский установил обширные связи среди сербской интеллигенции. В числе его знакомых были такие ученые и общественные деятели, как А. Васильевич, Ст. Новакович, Й. Ристич, Ст. и Й. Бошковици, Н. Дучич, Л. Костич, П. Сречкович, М. Миличевич, Ч. Миятович, о которых речь пойдет ниже. Русский ученый принимал активное участие в научной и общественной жизни Сербии: присутствовал на заседаниях Сербского ученого общества, публиковал свои статьи в сербских научных журналах, выступал на различных собраниях, например, на панихиде по русскому историку С. М. Соловьеву в Белградском соборе 27 октября 1879 г.⁷⁸, на открытии в ноябре 1880 г. в Алексинаце памятника русским добровольцам, погибшим в Сербии в 1876 г.⁷⁹; на юбилее белградского певческого общества весной 1882 г.⁸⁰ и т. п.

1 июля 1881 г. истек срок командировки Кулаковского. В связи с тем, что работа над диссертацией не была им завершена, а также потому, что для него как преподавателя русского языка и литературы в Великой школе не было замены, ученый обратился в министерство народного просвещения с просьбой продлить его пребывание в Белграде на два года. Однако указом министра от 16 мая 1881 г. он был командирован в Сербию дополнительно только на один год — до 1 июля 1882 г.⁸¹

12 июня 1882 г. А. И. Персиани ходатайствовал перед министром иностранных дел России Н. К. Гирсом

о награждении Кулаковского за его деятельность в Сербии, которая, по его словам, отличалась «высокою добросовестностью и усердием». Это ходатайство имело успех — Кулаковский был награжден орденом Станислава II степени ⁸².

Высоко оценили научную и преподавательскую деятельность русского ученого и в Сербии. 22 ноября 1881 г. на главном собрании Сербского ученого общества Кулаковский был избран его членом. Внося предложение об этом избрании, Н. Дучич, Св. Николаевич, А. Васильевич и другие ученые писали в комитет общественных и исторических наук общества следующее: «Этим избранием Сербское ученое общество засвидетельствует свое уважение литературной деятельности г. Кулаковского, его глубокому знанию сербского языка, с которого он перевел на русский «Мейрему», написал исследование о нашем поэте Мушицком, литературоведческие статьи на сербском языке в «Отаджбине». . . а на русском языке — статьи во многих русских периодических изданиях и газетах» ⁸³.

За воспитание и преподавание сербской молодежи Кулаковский не раз получал благодарности сербского министра просвещения. А спустя 10 лет после отъезда русского ученого из Белграда, 10 февраля 1892 г., А. Васильевич писал ему в Россию: «Что в сербском обществе явилось желание изучать русский язык и русскую литературу, этому много способствовали Вы Вашими лекциями в белградской Великой школе и Вашими симпатиями к сербскому народу. Теперь почти все молодое поколение читает и понимает по-русски, а многие и говорят» ⁸⁴.

Кулаковского очень огорчало, что ему так и не была подготовлена замена на кафедре ни из русских, ни из сербов. Но он надеялся, что его деятельность «принесет свой плод и не заглохнет, ибо в общество уже проникло сознание важности изучения русской литературы и науки, и оно не даст умереть русской кафедре в Сербии» ⁸⁵.

Главный итог своей деятельности в Сербии Кулаковский подвел в письме к В. В. Макушеву: «Я думаю, что я успел по крайней мере посеять семена, которые начнут вырастать скоро. В последнее время я еще больше замечал рост этих семян» ⁸⁶.

К сожалению, после отъезда Кулаковского преподавание русского языка и литературы в Великой школе

было прекращено. «Новый этап в истории сербской русистики» начинается с приездом в 1895 году в Белград профессора Р. Кошутича. В этот период на философском факультете была создана кафедра языков и литературы восточных и западных славян, где вновь стали изучаться русский язык и литература ⁸⁷.

Таким образом, оценивая объективные результаты деятельности Кулаковского в Сербии (1878—1882), следует признать, что он внес значительный вклад в дело укрепления общественных, научных и культурных связей между двумя братскими народами — русским и сербским. В эти годы он был как бы связующим звеном между учеными двух стран: принимал активное участие в научной и общественной жизни Сербии, знакомил сербских коллег с достижениями научной мысли России, публиковал статьи и рецензии в русских и сербских периодических изданиях, в которых популяризировал лучшие произведения литературы, журналистики и науки, помогал ученым в обмене книгами и различными изданиями. А его неутомимая деятельность как профессора русского языка и литературы белградской Великой школы способствовала улучшению их преподавания в Сербии, повышению интереса к русской литературе в среде сербской интеллигенции.

Русские ученые в Сербии

Большое значение для развития русско-сербских научных контактов имели командировки ученых-славистов в Сербию. Часто они отправлялись в довольно длительные путешествия с посещением нескольких славянских стран. При этом всякий раз ученые останавливались в Сербском княжестве, работали здесь в библиотеках и архивах, знакомились с новейшей литературой и публицистикой, обменивались с сербскими коллегами мнениями по целому ряду вопросов, касающихся истории и литературы славян и т. д. После возвращения их на родину установившиеся во время этих поездок связи не прекращались — ученые вели переписку, длившуюся порой десятилетия, обменивались книгами, различными научными изданиями. На этом интересном и важном, но недостаточно изученном вопросе, мы остановимся подробнее.

* * *

В рассматриваемый период — 1878—1885 гг. — Сербию посетил целый ряд русских ученых. Одним из них был известный славист Викентий Васильевич Макушев (1837—1883). Ученик И. И. Срезневского, он, будучи еще студентом С.-Петербургского университета, сделал значительные успехи в изучении истории и языков славянских народов. О том, какое влияние оказал на него крупнейший русский славист, Макушев писал позднее в автобиографии: «Холодная критика Срезневского удерживала меня от славянофильских увлечений и его холодная ученость и опытность, скептицизм приучили к серьезным занятиям по источникам, поселили во мне недоверие к авторитетам, с тех пор я старался проверять читанные мной исследования и о всяком вопросе, которым занимался, иметь свое собственное мнение. Влияние школы Срезневского отразилось на всей моей последующей деятельности»⁸⁸. По свидетельству Д. И. Писарева, знавшего Макушева в студенческие годы, последний «являл собой образчик ученого аскетизма. Он не хотел знать ничего такого, что не касалось бы славянского мира»⁸⁹.

После окончания университета в 1861 г. Макушев поступил на дипломатическую службу в Азиатский департамент и вскоре получил назначение в Дубровник, где в качестве секретаря русского консульства находился до конца 1865 г. Пребывание в Дубровнике, городе с богатой историей, многочисленные свидетельства которой хранились в библиотеках и архивах, молодой ученый использовал для общей научной подготовки. Здесь он основательно изучил итальянский и сербский языки, в течение нескольких месяцев брал уроки венгерского и «сам, без всяких пособий, научился по-испански настолько, что мог понимать староиспанские рукописи, найденные в францисканской библиотеке»⁹⁰.

После защиты в 1867 г. магистерской диссертации «Исследования об исторических памятниках и бытописателях Дубровника» С.-Петербургский университет направил Макушева в длительную заграничную командировку «с научной целью» (1868—1871 гг.). На этот раз он работал в архивах и библиотеках Венеции, Генуи, Неаполя, Турина и др., где собрал около 20.000 документов по славянской и албанской истории. Результатом его научных изысканий стала защита

осенью 1871 г. докторской диссертации «О славянах в Албании в средние века».

В 1871—1883 гг. Макушев — профессор Варшавского университета.

Особый интерес ученого к прошлому и настоящему славян на протяжении всей его жизни и научной деятельности подкреплялся прочным сознанием их национальной исключительности.

По своим политическим убеждениям Макушев был монархистом, консерватором. Он трактовал монархию как якобы органически свойственный и исторически наиболее оправданный способ правления всех славянских народов. Однако он не был сторонником неперменного объединения славян под эгидой царской России. Возлагая большие надежды на культурно-историческое единство славян, Макушев выступал за всестороннее развитие между ними литературных, научных и культурных связей.

В «варшавский» период своей деятельности Макушев значительное внимание уделял изучению югославянских литератур и истории южных славян. Он разработал ряд оригинальных спецкурсов, читал по этим дисциплинам лекции, написал ряд научных работ по южнославянской тематике. В 1874 г. была опубликована его статья «О пронии в древней Сербии»⁹¹. Это было первое и самое крупное сочинение ученого о далеком сербском прошлом, а также его единственное исследование по социально-экономической тематике.

До Макушева вопрос о сербской пронии изучал А. А. Майков, который в целом дал объективную оценку пронии как условному земельному владению⁹². Макушев дополнил сочинение коллеги новыми фактическими данными и рассмотрел проблему шире. На основании описи Скадарского округа, составленной в начале XV в., он сделал важные наблюдения о различных видах условного землевладения в Сербии, которое, как он впервые справедливо заметил, могло быть и наследственным. Помимо правовых и экономических аспектов проблемы Макушев обратился к рассмотрению ее социальных сторон — положению и повинностям прониарских крестьян. Несмотря на небольшие размеры исследования, оно вносило важный вклад в разработку одного из важных вопросов сербской истории⁹³. В славянской историографии были высоко оценены успехи Макушева в разработке проблемы южнославянской пронии⁹⁴.

Его перу принадлежит также статья, посвященная изучению этимологии и содержания исторических терминов «казнац», «властич» и «посадник»⁹⁵.

Позиция Макушева как ученого, изучавшего историю Сербии, нашла отражение и в написанных им рецензиях на работы других русских ученых. Об участии его в научной дискуссии по поводу реформы Вука Караджича говорилось выше. В отзыве на магистерскую диссертацию Т. Д. Флоринского «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.» (Спб., 1882) Макушев высказал свое суждение о причинах упадка Сербского государства. В целом ученый высоко оценил работу Флоринского, обоснованно считая, что изучение взаимных отношений соседних государств, особенно таких как Сербия и Византия, имеет важное научное значение. Отметив успехи исследователя, Макушев указал и на недостатки его труда, среди которых главным он считал отсутствие характеристики внутренней политики Сербского государства, а также неполную картину причин упадка империи Стефана Душана. По мнению Макушева, основная беда для Сербии была в том, что Стефан Душан «более желал быть византийским императором, чем сербским королем, и не мог вдохнуть в Сербию сильного государственного духа»⁹⁶. Сословную монархию Макушев считал прообразом конституционного правления и, будучи монархистом по своим политическим убеждениям, видел в ней главное зло. Таким образом, в этом вопросе Макушев применил традиционный для многих буржуазных историков нравственный принцип оценки исторических событий. Он неоднократно подчеркивал необходимость для славян сильной монархической власти.

Значительным событием в «варшавский» период жизни и деятельности В. В. Макушева явилась его командировка в Сербию (весна—лето 1881 г.)⁹⁷.

Посещение Сербского княжества было, по признанию самого ученого, его давним желанием. «Занимаясь специально историей южных славян, — писал он в „Отчете“, — я уже давно желал посетить Сербию, но в прежние мои путешествия по славянским землям она оставалась постоянно в стороне; поэтому я воспользовался нынешнею командировкою, чтобы побывать в Сербском княжестве, которое после Берлинского конгресса представляет особый интерес»⁹⁸.

Как ученый Макушев был давно известен в Сербии.

В январе 1871 г. за заслуги в области изучения истории, литературы и культуры югославянских народов он был избран членом-корреспондентом Сербского ученого общества. 25 августа 1871 г. Макушев направил его тогдашнему председателю Я. Шафарику благодарственное письмо (на сербском языке), в котором отмечал, что для него большая честь быть членом общества, известного своей «неутомимой деятельностью в интересах сербской науки». Русский ученый сообщал Шафарику, что во время своего путешествия по Италии в 1869 г. он собрал в архивах значительное число документов по истории югославянских народов в XII—XVIII вв., которые готов предоставить в распоряжение сербских ученых. Несколько интересных материалов: письмо Флорентийской республики боснийскому королю о Косовской битве 1389 г., хрисовул короля Стефана Уроша Ретечскому монастырю близ Бара (1313 г.) и некоторые другие документы Макушев приложил к своему письму⁹⁹.

С 70-х годов XIX в. у Макушева установились довольно тесные контакты с сербскими коллегами — он обменивался с ними научными изданиями, вел переписку, а с двумя — Ст. Новаковичем и Н. Дучичем — был знаком лично¹⁰⁰.

В Белград Макушев приехал 3 марта и пробыл здесь до 30 июня 1881 г.¹⁰¹ Главная задача его научной командировки состояла в том, чтобы «ознакомиться на месте с современным состоянием в ней (Сербии. — *Е. Д.*) литературы» и поработать в архивах с целью разыскания еще не известных науке славянских рукописей.

Следует отметить, что русские слависты всегда уделяли большое внимание поискам и «ученому описанию старославянских и русских рукописей». В этой области в предшествующие десятилетия немало сделали И. И. Срезневский, В. И. Ламанский, О. М. Бодянский, А. Ф. Бычков и др. При этом, как отмечали А. А. Майков, П. А. Лавровский и А. А. Котляревский в статье «Успехи славяноведения в России до 1872 года», русские ученые усвоили «критико-палеографический метод издания памятников: памятник обыкновенно печатается по древнейшему и исправнейшему тексту, буква в букву, из остальных же рукописей приводятся значительнейшие варианты, при помощи которых... критически исправляются ошибки или описки переписчика в тексте, который положен в основание»¹⁰².

Продолжателем дела первых публикаторов старославянских рукописей был и В. В. Макушев.

Незадолго до приезда ученого в Сербию белградская Народная библиотека получила собрание рукописей и старопечатных книг, приобретенных для сербского правительства русским консулом в Призрене И. С. Ястребовым от учителя из Скопле Хаджи Йордана. Макушев изучил эти документы и написал 2 статьи, в которых рассмотрел источники по болгарской и сербской истории¹⁰³, а также дал общую характеристику археографической и источниковедческой деятельности сербских ученых, прежде всего Панты Сречковича (1834—1903). П. Сречкович был «русским питомцем», как тогда говорили — он учился в Киеве в духовной семинарии, Академии, а затем в Университете. Двадцати пяти лет он стал преподавателем истории в белградском Лицее, который вскоре был реорганизован в Великую школу. С 1872 по 1894 гг. Сречкович возглавлял здесь кафедру сербской истории. П. Сречкович — автор целого ряда исторических трудов — «Истории сербского народа» в двух книгах (1884—1888), «Исследования о царе Уроше», «Вукашин» и др. Сречкович был представителем так наз. романтической, «патриотической» исторической школы. Югославская историография оценивает многие его работы как не выдерживающие научной критики. Для него как ученого были характерны тенденциозность, некритическое отношение к источникам. Против этого и выступил в упоминавшихся выше статьях В. В. Макушев. Внимательно проанализировав тексты рукописей, приобретенных у Хаджи Йордана, с которыми ранее работал Сречкович, Макушев убедительно доказал подложность некоторых памятников, опубликованных Сречковичем в качестве подлинных. Основанием для подобного утверждения Макушеву послужили как сами тексты документов, так и их оформление: стиль письма, краски и т. д. Русский ученый высказал предположение, что учитель Х. Йордан лично написал эти документы из патриотических побуждений, что было распространенным явлением в историографии многих стран. Сречкович использовал их в своих сочинениях, зная, по мнению Макушева, об их подложности, с целью возвеличить древнесербское государство, расширить его территориальные пределы.

Выступление Макушева вызвало негодующий ответ

Сречковича. Он не только настаивал на оригинальном происхождении источников, но и считал самого Макушева тенденциозным ученым, который пристрастно относится к сербским документам, принимая достоверность болгарских ¹⁰⁴. Однако для подобного утверждения не было оснований — Макушев достаточно критически относился и к тем, и к другим источникам, что видно из статей и научных публикаций ученого. Дискуссия двух исследователей, по существу, не имела научной основы; они слишком увлеклись личными обвинениями и игнорировали научные аргументы. Но несмотря на это дискуссия имела важное значение и была своевременной. В условиях стремительного развития сербской национальной историографии постановка проблемы достоверности источников служила делу науки.

Во время научной командировки в Сербию Макушев, наряду с работой в Народной библиотеке, принял участие в двух заседаниях Сербского ученого общества, устроенных специально для него. На одном из них Макушев прочел свою записку о найденной им в Турине рукописи 1421 г., являвшейся первым известным трудом сербского деспота Стефана Лазаревича (1389—1427). На втором заседании по предложению Ст. Бошковича общество постановило издать за свой счет II том «Исторических памятников южных славян и соседних им народов» Макушева (I том был издан в 1874 г. в Варшаве). От гонорара за будущую публикацию (100 червонцев) русский ученый отказался ¹⁰⁵. Это издание увидело свет в 1882 г. ¹⁰⁶ Публикация включала материалы, найденные Макушевым в архивах Генуи, Мантуи, Милана, Палермо, Турина — всего 207 документов. Большая часть этих памятников относилась к средневековой истории южных славян ¹⁰⁷.

Как можно видеть из «Отчета» Макушева, круг его знакомств в среде сербской интеллигенции был достаточно широк. Он встречался и имел беседы с рядом видных политических и общественных деятелей и ученых Сербии: Ст. Новаковичем, Н. Дучичем, митрополитом Михаилом, Й. Ристичем, Ст. Бошковичем, А. Васильевичем и др.

В своем «Отчете» Макушев дал подробную характеристику Чедомилу Миятовичу (1842—1932), который был известен, по его словам, не только как политический деятель, но и как «даровитый писатель и ученый».

Ч. Миятович после окончания белградского Лицея продолжал свое образование за границей — он изучал экономические науки в Мюнхене, Лейпциге и Цюрихе. В 1866 г. стал профессором Великой школы. Он играл значительную роль в политической и государственной жизни Сербии в 70—80-е годы XIX в. — несколько раз был министром финансов и министром иностранных дел. Вначале Миятович являлся сторонником либеральной партии, а затем перешел на сторону напредняков. Занимался он и литературным трудом, являясь автором целого ряда рассказов, написанных, в основном, в 60-е годы. Кроме того, он первый среди сербских ученых стал систематически изучать экономическую историю. Им было написано, как отмечал В. В. Макушев в своем «Отчете», несколько учебников по политической экономии; в «Гласнике» — органе Сербского ученого общества он опубликовал интересное исследование о финансах в древней Сербии. Миятович изучал и сербскую историю. В 1880 г. вышел I том его большого труда «Деспот Юрий Бранкович», который Макушев подверг резкой критике за тенденциозность и некритический подход к источникам. «В нем он старался, — отмечал русский ученый, — доказать, что по смерти князя Лазаря или с Косовской битвы сербы искали опоры в Венгрии: такую тенденциозную идею он хотел оправдать непопулярную политику нынешнего сербского правительства, отдавшегося безусловно в руки Австро-Венгрии»¹⁰⁸. Этот-то вопрос и обсуждался теперь во время личных бесед двух ученых. Макушев указал Миятовичу на то, что имеющиеся в его распоряжении источники доказывают обратное — «...не сербы искали опоры в Венгрии, а венгры со смерти князя Лазаря старались... захватить в свои руки Сербию: с этой целью они скупали в ней земли и высылали своих эмиссаров, чтобы привлечь на свою сторону сербских великашей»¹⁰⁹. Макушев отметил также неправильный подход сербского ученого к источникам — древние и достоверные он часто отбрасывает, а пользуется позднейшими компиляциями. Вместе с тем русский славист отдавал должное научной эрудиции Ч. Миятовича, его литературному таланту.

Таким образом, круг знакомств Макушева в Сербии был достаточно широк. «Я сходил с лицами всех партий, — писал он, — со всеми откровенно беседовал и из всех бесед с ними выносил немало для себя пользы:

одни меня знакомили с состоянием литературы и науки в Сербии, от других я узнавал о современном политическом положении Сербского княжества. И то, и другое меня равно интересовало».

Вместе с тем состоянием сербской науки в целом Макушев остался недоволен, так как, по его словам, «политика убила в Сербии науку и литературу: процветает одна публицистика»¹¹⁰.

Мечтою ученого было совершить путешествие по всей Сербии, однако из-за недостатка средств ему удалось съездить только в г. Шабац и осмотреть в его окрестностях два монастыря — Чокешину и Петковицу. Затем он посетил Земун и два раза ездил в Панчево, где познакомился с учителем гимназии Б. Поповичем, написавшим русскую грамматику для сербов. 30 июня Макушев отправился в Карловцы, чтобы осмотреть знаменитые фрушкогорские монастыри. Благодаря помощи профессора карловацкой семинарии Р. Радича он получил разрешение на посещение 7 монастырей: Крушедол, Гергетег, Хопово (монастырь, в котором жил Д. Обрадович), Раваница или Вердник, Язак, Бешеново и Шишатовач¹¹¹.

5 июля русский ученый отправился в Нови-Сад¹¹², где имел встречи с секретарем Матицы сербской А. Хаджичем, известным общественным деятелем и издателем газеты «Застава» С. Милетичем и др. Пробыв в Нови-Саде 8 дней, Макушев через Пешт, Вену и Прагу вернулся в Россию¹¹³.

Побывал в независимой Сербии и ученик Макушева Владимир Васильевич Качановский (1853—1901). В 1878 г. он окончил Варшавский университет и вскоре был командирован министерством народного просвещения за границу на 2 года. Цель его поездки состояла «в изучении славянского мира во всех его отношениях». Главное внимание Качановский должен был посвятить южным славянам. За время командировки он побывал в Сербии, Болгарии, Греции, Турции, Италии и Южной Франции¹¹⁴.

Научные интересы молодого слависта были связаны с изучением сербских и византийских источников по истории южных славян XIV—XV вв. К концу 70-х годов им было написано несколько статей по этой проблематике. В одной из них¹¹⁵ ученый обратил внимание на сербские жития и летописи, содержавшие, по его мнению, важный материал для изучения ряда проблем

средневековой истории Сербии. В отличие от А. Ф. Гильфердинга, который считал, что этот вид источника «не объясняет нисколько ни древней жизни сербского народа, ни даже исторических событий», Качановский подчеркивал, что даже беглое знакомство, например, с житием деспота Стефана Лазаревича убеждает в обратном, а «краткие сербские летописи содержат иногда такие точные исторические данные, к которым относиться с полным доверием после того, как видишь, что они подтверждаются иностранными источниками первой важности — грамотами»¹¹⁶.

В статье «Балканские славяне в эпоху покорения их турками»¹¹⁷ Качановский на основании изучения Законника Стефана Душана, сербских житий и летописей рассмотрел целый ряд вопросов: об отношениях между сербским властельским сословием и королем Стефаном Душаном в период его борьбы за централизацию государства; о развитии просвещения в средневековой Сербии; о положении сербского крестьянства; о Косовской битве и др. Хотя ученый и не сделал глубоких выводов из приведенного материала, а ограничился лишь простым изложением событий, эта статья имела значение как одна из первых попыток научного подхода к вышеперечисленным проблемам. В этом направлении Качановский будет работать всю свою жизнь, и последним его трудом станет «История Сербии с половины XIV до конца XV в.» (СПб, 1899).

Хорошая источниковедческая подготовка молодого ученого проявилась и при написании им большой статьи «Византийские летописцы как источник для истории южных славян в период падения их самостоятельности»¹¹⁸, в которой он подробно рассказал как о самих византийских писателях: Никифоре Григоре, Иоанне Кантакузине и др., так и об их главных произведениях.

Перед отъездом за границу Качановский получил от известного общественного деятеля, одного из руководителей С.-Петербургского славянского благотворительного общества И. П. Корнилова рекомендательное письмо к протоиерею русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевскому, оказывавшему постоянную большую помощь русским ученым и путешественникам. В нем отмечалось следующее: «Податель этой записки — кандидат историко-филологических наук Владимир Васильевич Качановский, командированный министром народного просвещения в Сербское княжество для

изучения сербской литературы и языка. В Вене ему необходимо просмотреть сербские рукописи Караджича. Г. Качановский недавно начал свою ученую деятельность в области славянства, но издал уже несколько весьма серьезных работ. Ламанский, Коссович, Срезневский возлагают на него большие надежды и ожидают, что он соберет много дельных материалов по вопросам славянства»¹¹⁹.

К сожалению, нам не удалось обнаружить достаточного числа документов о пребывании Качановского в Сербии. Из его немногочисленных писем, сохранившихся в фондах русских ученых, известно лишь немного об этом периоде его жизни и деятельности. В Белград он приехал 28 августа 1879 г.¹²⁰ Здесь Качановский познакомился с видными сербскими учеными — Новаковичем, Сречковичем, Миличевичем и др., которые оказали ему большую помощь в работе. В столице Сербии ученый пробыл почти 2 месяца, работая главным образом в белградской Народной библиотеке. В конце октября он отправился в присоединенные к Сербскому княжеству на основании решений Берлинского конгресса округа — Пиротский, Нишский и Врачанский — с целью изучения народного языка¹²¹. Из Сербии Качановский отправился в Болгарию — в этот период он собирал материал для будущего издания «Памятники болгарского народного творчества» (Вып. 1: Сборник западно-болгарских народных песен со словарем. Спб., 1882).

Кроме Макушева и Качановского целый ряд других русских ученых совершил непродолжительные поездки в Сербию, которая привлекала к себе все более пристальное внимание в научных кругах России.

3 марта 1883 г.¹²² в Белград приехал и провел здесь около недели молодой русский ученый Константин Яковлевич Грот (1853—1934). Он был тепло встречен в среде сербской интеллигенции. С П. Сречковичем и М. Миличевичем Грот уже был знаком — вел с ними переписку, обменивался изданиями¹²³. В Сербии были известны первые труды К. Я. Грота, получившие высокую оценку деятелей сербской науки. Так, в письме от 29 октября 1880 г. М. Миличевич благодарил Грота за посланную ему книгу «Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах и их расселении на Балканском полуострове» (Спб., 1880, магистерская диссертация), которую он «прочел с истинным насла-

К. Я. Грот

ждением». «Вполне сослуживши службу науке, — писал Миличевич Гроту, — Вы этим трудом наравне засвидетельствовали и дружбу к сербам и хорватам. Спасибо Вам за то!»¹²⁴. Во время многочисленных встреч в Белграде ученый установил новые контакты — с Е. Иличем, Ст. Новаковичем, Й. Ристичем, Ст. Бошковичем и др.¹²⁵ Теплоота приема, оказанная ему в Белграде, была также обусловлена тем уважением, с которым относились сербские ученые и общественные деятели старшего поколения к его отцу — академику Якову Карловичу Гроту (1812—1893).

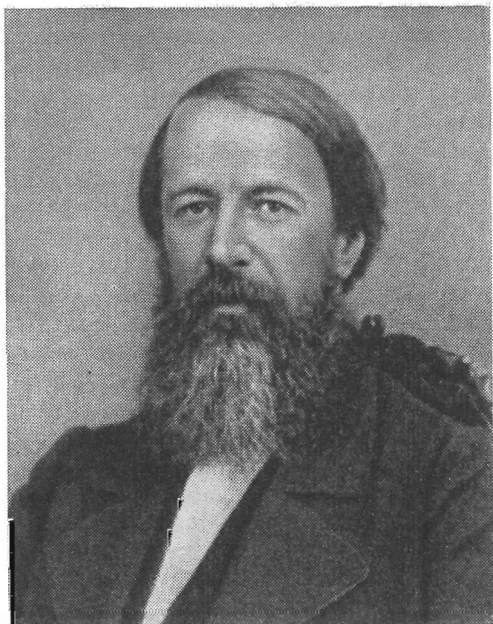
О пребывании молодого ученого в столице Сербии мы узнаем из «Дневников путешествий», хранящихся в Архиве АН СССР (ленинградское отделение), а также из опубликованной им в «Русском филологическом вестнике» (№ 4 за 1884 г.) небольшой статьи. Примечательно свидетельство ученого о Народной библиотеке в Белграде, которая, по его словам, представляет собой «самое большое хранилище книг и рукописей в Сербии.

Это вместе с тем и публичная библиотека, ежедневно открытая для посетителей; в ней же помещаются и национальные музеи: археологический, этнографический и др., одним словом, здесь сосредоточена большая часть памятников сербской древности и старины. В Народной библиотеке более 22 000 названий книг (ок[оло] 80 000 томов)». Рукописный отдел, в котором работали многие коллеги Грота — Ламанский, Макушев, Кулаковский, Качановский и др., насчитывает 350 ед. хр.¹²⁶

Директор Народной библиотеки Н. Дучич представил русскому ученому возможность просмотреть собрание рукописей и старопечатных книг, найденных сербскими солдатами в 1877—1878 гг. в некоторых монастырях Северной Македонии и приобретенных для библиотеки сербским военным министерством. С тех пор прошло несколько лет, но книги и рукописи не были разобраны и Грот, таким образом, стал первым ученым, кому посчастливилось перевернуть их пожелтевшие и местами обгоревшие страницы. В процессе работы он убедился, что большинство рукописей и старопечатных книг XVII—XVIII вв. литургического содержания. Вместе с тем среди них Грот обнаружил ряд еще не известных исследователям болгарских и сербских рукописей XIV—XVI вв., содержавших ценные исторические сведения. В статье, о которой упоминалось выше, он описал эти материалы с тем, чтобы «поделиться с другими хоть самыми краткими о них сведениями»¹²⁷.

В рукописном отделе Народной библиотеки в мае 1880 г. работал и известный музыкальный критик, писатель Владимир Васильевич Стасов (1824—1906). В этот период он совершал большое заграничное путешествие с целью сбора материала для альбомов с рисунками к книге «Славянский и восточный орнамент» (СПб, 1884—1887)¹²⁸. Вначале он побывал в Праге, Кракове и Вене, а затем отправился в Сербию. В Белграде Стасов при помощи Ст. Новаковича изучал сербскую и болгарскую орнаменталистику в рукописях Народной библиотеки и Сербского ученого общества¹²⁹.

По пути из Кракова в столицу Сербии Стасов остановился на Фрушкой горе и посетил один из древнейших сербских монастырей — Великая Ремета¹³⁰, в котором хранился известный ему по рассказам А. С. Уварова портрет Петра I. Уваров видел его в 1873 г. и

В. В. Стасов

сфотографировал. Стасов, в течение двадцати лет собиравший для Петербургской публичной библиотеки гравированные портреты Петра I, попросил Уварова подарить библиотеке один из снимков. О своем впечатлении от портрета он писал: «... я с первого же взгляда был поражен сербским портретом столько же, как и граф Уваров. Все до тех пор известные мне портреты великого императора, из эпохи его зрелых лет, показались мне слабыми и незначущими в сравнении с этим портретом: так характерны были представленные тут черты лица, так они соответствовали тому понятию, которое получает всякий, изучавший личность Петра I не только по его истории и деяниям, но и по его оригинальным письмам, запискам, разговорам и другим документам ежедневной, интимной жизни»¹³¹.

О сербском портрете Петра I русской читающей публике было уже известно благодаря статье В. В. Качановского¹³². В ней ученый рассказал о предании, согласно которому портрет был подарен монастырю

Великая Ремета самим императором. Этот же монастырь получал из России ежегодную субсидию в размере 300 руб., которая выплачивалась вплоть до 40-х годов XIX в. Однако, будучи здесь проездом, Качановский осмотрел портрет и на обратной его стороне увидел надпись, из которой следовало, что он был подарен в 1818 г. Павлом и Натальей Паниотович, но как попал портрет к ним, ученому выяснить не удалось ¹³³.

Вот этот-то «сербский» портрет Петра Великого и увидел теперь Стасов. И вновь он поразил его: «. . . мне вдруг представилось, — пишет он, — нечто совсем другое, нечто совершенно неожиданное. . . Краски и письмо этого портрета не красивы и не талантливы, да руки, тело, костюм и вовсе не хорошо написаны. . . но эта голова, но это лицо, но эти глаза, этот взгляд, брови, выражение — таковы, каких мы никогда не видали ни на одном другом портрете этого человека. Тут что-то такое могучее, грозное, непреклонное и ужасное, такая энергия души и такая давняя привычка повелевать и встречать повиновение, какие никогда не могли бы придти к голове этому посредственному, несчастному живописцу, и могли ему быть внушены грозною, могучею, гениальною, находившеюся в ту минуту перед ним и его холстом живою натурой» ¹³⁴.

Так же как Качановскому, Стасову ничего не удалось узнать об истории возникновения портрета и имени живописца. Вопрос о портрете Петра I был затронут русским ученым в разговоре с митрополитом Михаилом, который дал согласие на перенесение его в Россию. Осенью 1880 г. он был доставлен в Петербург и по желанию Александра II куплен для романовской галереи Эрмитажа ¹³⁵.

Летом 1884 г. Сербию проездом посетил известный славист, профессор Петербургского университета В. И. Ламанский (1833—1914). В честь русского ученого был устроен прием. «На днях получил я из Белграда письмо, — сообщал Ламанскому 30 октября 1884 г. консул в Призрене И. С. Ястребов, — в к[ото]-ром мне пишут, что Вы посетили летом сербскую столицу и что все были рады Вашему приезду и гордятся тем, что Вы не будируете их, т. е. сербов; если сожалеют, то только о том обстоятельстве, что многие из интеллигенции не были в Белграде во время Вашего там кратковременного пребывания». Иначе, по мнению дипломата, и не могло быть, ибо «сербы всегда расположены

были и будут к России и к русским, несмотря на их правительство, к[ото]рое иногда идет вразрез с их пожеланиями и симпатиями»¹³⁶.

В числе деятелей русской науки, приезжавших в Сербию в рассматриваемый период, были и ученые, занимавшиеся изучением истории славянских церквей, в том числе и есербской.

Приказом министерства народного просвещения от 23 июля 1881 г. за границу был направлен кандидат Петербургского университета Иван Иванович Соколов¹³⁷. За время заграничной командировки он посетил Галицию, Венгрию, Сербию, Болгарию и Румынию.

В Белград Соколов приехал из Будапешта 8 марта 1882 г. и пробыл здесь 3 месяца¹³⁸. В течение этого времени он плодотворно работал в Народной библиотеке, библиотеке Ученого общества и в частных рукописных собраниях. Большую помощь оказали ему в работе П. А. Кулаковский и сербские ученые П. Сречкович, С. Сретенович и М. Медакович. Цель пребывания Соколова в Белграде заключалась в ознакомлении «со старославянскими рукописями и с новейшей сербской литературой»¹³⁹. При работе над рукописями ученый стремился, по его словам, «расширить свои познания в славянской палеографии и старославянском языке на изучении обширного отдела памятников старославянских, именно — различных рецензий славянского перевода евангелия». Конечной же целью его научной работы было «привести в известность и описать подробно все имеющиеся в белградских библиотеках рукописи евангелий. . . и тем подготовить некоторый материал для истории славянского перевода евангелия, пока еще никем не написанной»¹⁴⁰. К сожалению, молодой талантливый ученый, прошедший серьезную школу под руководством В. И. Ламанского, рано умер и не смог осуществить многих своих научных замыслов.

В процессе работы в белградских хранилищах Соколов обнаружил и описал 40 рукописей евангелия: 9 — в Народной библиотеке и 11 — в библиотеке Ученого общества, а также сделал с них «точные палеографические снимки»¹⁴¹. «Научного материала там масса, — писал он К. Я. Гроту 7 июня 1882 г., — и нужно жить не месяцы, а годы, чтобы что-нибудь сделать крупное»¹⁴². Кроме того, П. Сречкович разрешил Соколову просмотреть свое личное собрание, в котором имелся целый ряд интересных рукописей, приобретен-

ных им во время путешествия по Албании и Македонии в 1875 г.¹⁴³

Большое значение придавал Соколов ознакомлению с сербской литературой. В этой работе неоценимую помощь оказал ему П. А. Кулаковский, «отличный знаток сербской библиографии»¹⁴⁴.

Вскоре после отъезда И. И. Соколова из Сербии, 8 августа 1882 г. в Белград приехал известный впоследствии историк церкви Иван Саввич Пальмов (1856—1920)¹⁴⁵. В 1880 г. он окончил С.-Петербургскую духовную Академию и был назначен на вновь открывшуюся кафедру истории славянских церквей. В 1881 г. Пальмов защитил магистерскую диссертацию «Вопрос о чаше в гуситском движении». И позднее он продолжал работать в этом же направлении. По признанию советского исследователя Л. П. Лаптевой, «из всех русских трудов по гуситскому движению работы Пальмова получили наибольший международный резонанс»¹⁴⁶. Наряду с этим он являлся автором ряда работ по истории южнославянской, в том числе сербской, церкви, игравшей значительную роль в борьбе сербского народа за освобождение от иноземного ига¹⁴⁷. Появлению этих трудов в значительной степени способствовала командировка ученого в славянские земли в начале 80-х годов XIX в.

За границей Пальмов находился около трех лет — с сентября 1881 г. по июнь 1884 г., за это время он посетил Прагу, Брно, Вену, Краков, Львов и Перемышль, Загреб, Любляну, Цетинье, Карловцы, Белград, Софию, Филиппополь. Научной целью его командировки было «изучение источников и литературы по истории славян, в особенности истории у них церкви»¹⁴⁸.

В Белграде ученый работал в основном в Народной библиотеке. В «Отчете магистра Ивана Пальмова о научных его занятиях в славянских землях с 15 августа 1882 по 1 июня 1883 года» он писал: «Народная библиотека в Белграде, сравнительно недавно получившая свое начало, теперь располагает уже довольно значительным количеством разного рода славянских и неславянских печатных изданий, владеет также, хотя и небольшими, коллекциями рукописей — славянских и отчасти греческих». «Правда, — замечает Пальмов, — почти весь этот рукописный материал уже не раз был пересмотрен отчасти местными учеными, отчасти нашими русскими. . . большая часть его даже издана;

И. С. Пальмов

тем не менее некоторые его части до сих пор остаются неизданными, даже, вследствие своего специального содержания, малоизвестными, а вновь поступающие в библиотеку рукописные прибавления, еще более увеличивают тот материал, который отнюдь не излишне... пересмотреть и исследовать»¹⁴⁹.

В Народной библиотеке Пальмов прежде всего изучил никем не исследованные и неопубликованные рукописи, преимущественно греческие, относящиеся к истории южнославянских церквей. Среди материалов, которые привлекли его внимание, были хрисовулы сербских королей и царей некоторым монастырям, жития и др. Познакомился ученый и с рукописями, поступившими в библиотеку перед самым его приездом. И хотя среди этих материалов не оказалось, по его мнению, ничего примечательного, все же при чтении ему удалось обнаружить «не лишённые интереса разного рода приписки, исторические даты, которые тем важнее, что относятся к самой темной в истории юго-

славян эпохе турецкого ига»¹⁵⁰. Так, например, одна рукопись содержала имена сербских царей, деспотов, воевод, патриархов, митрополитов и епископов; другая — интересные данные по истории сербской церкви¹⁵¹. Как отмечал Пальмов, эти приписки представляют собой ценный вспомогательный исторический материал — в них «попадают нередко известия о тех или других событиях из внешней и внутренней истории югославян, указания на церковные отношения между господствующим греческим духовенством и подчиненным славянским, имена писателей или переписчиков разного рода книжных произведений и т. п.»¹⁵² Ряд рукописей Пальмов просмотрел также в библиотеке Ученого общества. В частном собрании директора учительской семинарии Ковачевича он обнаружил рукопись, содержащую новые сведения о богомилах в Боснии¹⁵³. Всего русским ученым было просмотрено и изучено около 100 рукописей. Часть из них он скопировал и описал в «Отчете»¹⁵⁴.

Кроме рукописных материалов Пальмов изучал сербскую историческую литературу — произведения Миличевича, Медаковича, Миятовича и др.; издания документов Д. Авраамовича, М. Пуцича, Ф. Миклошича; периодические издания «Гласник Српског ученог друштва», «Летопис Матице Српске», «Сербско-далматинский магазин»¹⁵⁵. В фонде И. С. Пальмова в Архиве АН СССР (ленинградское отделение) хранятся его тетради с выписками, конспектами, библиографическими заметками, сделанными в Белграде: д. 40 — замечания по истории сербов, д. 45 — литература по истории славян, д. 47 — заметки по литературе и истории славян, д. 48 — славянская история. Сербский отдел (список источников и пособий) и др. Количество этих материалов свидетельствует об интенсивной работе ученого и его глубоком интересе к старой и современной литературе по истории Сербии и сербской церкви.

Большую помощь оказали Пальмову в его работе Ст. Бошкович, В. Йованович, А. Васильевич, Н. Дучич, профессор богословия белградской духовной семинарии Е. Илич¹⁵⁶.

Помимо работы в библиотеках и архивах Пальмова интересовало современное состояние сербской церкви. С этой целью он встречался с преподавателями духовных семинарий, посещал монастыри, а также изучил все, что касалось вопроса о сербском митрополите¹⁵⁷.

Научная командировка Пальмова в Сербии продолжалась до конца октября 1882 г. Из Белграда он отправился в Вену через Карловцы и Нови-Сад ¹⁵⁸.

В 1885 г., сразу же после окончания Московского университета, Сербию посетил молодой русский ученый Петр Алексеевич Лавров (1856—1929), впоследствии «выдающийся славист, стоявший на уровне западно-европейской науки» и обладавший «огромным научным багажом» ¹⁵⁹.

В рассматриваемый период Лавров занимался изучением творчества знаменитого черногорского поэта — владыки Петра II Петровича Негоша.

В Белград он приехал 8 марта 1885 г. В письмах к Н. А. Попову Лавров довольно подробно и красочно описывает свои белградские впечатления, сообщая ряд таких подробностей, которых мы не встречаем в переписке других ученых. Так, сообщая о своей работе в Народной библиотеке, Лавров пишет: «Читальная комната очень небольшая, срок чтения в ней от 9 часов утра до часу пополудни: в сравнении с нашим очень короткий; но это неудобство совершенно устраняется тем обстоятельством, что можно брать книги на дом и держать их довольно продолжительное время» ¹⁶⁰. Положительным моментом, по свидетельству ученого, явилось и то, что для ознакомления с фондами библиотеки ему разрешили пользоваться служебным («стручным») каталогом ¹⁶¹.

Темой работы Лаврова было исследование творчества Петра II Петровича Негоша. Разумеется, основным необходимым ему материал находился в Черногории, но и в Белграде он обнаружил много ценного — почти все периодические издания, где были опубликованы небольшие стихотворения знаменитого владыки, ряд неизвестных ученым рукописей. Интересно, что в 1928 г. в связи с изданием полного собрания сочинений Петра II Негоша Павел Попович, один из редакторов этого издания, обратился к П. А. Лаврову с просьбой прислать ему копии писем Негоша (очевидно, оригиналы их к тому времени были потеряны) ¹⁶².

Лавров познакомился также с поэтом Л. Ненадовичем, сопровождавшим Негоша во время его путешествия по Италии и сообщившим русскому ученому ряд ценных сведений ¹⁶³.

В Белграде Лавров пробыл до 7 июня ¹⁶⁴. Затем он отправился в Загреб; где провел июль; с конца июля

по 15 сентября он работал в Цетинье ¹⁶⁵, откуда совершал поездки в Риэку, Задар, Шибеник, Сплит и Дубровник ¹⁶⁶.

Вначале Лавров хотел посвятить свое будущее исследование анализу лишь поэтических произведений Негоша, но после того, как в Цетинье и Дубровнике изучил его переписку с Россией, Австрией и Турцией, а также архивные материалы русского консульства в Дубровнике и др., он решил расширить рамки своего труда. Результатом научных изысканий молодого слависта стала книга «Петр II Петрович Негош владыка черногорский и его литературная деятельность» (М., 1887), в которой подробно характеризовались различные стороны деятельности правителя Черногории — государственная, дипломатическая, литературная ¹⁶⁷.

Таким образом, в 1878—1885 гг. Сербское княжество (с 1882 г. — королевство) посетил целый ряд русских ученых. Эти поездки имели большое значение прежде всего для развития русского славяноведения, так как во время пребывания в Белграде и других городах ученые познакомились с сербской литературой, открывали новые источники, изучали памятники культуры. Деятельность русских ученых, связанная с разысканием, изданием и исследованием древних югославянских и вообще славянских памятников письменности, имела большой научный резонанс, так как помогала решению вопроса о происхождении, структуре и составе памятников славянских литератур, облегчала анализ исторических, палеографических и литературных особенностей памятников средневековой письменности. Во-вторых, командировки русских ученых в Сербию способствовали углублению прежних и установлению новых контактов с деятелями сербской науки, обмену мнений по важнейшим проблемам славяноведения непосредственно, в личных беседах и дискуссиях. Значение этой формы научных связей трудно переоценить. После поездок русских ученых в Сербию между ними и их сербскими коллегами, как правило, завязывалась переписка, продолжавшаяся часто десятки лет, интенсивнее становился обмен научной литературой.

Различные формы научных связей.

Общественная деятельность ученых-славистов

Выше мы подробно говорили о командировках русских ученых в Сербию. Но если бы все ограничивалось только поездками и личными симпатиями деятелей русской науки к Сербии, сербскому народу, то не было бы оснований говорить об общественном резонансе, который имели контакты ученых двух стран. Дело в том, что непосредственным результатом поездок русских славистов в Сербию, знакомства их с сербскими коллегами, развитием сербской науки в целом была определенная их деятельность в России, причем деятельность различного характера как в научном, так и в общественном плане.

Значительное внимание русские ученые уделяли распространению и популяризации произведений ученых и писателей Сербии. Они рецензировали их в печати, переводили и публиковали в русских изданиях, так как придавали большое значение знакомству общественности с современным состоянием литературы и науки братского народа, которые хотя и находились в начальной стадии своего развития, но уже заявили о себе появлением ряда ценных и интересных трудов. На это обращал внимание А. Н. Пыпин в «Истории славянских литератур». «Вообще, сербская литература, — писал ученый, — хотя еще не имеет той опоры, какую могло бы доставить ей национально-образовательное, если не полное политическое объединение племени, представляет и теперь задатки серьезного развития — и в области поэтической, и в научном исследовании Сербии; сербская журналистика все теснее примыкает к потребностям и интересам народной деятельности»¹⁸⁸.

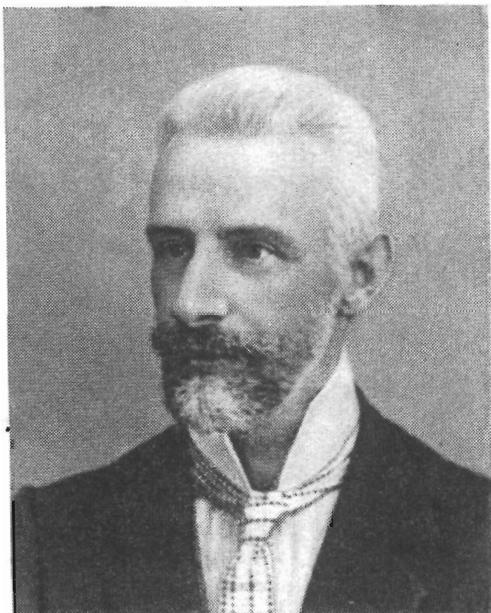
Успехи в развитии историографии в предшествующий период и публикация новых документальных материалов дали возможность сербским ученым приступить с конца 70-х годов к разработке важных проблем отечественной истории. В эти годы появился целый ряд работ видных ученых — П. Сречковича, Ст. Новаковича, Ч. Миятовича и др. в области исторической географии, средневековой истории Сербского государства, внешней политики. Интерес к этим проблемам был связан, по нашему мнению, с процессом формирования и развития сербской буржуазной государственности после завоевания Сербией полной независимости. Сербские

ученые, являвшиеся в большинстве своем видными политическими деятелями, стремились примерами из прошлого обосновать закономерность этого процесса.

Одним из основных вопросов, рассматривавшихся в сербской историографии конца 70-х—первой половины 80-х годов был вопрос о жупной организации. Он был затронут еще в 60-е годы Н. Крстичем в его «Истории сербского народа»¹⁶⁹. Но представления автора по данному вопросу, как показал советский историк В. П. Грачев, были нечеткими; крайне слабая аргументация способствовала тому, что точка зрения Крстича не нашла широкого признания в более поздней историографии¹⁷⁰.

В начале 80-х годов XIX в. над этой проблемой плодотворно работал П. Сречкович. В своем главном труде «История сербского народа»¹⁷¹ он объяснял развитие государственности как закономерный процесс перехода общества из «анархического племенного состояния» к «высшей форме общественного бытия — государству». Основной направляющей и организующей силой данного перехода была, по Сречковичу, «энергия отдельных племен и отдельных вождей»¹⁷². Первоначальной единицей сербского общества по схеме П. Сречковича, была семья. Объединение нескольких семей представляло собой задругу. Союз задруг, имевших общего родоначальника, он называет племенем. И, наконец, объединение нескольких племен составляет жупу, представляющую собой административный округ с городом в центре. В основе внутренней структуры административного управления жупы, согласно концепции Сречковича, была заложена военная организация, имевшая дружинный характер. Сречкович делает вывод, что в жупанийский период (VII—XI вв.) развитие общества шло в направлении от семьи к высшей форме — великой жупании (архонтии или племенному королевству)¹⁷³.

Деятельность П. Сречковича привлекла внимание русских ученых. В 1885 г. в киевских «Университетских известиях» появилась большая библиографическая статья «Новости сербской литературы», принадлежавшая перу молодого доцента Университета св. Владимира в Киеве, ученика В. И. Ламанского, Т. Д. Флоринского (1854—1919). Забегая вперед, следует отметить, что в последующие годы Флоринский будет неоднократно публиковать на страницах этого журнала

Т. Д. Флоринский

квалифицированные рецензии на работы сербских ученых. А в первой своей статье он отметил, что наиболее ценной стороной современной сербской литературы является пристальное внимание к изучению отечественной истории. В ряде научных журналов — «Гласнике Сербского ученого общества», «Годишнице Николе Чуича», «Отаджбине» и др. — было опубликовано немало статей и научных трудов по этой проблематике. Вместе с тем, отмечает Флоринский, в сербской историографии почти нет работ, посвященных изучению «полной истории сербского народа». Исключение составляет труд П. Сречковича, который Флоринский определил как «крупное явление в сербской литературе»¹⁷⁴.

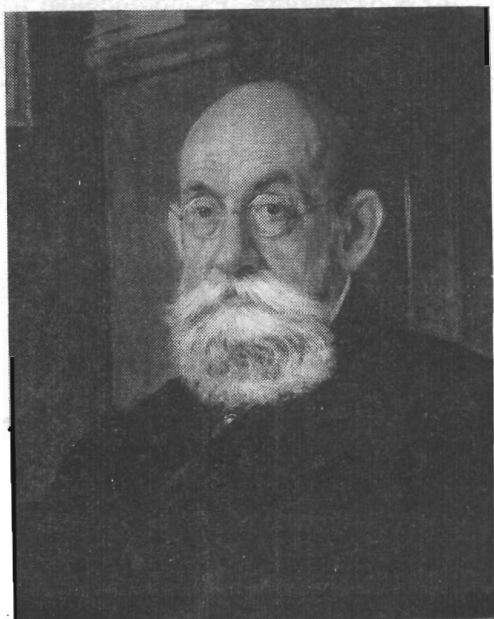
Рецензируемый Флоринским I том книги был посвящен изучению периода жупанов. Отметив заслуги Сречковича, взявшего на себя такой нелегкий труд как написание древней истории своего народа, русский ученый подробно остановился и на недостатках книги, которая, по его убеждению, в значительной мере «пред-

ставляет собой не объективное исследование и изложение древнего периода сербской истории, а работу в значительной степени окрашенную . . . патриотической тенденцией». Сречкович стремился доказать, часто используя в этих целях недостоверные источники, исторические права сербов на ряд территорий Балканского полуострова «по отношению к которым не может быть и речи о подобных правах». «История сербского народа, проникнутая такой недоказанной тенденцией, — подчеркивал Флоринский, — может . . . льстить национальному самолюбию, но едва ли полезна самому народу и во всяком случае отнюдь не научна»¹⁷⁵.

Следует отметить, что хотя Т. Д. Флоринский специально не занимался разработкой вопроса о жупах, между тем в монографии «Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в.» он, характеризуя предшествующий период, попытался в самых общих чертах раскрыть свои представления о путях формирования государственности у южнославянских народов и наметил этапы эволюции в развитии жуп и института жупанов. При этом он руководствовался тем, что формирование государственности было обусловлено не внутренним развитием славянского общества, а внешним политическим влиянием соседних государств; время возникновения государства зависело от степени и характера этих влияний. Согласно концепции Флоринского, причины формирования государства в каждом конкретном случае были разными. Так, возникновение Хорватского государства было вызвано необходимостью постоянной борьбы с франками и венецианцами; а Сербское государство создавалось путем постепенного «сбирания» племен вокруг одного центра, завершившегося к концу XII в., когда Ст. Неманя заложил основы «самобытной государственной жизни Сербии». До этого сербы почти пять веков сохраняли «первичную форму политического быта, которую прошли более или менее все славянские племена — форму жупного устройства»¹⁷⁶.

В. П. Грачев показал, что представления Флоринского о жупной организации были далеки от истины, но в то же время его наблюдения о характере административного деления Сербии в XIV в. довольно объективно отражали историческую действительность.

Высоко оценил I том «Истории сербского народа» П. А. Кулаковский¹⁷⁷. В письме от 22 января 1885 г.

Ст. Новакович

Сречкович поблагодарил его за лестный отзыв¹⁷⁸. Однако, также как и Флоринский, Кулаковский указал на наличие в книге сербского ученого целого ряда «неоправданных наукою соображений»¹⁷⁹.

Неоднократно рецензировали русские ученые и труды известного сербского историка, литературоведа, лингвиста и писателя, являвшегося одновременно и крупным государственным деятелем Стояна Новаковича (1842—1915). За свою жизнь он пять раз был министром, два раза — главой правительства, несколько раз посланником в различных странах, видным членом напредняцкой партии. Много сил Новакович отдавал развитию в Сербии просвещения, способствовал созданию и деятельности многих научных учреждений — Великой школы, Народной библиотеки, Сербского ученого общества, Сербской королевской академии. Под его руководством как министра просвещения Сербии (1880—1883) был разработан и принят целый ряд законов, направленных на улучшение преподавания, на реоргани-

зацию системы образования. Разносторонне одаренный человек, знавший несколько иностранных языков, Ст. Новакович уже в 60-е годы был известен своими переводами — с русского, польского, немецкого, французского языков; издал несколько книг рассказов. В последующие годы он серьезно занялся изучением истории и литературы, проблем лингвистики и права, опубликовал немало документов. Библиография трудов Ст. Новаковича насчитывает более 400 названий и среди них более 50 больших трудов: «История сербской литературы» (1867 и 1871 гг.), «Законник Стефана Душана» (1870 и 1898 гг.), «Сербская грамматика» (1879), «Сербы и турки в XIV и XV веках» (1893), «Ичков мир» (1903) и др. Известный сербский историк Ст. Станевич писал о нем: «Деятельность Стояна Новаковича в области нашей национальной истории очень обширна и плодотворна. Новакович справедливо считается одним из наших лучших и значительнейших историков — и по объему его трудов, и по разнообразию вопросов, которыми он занимался, и по широте взглядов на прошлое народа. . . и по глубине концепции его трудов, охватывающих все области жизни народа в прошлом»¹⁸⁰. Как отмечал современный югославский историк акад. В. Чубрилович, Ст. Новаковича «особенно интересовали две эпохи в сербской истории: эпоха Неманичей в средние века и возрождение государства в XIX в.» И далее Чубрилович подчеркивал: «Кроме Константина Иречека никто из наших историков не вошел так глубоко в проблематику развития сербского средневекового феодального общества и государства, как Стоян Новакович»¹⁸¹. Его труды — «Законник Стефана Душана», «Ичков мир», «Возрождение Сербского государства» и др. — не потеряли своего научного значения и поныне.

В рассматриваемый период Новакович только начинал заниматься проблемами, которые будут им разработаны в более поздних сочинениях¹⁸². Одной из них была проблема жупной организации, которая получила в его трудах свое окончательное оформление и теоретическое обоснование.

Как отметил В. П. Грачев, исторические воззрения Ст. Новаковича не были полностью оригинальными и представляли собой довольно пеструю смесь различных взглядов, господствовавших в тот период в западноевропейской, русской и сербской историографии. По-

этому в определение этапов развития сербского общества и государства он не внес принципиально новых положений. Новакович считал, что до XII в. у сербов не было потребности в государственной организации, а те временные и непрочные политические объединения, которые порой возникали, являли собой нечто вроде федерации жуп.

Под жупой Ст. Новакович понимал административно-территориальную единицу, независимо от смены административных органов сохранявшую с давних пор установившуюся территорию, хотя в определенные периоды и изменявшую свое название¹⁸³. Таким образом, «по схеме Новаковича территория сербских жуп . . . оставалась неизменной вплоть до XIX в. Внутренняя организация населения и управление жупы сохранялись до середины XIV в. Но и со второй половины XIV в. по существу не произошло коренной перестройки в структуре жуп и института жупанов». В. П. Грачев справедливо отмечает, что «схема Ст. Новаковича была построена с таким расчетом, чтобы увязать между собой два разнородных процесса: формирование государственности путем заимствования различных институтов извне и внутреннее развитие старых сербских институтов»¹⁸⁴.

На основе вышеизложенной схемы жупной организации Ст. Новакович создал ряд конкретных историко-географических работ¹⁸⁵.

Благодаря русским ученым-славистам П. А. Кулаковскому, В. В. Качановскому и др. — в России была хорошо известна научная деятельность Ст. Новаковича. 21 января 1879 г. Кулаковский записал в дневнике, под влиянием своих встреч и бесед с Новаковичем, что он «один из самых ученых и образованных сербов»¹⁸⁶. В. В. Качановский познакомил русскую научную общественность с трудами сербского ученого: статьей «Территория деятельности Немани» и его изданием сербского текста «Александрии» — истории об Александре Македонском¹⁸⁷.

В работе «Территория деятельности Немани», представлявшей собой одну из первых попыток историко-географического исследования в сербской историографии, Новакович устанавливал границы уделов Стефана Немани и его братьев. Отдавая должное эрудиции сербского ученого, создавшего труд, в котором дан «довольно удачный, хотя и не вполне исчерпывающий предмет,

очерк истории Сербии в эпоху Немани»¹⁸⁸, Качановский вместе с тем выразил сомнение в возможности точного определения вышеупомянутых границ, опираясь лишь на имеющиеся в распоряжении автора источники, нуждающиеся к тому же в тщательной проверке. Во второй рецензии Качановский отметил, что в сербскую литературу, также как в русскую и болгарскую, вошла греческая редакция «Александрии», причем первоначально она появилась у славян в болгарском переводе, который перешел затем в Россию и Сербию¹⁸⁹. В своей работе Ст. Новакович доказывал существование самостоятельного сербского перевода «Александрии», относящегося к первой половине XIV в. Качановский, не отрицая этой возможности, высказал, однако, предположение, что он мог появиться позднее — в правление деспота Стефана Лазаревича (1389—1427) — период расцвета литературной деятельности сербов в средние века. Сравнив приведенный в книге Новаковича сербский текст «Александрии» с дерптским списком, копия которого хранилась в Румянцевском музее в Москве, Качановский указал на ряд неточностей, допущенных ученым при его издании¹⁹⁰.

Следует отметить, что работа Ст. Новаковича об Александрии была известна и позднее использовалась выдающимся русским филологом-полиглотом, одним из крупнейших представителей европейского литературоведения Александром Николаевичем Веселовским (1838—1906) при написании им монографического исследования «К вопросу об источниках сербской Александрии»¹⁹¹. Опираясь на опубликованный Новаковичем перевод Александрии, Веселовский пришел к выводу, что сербские списки византийской повести восходят к особому греческому оригиналу. Указав затем, что именно эти списки были известны на Руси, ученый подчеркнул югославянское посредничество в общении Востока с Западом.

Автором многих рецензий на труды сербских исследователей был П. А. Кулаковский, который во время своего пребывания в Белграде имел возможность раньше своих коллег знакомиться с тем новым, что появлялось в научной литературе Сербии. Так, он неоднократно писал об известном писателе и ученом Милане Миличевиче (1831—1908), который был превосходным знатоком русского языка и литературы и помимо научной работы много занимался переводами на сербский язык

произведений русских писателей. Русский язык он выучил в молодости благодаря русским преподавателям В. Т. Вердишу и Д. А. Рудинскому. Имя Миличевича было уже известно в научных кругах России. Еще в конце 50-х годов в славянофильском журнале «Русская беседа» было опубликовано несколько работ, в которых молодой ученый приводил интересный фактический материал о жизни сербских крестьян и их общинной организации¹⁹². Эти статьи носили в основном описательный характер и имели целью привлечь внимание русской общественности к Сербии и ее народу.

«Милан Миличевич как писатель пользуется большой и заслуженной известностью во всем сербском народе, — писал Кулаковский. — Глубокое знание сербских обычаев, нравов, преданий, наконец, страны и сербского народа дают ему полное право на эту известность». Среди оригинальных произведений Миличевича Кулаковский выделяет «Княжество Сербия» — «обширный труд в 1250 страниц, в котором собрано все, что только относится к географии, статистике, этнографии Сербии». Русский ученый назвал его «энциклопедией по Сербии», отметив, что произведения, подобные этому, «могли бы сделать честь и всякой славянской литературе»¹⁹³. За эту книгу Миличевич был удостоен в 1877 г. звания члена-корреспондента императорской Академии наук. По словам И. В. Ягича, «труд этот доставил Миличевичу общее признание в славянском ученом мире»¹⁹⁴.

Специальную рецензию посвятил Кулаковский разбору одного из изданий сербского научно-литературного общества «Чупичева задужбина» — «Жизнь и деятельность великих людей всех народов» в трех книгах, подготовленного М. Миличевичем¹⁹⁵. Автор рецензии с удовлетворением отмечал, что в развитии национальной сербской литературы последних лет наметились значительные сдвиги. Весьма примечательное явление в этом плане представляет рецензируемое издание, названное Кулаковским «замечательным трудом». В первых трех его томах составитель М. Миличевич поместил биографии наиболее выдающихся деятелей мировой истории, причем, в третьем томе были представлены биографии сербских деятелей средневековья — Стефана Немани, св. Саввы, краля Милутина и др. Отметив большое познавательное значение подобного издания, его роль в воспитании сербской молодежи, Кулаковский

остановился и на присущих ему недостатках: выпадении отдельных биографий и недостаточном внимании составителя к жизни и деятельности русских великих людей ¹⁹⁶.

Высоко оценил Кулаковский и вышедший в 1884 г. труд Миличевича «Королевство Сербия. Новые области» который содержал статистические и географические сведения о присоединенных к Сербии после Берлинского конгресса областях, описание быта их жителей, тексты народных песен и т. д. Книга была снабжена именным и географическим указателями и картой ¹⁹⁷. Это прекрасное справочное издание являлось дополнением к труду Миличевича «Княжество Сербия». Вследствие обширного фактического материала, приведенного в обеих книгах, они не утратили своей научной значимости и поныне — их используют современные исследователи при написании своих работ.

Позднее, в конце 80-х—90-е годы XIX в. М. Миличевич был видным деятелем Сербской академии наук: в 1889—1895 гг. являлся ее секретарем, в 1896—1899 гг. — президентом. В 1889—1899 гг. Миличевич занимал пост председателя Сербского археологического общества.

Одной из важнейших тем, разрабатывавшихся в сербской историографии в 70—80-е годы прошлого столетия, была внешняя политика Сербского княжества. С рядом работ по этой проблематике выступил видный государственный и политический деятель, дипломат и историк Йован Ристич (1831—1899) ¹⁹⁸. В 1881 г. в Белграде вышли в свет его мемуары ¹⁹⁹, в которых он рассказал о событиях в Сербии 1862—1867 гг. и ее отношениях с Турцией.

Рецензию на этот труд написал П. А. Кулаковский. Прежде всего он сообщил ряд биографических сведений о Ристиче, отметив, что последний принимал активное участие в переговорах с Турцией, которые привели к передаче турками 6 апреля 1867 г. всех крепостей в Сербии сербам ²⁰⁰. В своих мемуарах Ристич затронул вопрос об отношении России и Австрии к Сербии. «...общее впечатление получается очень цельное, — подчеркивал Кулаковский, — Австрия и ее дипломаты были на стороне Турции, и если соглашались принять сторону Сербии, то или были принуждены к этому силой обстоятельств, или находили для себя особенно выгодным оказать поддержку Сербии. Совершенно

иное представляют отношения России и ее дипломатии к Сербии. Постоянная забота России о том, чтобы Сербия могла достигнуть желаемого от Порты приводила иногда русских дипломатов последнего времени к слишком большой осторожности, но не было случая, когда бы Сербия не нашла поддержки у России, лишь только она умела выбрать удобное время для своих действий». Эта мысль проходит красной нитью через всю книгу Ристича, что и делает ее, по мнению Кулаковского, интересной «для русского и вообще славянского читателя»²⁰¹. Появление этой книги в период резкого ухудшения русско-сербских правительственных отношений было особенно примечательным.

Позднее с рецензией на новые работы Й. Ристича выступил известный славист и общественный деятель, профессор Московского университета и один из руководителей Московского славянского благотворительного комитета Нил Александрович Попов (1831—1892). Научная деятельность Н. А. Попова была широка и разнообразна. Его перу принадлежит более 200 работ, посвященных различным вопросам русской истории, истории православия, журналистики, славяноведения. Но главные свои труды он написал по истории Сербии. В рассматриваемый период Н. А. Попов не был в Сербии, но его контакты с сербскими учеными, установленные во время двух его научных командировок в 60-х—начале 70-х годов, плодотворно развивались.

Ввиду важности научной и общественной деятельности Нила Попова для русско-сербских связей, мы решили остановиться на его вкладе в их развитие более подробно, учитывая также, что вопрос этот практически не изучен ни в советской, ни в зарубежной историографии.

В 1862—1864 гг. Нил Попов посетил ряд славянских стран — Сербию, земли австрийских славян и, по собственному его признанию, «кроме изучения современной государственной и общественной жизни народов, населяющих среднюю Европу. . . ознакомился с литературой, объясняющей их прошлую историю и отношения к России, а также имел случай войти в довольно обширные связи с местными учеными и литераторами»²⁰².

В Белграде Н. А. Попов провел май—июль 1864 г.²⁰³ Здесь он работал в библиотеках и архивах, завязал контакты с сербскими политическими деяте-

лями и учеными — Й. Ристичем, А. Хаджичем, А. Васильевичем, М. Миличевичем и др.

Через несколько лет после первой заграничной командировки Нила Попова вышел в свет его капитальный труд «Россия и Сербия. Исторический очерк русского покровительства Сербии с 1806 г. по 1856 г.» (М., 1869), основанный на огромном количестве документальных материалов. Он явился, по словам хорватского ученого В. Богишича, «первым полным прагматическим изложением новой истории Сербии»²⁰⁴. Наряду с этим Н. А. Попов подробно исследовал вопрос об отношениях России и Сербии за полувековой период. При этом он подчеркивал историческую зависимость судеб Сербского княжества от политики России и в связи с этим подчинил повествование о событиях в Сербии хронологическим рамкам русской политической истории.

Несмотря на некоторую тенденциозность, труд русского ученого вызвал большой интерес в Сербии. «Все с любопытством ожидают Вашей книги „Россия и Сербия“», — сообщал ему митрополит Михаил в конце 1869 г., а в начале следующего года, когда сочинение Попова было получено в Сербии, он писал, что у всех «пламенная охота читать сию... поистине дорогую книжку»²⁰⁵. Лестные отзывы о монографии мы находим во многих письмах, адресованных ученому. Так, в письме архитектора Валтровича подчеркивалось, что русский историк был «первый, кто вынес в свет правду о серьезнейших временах для сербов и русских»²⁰⁶. Специальным письмом выразило русскому ученому свою благодарность руководство Сербского ученого общества, в котором отмечалось, что эта работа «привлекает своим объемом, изучением источников и вложенным в нее трудом...»²⁰⁷. А в рецензии, опубликованной в газете «Млада Србадија», подчеркивалось, что книга Нила Попова «показала русским сербский народ того времени» — и в этом ее огромная ценность²⁰⁸.

В 1870 г. «Россия и Сербия» была переведена на сербский язык П. Сречковичем, А. Васильевичем, Ж. Жуевичем и А. Марьяновичем²⁰⁹. Предисловие переводчиков — представителей демократических и леволиберальных кругов сербского общества — важное публицистическое произведение, в котором его авторы смело выступают в защиту прав народа, народной скупщины.

Летом 1870 г. Нил Попов вновь посетил Сербию и пробыл здесь около двух месяцев — июль—август. На этот раз по разрешению правительства он работал в архиве министерства иностранных дел «для пополнения своей книги. . . и продолжения ее до позднейшего времени»²¹⁰. За короткий срок ученый собрал довольно обширный материал. Наибольший его интерес вызывала деятельность сербских либералов, находившихся в этот период у власти. Нил Попов подчеркивал их большую роль в политической истории Сербии. Поэтому они охотно предоставляли ему документальные материалы, сообщали известные им сведения.

После этой поездки в 1871 г. была опубликована новая работа Нила Попова «Сербия после Парижского мира», задуманная как продолжение «России и Сербии» и почти целиком посвященная Свято-Андреевской скупщине, которая, по словам автора, «составила целую эпоху во внутренней жизни Сербского княжества»²¹¹. Режим Александра Карагеоргиевича с его бюрократической формой правления и проавстрийской ориентацией во внешней политике, изоляция народа от участия в общественно-политической жизни страны, внутриправительственный кризис и как следствие его частая смена министерских кабинетов — все это, по мнению Н. А. Попова, не могло не вызвать недовольства и в правительстве, и среди широких слоев общественности. Русский ученый подробно охарактеризовал политические группировки на скупщине, отдавая явное предпочтение либеральной партии. Недаром, когда «Сербия после Парижского мира» вышла в свет, А. Васильевич писал Попову: «Народно-либеральная партия считает, что Вы этой книгой воздвигли ей памятник»²¹².

Как и труд «Россия и Сербия», новая книга Н. А. Попова вызвала значительный интерес сербской интеллигенции и была вскоре переведена и издана в Белграде²¹³. Это было связано прежде всего с тем, что в начале 70-х годов в Сербии создалась сложная и напряженная обстановка, в известном смысле напоминавшая современникам положение накануне Свято-Андреевской скупщины 1858 г. В этот период, в правление реакционных регентов, в разгар династического террора и произвола обреновичевской бюрократии, демократические и леволиберальные силы сербского общества, борясь за расширение прав народной скупщины, демократизацию общественного строя, закономерно обращались

к урокам Свято-Андреевской скупщины, к анализу событий, о которых шла речь в книге Н. А. Попова.

В 70-е годы Нил Попов продолжал работать в области политической истории Сербского государства. Результатом его изысканий явилась монографическая статья «Вторичное правление Милоша Обреновича»²¹⁴. Материалы для нее ученому по-прежнему присылали видные деятели Сербии: Й. Ристич²¹⁵, митрополит Михаил, А. Васильевич и др. В этой статье, как и в предыдущих работах, идеализировался князь Милош и восхвалялась либеральная партия, деятели которой представлялись Попову истинными патриотами и выразителями чаяний народа. В начале 80-х годов либеральная партия потеряла свой политический авторитет в стране — к власти пришло правительство напредняков. В этих условиях статья русского ученого приобрела острое политическое звучание.

Еще одна работа Н. А. Попова «Сербия и Порта в 1861—1867 гг.»²¹⁶ являлась рассказом о взаимоотношениях Сербского княжества с Турцией. В ней подробно излагаются события этого периода, имевшие большое значение для сербского государства. Появлению этого труда, носившего хроникально-документальный, публицистический характер, несомненно, способствовали события на Балканах 70-х годов и тот интерес, который проявляло к ним русское общество.

Таким образом, подводя итоги научной деятельности Нила Попова как «историка новой Сербии», следует отметить, что он первым в историографии предпринял исследование внешней и внутренней истории Сербского княжества в 1806—1867 гг. и ввел в научный оборот огромный фактический материал. Распространение в России его трудов позволило ознакомить широкий круг читателей с жизнью сербского народа, что способствовало усилению интереса русской общественности и увеличению «запаса сведений о славянах вообще»²¹⁷.

Появление работ Н. А. Попова явилось также одной из крупных вех в развитии русско-сербских общественных, культурных и научных связей XIX в., обусловленных все усиливавшейся тягой широких кругов сербского общества к русской культуре, достижениям русской общественно-политической мысли.

Вместе с тем работы Н. А. Попова по истории Сербии отразили славянофильские взгляды их автора и буржуазную ограниченность его концепции. Противопо-

ставление славянского и западного мира, преимущественный интерес к истории и современной ему жизни южных славян — эти идеи славянофилов воспринял Н. А. Попов.

По своим политическим убеждениям Н. А. Попов, как и большинство славянофилов, был буржуазным либералом, монархистом. Как монархист он выступал за сильную княжескую власть в Сербии, но как либерал, представлявший интересы буржуазии, которой, по словам В. И. Ленина, «необходим прогресс и сколько-нибудь упорядоченный правовой строй, соблюдение законности. . . , обеспечение некоторой политической свободы»²¹⁸, Попов поддерживал требования народно-либеральной политической группировки Сербии, деятельность которой он идеализировал в своих работах.

Ленинская критика буржуазных историков, которые «в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»²¹⁹, имеет непосредственное отношение к работам Н. А. Попова. Однако по сравнению с трудами реакционных историков панславистского толка, его исследования по истории Сербии были шагом вперед в развитии русского славяноведения.

Большое значение для развития русско-сербских связей имела и общественная деятельность ученого. Являясь одним из руководителей Московского славянского благотворительного комитета²²⁰, он оказывал постоянную помощь приезжавшим на учебу в Россию молодым славянам, в том числе и сербам. Деятельная натура Н. А. Попова, его давние славянские симпатии нашли на этом поприще широкое применение. Архивный фонд ученого содержит сотни писем с просьбой помочь приехать на учебу, получить стипендию, выделить денежное пособие, немало и благодарственных писем. Как отмечал в 1892 г. журнал «Славянское обозрение», «трудно найти сейчас в славянских землях имя более популярное, чем Н. А. Попов, ибо везде есть учителя, писатели, деятели, которые так или иначе обязаны были Н. А. Попову за содействие в образовании, сообщении поддержки»²²¹.

Подобные высказывания о Попове в русской печати подтверждаются и сербскими источниками. «Его научная деятельность, его характер, а кроме того моральная и материальная помощь, которую получала от него . . . славянская молодежь, приезжавшая в Москву

на учебу, распространили его имя и создали ему огромную популярность во всем славянском мире», — писала газета «Браник» в 1892 г. в связи с кончиной Н. А. Попова ²²².

Кроме того Н. А. Попов, профессор русской истории, являвшийся, по словам В. О. Ключевского, «одним из последних представителей лучших времен Московского университета — времен Грановского, Кудрявцева, Соловьева» ²²³, преподавал на историческом и славяно-русском отделениях историю славянских народов. Он был первым московским профессором, который в своих лекциях давал обзор современной исторической литературы о славянах и читал курсы по славянской истории до новейшего времени, тогда как другие ученые ограничивались изложением «славянских древностей» ²²⁴.

Огромная научная и общественно-политическая деятельность Н. А. Попова получила заслуженное признание как в России, так и в славянских землях. Он был награжден орденами и медалями России, Черногории, Сербии; состоял членом 19 русских научных обществ, а также почетным членом Болгарского учено-литературного общества в Софии (с 1884 г.), Чешского археологического общества (с 1877 г.). В марте 1869 г. Сербское ученое общество избрало его своим членом-корреспондентом ²²⁵.

С большим интересом Н. А. Попов следил за развитием исторической науки в Сербии. В 1886 г. в «Известиях С.-Петербургского славянского благотворительного общества» им была опубликована большая статья «Йован Ристич и его исторические сочинения», написанная в связи с выходом в свет трех книг сербского деятеля ²²⁶. При анализе первой книги — о сербско-турецких отношениях в 1862—1867 гг. — Нил Попов подчеркнул ту роль, которую сыграл в событиях этого периода Й. Ристич. После бомбардировки турками Белграда в 1862 г. он был сербским представителем в Константинополе и выступал за решительные действия Сербии в вопросе о турецких крепостях на территории княжества. Анализируя дипломатическую деятельность Ристича, Попов проявил большую эрудицию, использовав ряд важных документов, например, переписку Й. Ристича с И. Гарашанином ²²⁷. Две другие рецензируемые книги представляют собой, по словам русского ученого, «политические этюды, рас-

суждения о международном положении Сербии во время Венгерской и Крымской войн»²²⁸.

Й. Ристич последовательно описал события в Европе 1848—1849 гг. и их связь с историей Сербии, внутреннее и внешнеполитическое развитие Сербского княжества в период Крымской войны и, наконец, события 1862—1867 гг. Именно «в установлении очевидной связи между изложенными им эпохами сербской истории» и заключается, по мнению Нила Попова, главная заслуга Ристича как историка. Вместе с тем, сочинения последнего не лишены и известных недостатков, главный из которых, как отметил рецензент, заключается в том, что в своих трудах он выступает «более государственным человеком, политическим мыслителем, а не стоящим в стороне от событий историком» и это мешает ему быть объективным при описании тех или иных исторических событий²²⁹.

Видный сербский деятель, директор Народной библиотеки в Белграде архимандрит Никифор Дучич (1832—1900) был известен в России не только своим участием в национально-освободительной борьбе югославянских народов в 60—70-е годы XIX в., но и научными трудами. И. В. Ягич в «Истории славянской филологии» называл его «оригинальным типом духовного лица, владеющего мечом и пером» и стремившегося «послужить просвещению сербского народа сильными разысканиями в области сербской истории, географии, этнографии и древней письменности»²³⁰.

Уже в 70-е годы Дучич написал несколько исторических работ, часть из которых была опубликована в русских журналах. Так, в 1878 г. в «Славянском ежегоднике», выходившем в Киеве, была помещена большая, интересная работа Н. Дучича «Черногория» (перевод его труда «Црна Гора. Бильешке // Гласник СУД. XI. Београд, 1874). В ней излагалась история Черногории; рассказывалось о правителях-владыках и воеводах; сообщались географические сведения, данные о числе жителей, обычаях, просвещении, военной организации, системе государственного управления.

В 1882 г. Дучич побывал на Афоне и в архивохранилище Хиландарского монастыря, обнаружил немало интересных, еще не известных ученым документов. Результатом его изысканий стал труд «Хиландарские древности»²³¹, в котором Дучич описал найденные им письменные памятники, снабдил их научными ком-

ментариями. Труд ученого был высоко оценен Т. Д. Флоринским, который назвал его «весьма ценным приращением довольно значительной литературы о сербском Хиландарском монастыре»²³².

Позднее Флоринский указал еще на две небольшие работы Дучича, посвященные хотя и частным вопросам истории сербской церкви²³³, но заслуживающие «по своей обстоятельности. . . внимания славистов»²³⁴.

Была известна в России и научная деятельность Чедомила Миятовича (1842—1932), видного политического деятеля Сербии, одного из лидеров правящей в 80-е годы напредняцкой партии.

С подъемом национально-освободительного движения в Сербии во второй половине XIX в. возрос интерес к истории средневекового Сербского государства. В 50—70-х годах в сербских журналах публиковались отдельные грамоты, издавались сборники документов, что способствовало изучению социально-экономической истории времен Неманичей. В этой области много и плодотворно работал Ч. Миятович²³⁵. В своих трудах сербский ученый подробно исследовал развитие городов как торговых центров. Он ставил своей целью определить место Сербии среди других стран Европы и доказать, что она имела такой же уровень экономики, как и развитые европейские государства. При этом ученый подходил к источникам крайне тенденциозно — приводил в основном факты, свидетельствовавшие об успехах сербского народа в прошлом и тенденциозно их истолковывал. Так, на основании неправильной трактовки размеров ввоза соли он подсчитал, что плотность населения в Сербии в XIV в. была 499 чел. на 1 кв. милю, в то время как в Англии — 380 чел.²³⁶ Подобные фальсификации умаляют значение его работ.

В рассматриваемый период Ч. Миятович написал обширный труд о деспоте Георгие Бранковиче²³⁷, в котором пытался обосновать примерами из сербской истории закономерность нового направления внешней политики напредняцкого правительства — ориентации Сербии на западные державы, в первую очередь на Австро-Венгрию. Против этой тенденции работы вслед за В. В. Макушевым (см. выше) резко выступил П. А. Кулаковский²³⁸.

Русские ученые отмечали в периодической печати и появление в Сербии новых документальных публика-

ций, которые ставили изучение ее истории на прочную научную основу.

В 1882 г. в Белграде вышел сборник документов по истории Сербского княжества периода правления князя Милоша Обреновича, подготовленный к изданию братьями Петровичами²³⁹. В сборнике было опубликовано около 200 документов из княжеской канцелярии, большую часть которых составили письма Милоша (многие из них были написаны работавшим в канцелярии Вуком Караджичем). Представленный материал освещал вопросы внутреннего и внешнеполитического развития Сербского княжества в 1817—1821 гг. В рецензии П. А. Кулаковский отмечал, что публикация В. и Н. Петровичей — пример того, как плодотворно трудятся сербские ученые в области выявления новых архивных документов и их издания²⁴⁰.

В другой рецензии, посвященной также изданию материалов, на этот раз по истории боснийского восстания 1875—1878 гг.²⁴¹ (составитель В. Красич), Кулаковский отметил, что в последнее время в сербской литературе появился целый ряд записок и мемуаров, относящихся к периоду Восточного кризиса 70-х годов. Выход в свет работы Н. Дучича о добровольцах в 1876—1878 гг., «Записок» Вл. Джорджевича и др. свидетельствует о том, что сербские ученые и писатели пытаются осмыслить недавние события, имевшие такое большое значение для судеб югославянских народов. Составитель публикации В. Красич не был непосредственным участником этих событий, однако ему удалось обнаружить в Бихаче архив боснийских повстанцев и несколько сот их писем. Наиболее важные документы он опубликовал в вышеупомянутом издании. Опираясь на имевшиеся в его распоряжении материалы, Красич детально описал ход восстания в Северной и Южной Боснии. Во вступительной части работы он широко использовал труды русских ученых А. А. Майкова, А. Ф. Гильфердинга и др. Издание В. Красича, ввиду ценного фактического материала, используют современные исследователи, работающие по данной проблематике. Поэтому нельзя не согласиться с Кулаковским, который писал в рецензии: «Как материал для будущего историка славянского движения на Балканском полуострове, эта книга представляет немаловажный интерес»²⁴².

Несомненно, упомянутыми рецензиями и обзорами не исчерпывались отклики русских ученых на труды

деятелей сербской науки. В периодической печати был опубликован еще целый ряд небольших рецензий и библиографических заметок²⁴³, на которых мы не имеем возможности останавливаться в нашей работе.

Со своей стороны сербские ученые с большим вниманием следили за появлением в России новых исследований по истории и литературе славян. Опасения подвергнуться репрессиям австрофильского напредняцкого правительства не позволили им регулярно публиковать в сербских периодических изданиях рецензии на труды русских коллег, поэтому свое мнение они высказывали главным образом в письмах. Большой интерес в этом отношении представляет переписка А. Н. Пыпина со Ст. Новаковичем и М. Миличевичем²⁴⁴.

Особое внимание сербские ученые, стремившиеся обосновать право своего народа на самостоятельное политическое и культурное развитие, уделяли тем исследованиям, в которых высказывались взгляды, противоположные панславистской концепции, согласно которой на развалинах западной цивилизации славяне должны создать свое собственное объединенное государство «под политическим водительством и гегемониею монархической православной России»²⁴⁵.

Среди русских ученых активно выступал против панславизма и славянофильства Александр Николаевич Пыпин (1833—1904). Его имя было широко известно и популярно в Сербии. Заслуженную славу принес Пыпину написанный совместно с В. Д. Спасовичем «Обзор истории славянских литератур» (СПб, 1865). Уже в этой книге русский ученый отстаивал за каждым славянским народом право на самостоятельное национальное существование²⁴⁶. Сразу же после выхода в свет книга Пыпина и Спасовича стала известна в Сербии. Высокую оценку «Обзору» дал в газете «С.-Петербургские ведомости» (11 (23) июня 1865 г.) сербский демократ Ж. Жуевич, учившийся в это время в Петербургском университете²⁴⁷. Откликнулись на появление труда русского ученого и его сербские коллеги. Одну из частей «Обзора» под названием «Дубровник и Далмация» Ст. Новакович напечатал в редактируемом им журнале «Вила» (Фея). Наряду с этим он использовал труд Пыпина при работе над своей «Историей сербской литературы», вышедшей в 1867 г.²⁴⁸

В 1869 г. за заслуги в области изучения сербской и других славянских литератур русский ученый был из-

А. Н. Пыпин

бран членом-корреспондентом Сербского ученого общества ²⁴⁹.

Пыпин был решительным противником славянофильской идеи признания русского языка как общеславянского, считая, что она скорее послужит разъединению славян, ибо основывается на политической и вероисповедной гегемонии России, на игнорировании национальной самостоятельности славянских народов ²⁵⁰. «Если славянство, — замечал он, — примет когда-нибудь русский язык, по крайней мере для главнейших произведений литературы, имеющих общеславянский интерес, это произойдет естественным путем, постепенным ростом самой русской литературы, а не одними благочестивыми пожеланиями. . .» ²⁵¹

В Сербии была хорошо известна публицистическая и научная деятельность А. Н. Пыпина конца 70-х — первой половины 80-х годов. Она вызывала неизменное одобрение его сербских коллег. Так, в письме от 30 сентября 1878 г. М. Миличевич благодарил русского уче-

ного за посланную им серию статей «Панславизм в прошлом и настоящем» и особенно «за мнение и взгляды», выраженные в них ²⁵².

Высоко ценил научные труды Пыпина и Ст. Новакович. Переписка между ними началась еще в конце 60-х годов. Нередко в письмах ученые сообщали друг другу сведения о новинках в русской и сербской литературах ²⁵³, обменивались мнениями по тому или иному вопросу. Новакович дал положительную оценку статьям Пыпина о панславизме, отметив, что сам он придерживается аналогичной точки зрения. Сербский ученый сделал также ряд замечаний по содержанию статей и дал Пыпину некоторые рекомендации, отослав его к своим работам. Он подчеркнул при этом, что славянофильские идеи никогда не были популярны в сербской литературе, ибо «для каждого серба главное — освобождение и объединение своего народа» ²⁵⁴.

С нетерпением ожидал Новакович выхода в свет I тома «Истории славянских литератур». Когда Пыпин в ходе работы над ней стал нуждаться в дополнительных сведениях по истории сербской литературы, Новакович послал ему все необходимые материалы ²⁵⁵.

В главах о югославянских литературах Пыпин впервые дал глубокую и разностороннюю характеристику сербского Возрождения, его истоков и движущих сил. Одна из отличительных особенностей его концепции национального возрождения южных славян состояла в последовательном проведении мысли о преемственности и непрерывности исторического процесса. В предисловии к I тому «Истории славянских литератур» он пишет о том, что процесс возрождения сложный и длительный: «С XVIII в. в славянском мире начинается исторический поворот к национальному обновлению и возрождению. Он уже принес много знаменательных результатов и вызвал трудную борьбу внешнюю и борьбу внутри самого славянского сознания; она продолжается до настоящей минуты и составляет основной вопрос новейшей славянской истории» ²⁵⁶.

Опережая литературоведческую мысль Сербии, Пыпин создал концепцию истории сербской и других югославянских литератур в то время, как собственно сербская историко-литературная наука только зарождалась. В этом его несомненная заслуга ²⁵⁷.

В связи с выходом в свет I тома «Истории славянских литератур» в ежемесячной газете «Српска зора»,

издававшейся в Вене на сербохорватском языке, была опубликована рецензия Ст. Новаковича. В ней сербский ученый подчеркнул, что написание такой истории — задача чрезвычайно трудная, но крайне необходимая, ибо, несмотря на то, что о славянском вопросе и славянах говорят много, знают о них очень мало. Изучение истории и литературы славянских народов началось сравнительно недавно. В числе наиболее видных ученых-славистов Новакович называет П. Шафарика, В. И. Григоровича и А. Н. Пыпина, который в 1865 г. выпустил книгу «Обзор истории славянских литератур». «Как первый труд, — отмечал сербский ученый, — в котором был дан обзор всех славянских литератур в соответствии с требованиями современной науки, эта книга Пыпина вызвала большой интерес в русской литературе. . . и не меньший в литературах других славянских народов. Она стала настольной книгой каждого, кто занимался славистикой. . .». С тех пор прошло немало времени. Во всех славянских литературах, быстро развившихся в последние годы, появились новые публикации источников и специальные труды. В связи с этим возникла необходимость в доработке «Обзора» и пополнении его новыми материалами. Эту задачу блестяще выполнили А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович.

В своей рецензии Новакович дал высокую оценку как всей русской литературе, так и труду Пыпина и Спасовича, который, по его словам, ставит русскую литературу на первое место — «место, подобающее ей по величию народа и государства». Помимо овладения огромным фактическим материалом, в качестве большого достоинства Пыпина-исследователя, Новакович выделял его умение «с полной научной объективностью и теплой симпатией относиться к развитию отдельных славянских народностей и их литератур и справедливо оценивать каждое проявление подлинно народной жизни (а этим, как известно, — добавлял он, — отличаются не все русские писатели). . .»²⁵⁸.

Почетное место в истории русско-сербских связей занимает видный общественный деятель, ученый-славист и публицист Аполлон Александрович Майков (1826—1902). «Я не в силах описать Вам то сочувствие и уважение, какое питает к Вам. . . от велика до мала весь сербский народ, начиная с высших лиц. . . и кончая последним сельчанином», — писал Майкову

27 мая 1878 г. учившийся в Москве сербский студент Сава Радонич²⁵⁹.

Научные интересы Майкова в области славяноведения сформировались под влиянием О. М. Бодянского и М. П. Погодина. Идеино он был близок к славянофилам. Его книга «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею, в связи с историей народа» (М., 1857), ставшая магистерской диссертацией молодого ученого, была результатом исторических и филологических исследований памятников сербской деловой письменности XII—XVI вв.

Направление научных поисков было подсказано ученому самими памятниками — древними сербскими грамотами XII—XV вв. и законником царя Стефана Душана, до него почти не использованными. Имея в виду тесную связь истории литературного языка с историей народа, Майков рассмотрел эти вопросы в одной книге и в результате создал цельный исторический очерк, охватывающий значительный период. Будучи более историком, чем лингвистом, Майков допускал отдельные неточности при объяснении некоторых языковых явлений и процессов. Но несмотря на это в целом труд молодого ученого был значительным явлением в русской славистике и как таковой получил высокую оценку современников. Так, выдающийся сербский филолог Д. Даничич писал в газете «Српске Новине», что благодаря труду Майкова «прежние книги об истории нашей во многом дополнены и исправлены»²⁶⁰. Первая, историческая его часть дважды, в 1858 и 1876 гг., издавалась в Белграде²⁶¹. В России «История сербского языка» была удостоена Демидовской премии. «Известия имп. Академии наук» писали много лет спустя: «Предприятием и завершением такого труда, тщательную точностью и богатством собранных в нем данных и трезвою критическою их оценкою. . . Майков оставил по себе славную и добрую память. . .»²⁶².

Книга русского ученого не потеряла своей значимости и поныне. Ее высоко оценивают и советские слависты. Так, В. П. Гудков признает, что «в истории русской науки труд Аполлона Александровича Майкова неоспоримо занимает почетное место»²⁶³.

В 70—80-е годы Майков сотрудничал в ряде русских газет и журналов — «Беседе», «Русской мысли», «Русских ведомостях», «С.-Петербургских ведомостях» и др. Славистические интересы ученого нашли выражение и

в его публицистической деятельности: он активно выступал в печати по проблемам международной политики, главным образом в связи со славянским вопросом.

Подобно А. Н. Пышину, Майков последовательно отстаивал право славянских, в том числе и сербского, народов на самостоятельное национальное существование. Уже в одной из ранних своих статей «Всеславянство» он выступал за будущее славян, которое рисовалось ему в виде «свободного политического союза отдельных самостоятельных (выделено нами. — С. Д.) единиц», считая, что у славян «нет данных для образования сплошного однообразного государства»²⁶⁴.

Научная и публицистическая деятельность А. А. Майкова «на благо сербского народа» получила высокую оценку в Сербии. Он был избран членом-корреспондентом Общества сербской словесности и Сербского ученого общества²⁶⁵; награжден орденами Такова (в 1876 г. и 1878 г.) и орденом св. Саввы (в 1891 г.)²⁶⁶.

В письме к Майкову от 25 апреля 1879 г. епископ Шабацкой епархии Иероним, прогрессивный общественный деятель Сербии того времени, известный своими прорусскими симпатиями, указывал, что сербы ценят русских ученых за то, что они «помимо науки имеют и сердце для своих»²⁶⁷. Жизнь и деятельность А. А. Майкова — яркий тому пример.

Многие молодые сербы были обязаны своей учебой в России именно Майкову. Он помогал им в получении и увеличении стипендий, устраивал их в Университеты и Академии, поддерживал материально из собственных средств. В некрологе, написанном русским публицистом и общественным деятелем Н. Н. Дурново, отмечалось, что «А. А. Майков заслуживал самого глубокого и искреннего уважения. . . Десятки тысяч рублей он потратил на помощь обучающимся в Москве сербам. . .»²⁶⁸. Это высказывание подтверждается свидетельством самих сербских студентов. Так, 20 марта 1880 г. Стефан Афанасьевич и Ефрем Кочович, учившиеся в Московском университете, писали Майкову (по-русски): «Вся наша жизнь в Москве представляет ряд томительных борб, из которых избавлялись благодаря исключительно Вашей помощи»²⁶⁹.

В рассматриваемый период на страницах русских периодических изданий публиковались произведения некоторых сербских писателей и ученых. Это была одна

из лучших форм ознакомления общественности России с прошлым и настоящим сербского народа. К сожалению, она не получила достаточного развития.

В 1880 г. в «Русском вестнике» была помещена историческая повесть М. Миличевича «Юрмус и Фатима», описывающая в художественной форме события в Сербии начала 30-х годов, в переводе П. А. Кулаковского. В предисловии последний дал высокую оценку Миличевичу как писателю и ученому²⁷⁰. Повесть «Юрмус и Фатима», представленная русскому читателю, содержала ряд интересных фактов из истории Сербии, в том числе «живой очерк» о князе Милоше.

В 1882 г. в журнале «Век» (издатель-редактор М. А. Филиппов) появилась вторая повесть М. Миличевича — «Гайдуки», в которой автор рассказал о гайдуцких четах, действовавших в Сербии, Боснии и Герцеговине в 40—60-е годы XIX в. и их борьбе против турок и угнетателей народа. Перевод этой повести был выполнен женой Кулаковского — Екатериной Федоровной. При этом сам Миличевич оказал ей большую помощь, объяснив трудные для перевода места²⁷¹.

Публикации произведений М. Миличевича в русских журналах способствовали его личные дружеские связи с П. А. Кулаковским.

В 1880 г. в «Русской мысли» была опубликована небольшая работа М. С. Протича «Свято-Андреевская скупщина», написанная им на основании записок, оставшихся после смерти его отца Ст. Протича. Вначале автор дал краткий очерк развития Сербии в период правления уставобранителей, которые «старались во что бы то ни стало подчинить Сербию своему исключительному влиянию, отдалить от ее естественной защитницы и истинной доброжелательницы. . . России и отстранить ее влияние и покровительство». Говоря о приходе к власти Александра Карагеоргиевича, Протич отметил, что его правление было губительно для Сербии, так как в этот период неоднократно нарушалась конституция, в стране усилилось турецкое и австрийское влияние. Поэтому Свято-Андреевскую скупщину 1858 г. он считает «знаменитой своею деятельностью для блага сербского народа»: она дала Сербии «спокойствие и более прочное положение в Европе»²⁷². При описании событий, предшествовавших скупщине, Протич много внимания уделил деятельности своего

отца, принимавшего активное участие в ее подготовке и проведении. В целом эта небольшая работа носила описательный характер, но ее публикация имела определенное значение, так как знакомила русских читателей с важными событиями сербской истории.

При рассмотрении русско-сербских научных связей нельзя не остановиться еще на одной их форме — книжном обмене.

Между учеными двух стран происходил постоянный обмен книгами и периодическими изданиями. На протяжении многих лет посылали друг другу свои труды Ст. Новакович и В. И. Ламанский²⁷³. Они постоянно информировали друг друга о появлении книжных новинок в Сербии и России. Так, в письме от 20 ноября 1879 г. Ст. Новакович благодарил русского ученого за сообщение ему целого ряда литературных новостей. А 15 апреля 1882 г. Новакович послал Ламанскому целый ящик книг, необходимых русскому коллеге в его работе²⁷⁴.

Обменивался Ламанский книгами и с А. Васильевичем²⁷⁵. Летом 1877 г. он обратился к сербскому ученому с просьбой прислать С.-Петербургскому славянскому благотворительному обществу «все лучшие книги по филологии, истории и этнографии, какие имеются в сербско-хорватской литературе». Весной 1878 г. эта просьба была исполнена — в двух ящиках книги были отправлены в Петербург на имя Ламанского²⁷⁶.

Регулярно обменивались научной литературой Н. А. Попов и Ст. Новакович²⁷⁷, В. В. Макушев и Н. Дучич²⁷⁸; А. Н. Пыпин и сербские ученые М. Миличевич²⁷⁹ и Ст. Новакович²⁸⁰.

О том, какое значение имел книгообмен для М. Миличевича, мы узнаем из его письма к академику Я. К. Гроту (1812—1893), регулярно посылавшему сербскому коллеге свои труды²⁸¹. Получив в подарок от Грота его «Филологические разыскания» (СПб, 1873), Миличевич писал: «Русскому языку я учился „самоучки“ здесь, в Белграде. Поэтому Вы можете сами оценить, сколько нужны, сколько драгоценны могут быть для меня книги, вроде Ваших. Не только лестным доказательством Вашего ко мне внимания, но светильником во всех затруднениях по русскому слову я их держу на своем столе и обращаюсь к ним за сведениями почти каждую минуту»²⁸².

Обменивались книгами и научными изданиями И. С. Пальмов и профессор богословия белградской семинарии Е. Илич²⁸³.

Постоянный обмен изданиями существовал и между университетами, библиотеками, научными обществами, редакциями газет и журналов двух стран. Установленный в предшествующие десятилетия, в рассматриваемый период книгообмен все более расширялся; в него вовлекались все новые учреждения России и Сербии.

Обменивались своими изданиями Матица Сербская и университеты в Киеве и Петербурге²⁸⁴. «Записки имп. Академии наук» получали Общество сербской словесности и Сербское ученое общество²⁸⁵.

Ведущее научное учреждение Сербии — Сербское ученое общество — обменивалось книгами и изданиями со многими русскими научными обществами — истории и древностей российских, географическим, историческим и др.²⁸⁶

Ценность посылаемых книг и изданий неизмеримо возрастала в связи с тем обстоятельством, что между Россией и Сербией не было непосредственной книжной торговли. Русские книги могли быть выписаны только через Лейпциг. Трудности эти отмечали многие сербские ученые, например, Ст. Новакович в письме к Ламанскому от 16 сентября 1879 г.²⁸⁷ А Е. Илич жаловался Пальмову, что в Сербии «нет ни одного сочинения русского, вышедшего в позапрошлом, прошлом и нынешнем году»²⁸⁸.

Книгообмен между деятелями русской и сербской науки, научными учреждениями и обществами двух стран имел большое значение не только в тот период. Благодаря ему в настоящее время в библиотеках Москвы, Ленинграда, Киева и др. городов нашей страны имеется немало редких сербских книг и изданий XIX в., которые в Югославии не сохранились вследствие гибели ряда книгохранилищ в период войн и оккупации, и таким образом, современные исследователи, работающие по проблематике истории Сербии прошлого столетия и русско-сербских связей, имеют в своем распоряжении ценный материал.

Подводя итоги, следует отметить, что в рассматриваемый период научные связи между Россией и Сербией интенсивно развивались, причем, в самых разнообразных формах.

Русские ученые-слависты уделяли большое внимание

распространению и популяризации в России произведений деятелей сербской науки. На страницах ведущих научных и научно-популярных журналов они регулярно помещали рецензии, библиографические обзоры и заметки, посвященные разбору наиболее значительных трудов и публикаций документов. Это свидетельствовало о том глубоком интересе, с которым русские ученые следили за развитием литературы и науки братского народа. Отмечая не только положительные стороны рецензируемых произведений, но и указывая на их недостатки, слависты России помогали сербским ученым в их дальнейшей научной деятельности.

В свою очередь, и сербские ученые отмечали появление в России новых исследований по истории и истории литературы славян. Наибольший интерес они проявляли к тем трудам, в которых критиковались славянофильские теории и проводилась идея о праве сербов на самостоятельное политическое существование. В рассматриваемый период таковыми являлись произведения А. Н. Пыпина. Их прогрессивный характер по сравнению с трудами ученых славянофильского направления несомненен. Однако консервативные элементы в политических взглядах последних не должны заслонять от нас ту положительную роль, которую они сыграли в деле изучения и популяризации литературы, культуры и достижений науки сербского народа, в развитии русско-сербских связей. Кроме того, нельзя не отметить, что для рассматриваемого периода наиболее характерными являлись связи сербской интеллигенции с русскими учеными и общественными деятелями именно славянофильского направления, так как последние более других были связаны с Сербией своей научной, публицистической и общественной деятельностью. Этому же способствовало и преобладание славянофильской школы в русском славяноведении конца 70-х — первой половины 80-х годов.

¹ Нушић Б. Дела. Београд, 1958. Т. 4. С. 137—138.

² Статьи М. Стойнич, М. Милидрагович, Д. Перович см.: Русско-югославские литературные связи: Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975; а также: Чуич Г. Русская литература на сербском языке // Тр. Воронеж. гос. ун-та. 1926. Т. 3: Пед. фак. С. 123; Кравцов Н. И. Русско-югославские литературные связи // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 240—241, 246—248.

- ³ Вестн. Европы. 1878. № 8. С. 826.
- ⁴ Там же. 1879. № 2. С. 774.
- ⁵ Там же. С. 771, 774.
- ⁶ Там же. 1878. № 8. С. 832; 1879. № 2. С. 777.
- ⁷ Почечи књижевне узајамности: Превод из руског часописа «Вестник Европе» // Стража. 1879. Св. 1—3.
- ⁸ Вестн. Европы. 1879. № 2. С. 777.
- ⁹ Митрополит сербский Михаил — Т. Д. Флоринскому 5 февраля 1882 г. // ОР ГПБ. Ф. 818. Д. 240. Л. 1.
- ¹⁰ Ст. Новакович — В. И. Ламанскому 16 сентября 1879 г. // ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1021. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 1.
- ¹² Гласник Српског Ученог друштва. 1883. Књ. 52. С. 315—316 (Далее: Гласник СУД).
- ¹³ См. об этом: *Радевић М.* Први руси професори у Београду // Ист. гласник. 1965. № 1; *Он же.* Почечи наставе руског језика у Србији: неколико докумената 1852—1864 // Настава и васпитање. 1971. № 4; *Он же.* О првом курсу руског језика при Великој школи у Београду // Ист. гласник. 1964. № 2/3; *Он же.* Русский язык в белградских школах до 1878 г. // Сов. славяноведение. 1979. № 6.
- ¹⁴ А. Васильевич — В. И. Ламанскому 23 августа 1877 г. // ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 209. Л. 15—15 об.
- ¹⁵ А. Васильевич — В. И. Ламанскому 31 октября 1877 г. // Там же. Л. 11.
- ¹⁶ АВПР. Ф. Славянский стол. Д. 6712. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Д. 6715. Л. 22.
- ¹⁸ *Орлов Г.* Платон Кулаковски и почечи наставе руског језика на Великој школи: (Историјски осврт) // Живи језици: Часопис за стране језике и књижевности. Београд, 1969. Књ. 11, бр. 1-4. С. 57.
- ¹⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1 (дневник П. А. Кулаковского). Л. 1.
- ²⁰ *Орлов Г.* Платон Кулаковски. . . С. 57.
- ²¹ П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову 31 мая 1879 г. // ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 8 об.; Арх. Серб. Акад. наук и искусств (САНУ). Преглед историјске збирке. Бр. 9327/9. Дневник М. Миличевича. 1879 г. Л. 115, 116 об. 14. апреля М. Миличевич записал в дневнике, что он взялся за трудное дело — исправление перевода вступительной лекции Кулаковского, 30 апреля он его закончил.
- ²² П. А. Кулаковский — В. И. Ламанскому 1 декабря 1878 г. // ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 1 об.; П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову 31 мая 1879 г. // ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 8 об.
- ²³ ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 8 об.—9.
- ²⁴ П. А. Кулаковский — В. И. Ламанскому 1 декабря 1878 г. // ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 1 об.; ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 9.
- ²⁵ В докладе он пишет об этом так: «Я лично глубоко верю и вполне убежден, что вне одного русского языка науки для всех славян и в особенности для сербов — нет спасения» (АВПР. Ф. Канцелярия. 1879 г. Д. 13. Л. 9 об.).
- ²⁶ Вестн. Европы. 1878. № 8. С. 831.
- ²⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 18.
- ²⁸ Побратимство. 1881. № 3. С. 233, 245.
- ²⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 3.

- ³⁰ Имеется в виду Александр Петрович Хитрово, выпускник Дерптского (Тартуского) университета, который в 1876 г. поехал добровольцем на Балканы. Он сражался в Боснии, затем участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. После ее окончания преподавал в освобожденной Болгарии русский язык. В 1879 г. А. П. Хитрово переехал в Сербию, в Белград, где прожил более 15 лет. Он был корреспондентом газеты «Новое время», затем внештатным переводчиком российской миссии в Сербии, много сил отдавал распространению среди сербов русского языка. Позднее, в конце 80-х—начале 90-х годов А. П. Хитрово преподавал русский язык в учительской и унтер-офицерской школах, семинарии, военной Академии (с 1891 г.), вел факультативный курс в Великой школе; был учителем русского языка сербского короля Александра. (См.: *Павлюченко О. В.* Россия и Сербия, 1888—1903. Киев, 1987. С. 93—95).
- ³¹ ОР ГБЛ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 8 об.
- ³² ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 2, 4 об.
- ³³ ОР ГБЛ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 10 об.—11.
- ³⁴ ЛГИА. Ф. 400. Д. 366. Л. 4, 4 об.—5.
- ³⁵ Там же. Д. 82. Л. 177.
- ³⁶ АВПр. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 8—8 об.
- ³⁷ *Орлов Г.* Платон Кулаковски. . . С. 58.
- ³⁸ ЛГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 331. Л. 1, 2, 7—7 об.
- ³⁹ Этот доклад с небольшими изменениями был напечатан в «Журнале министерства народного просвещения» (1880, № 8) под заголовком «О преподавании русского языка в учебных заведениях Сербии» (за подписью К.).
- ⁴⁰ АВПр. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 6.
- ⁴¹ Там же. Л. 6 об.
- ⁴² В фонде Кулаковского в отделе рукописей ИРЛИ (Ф. 572) в д. 79 сохранилось приглашение, присланное ему Ст. Бошковичем 5 июня 1879 г. с просьбой принять участие в экзаменах по русскому языку в духовной семинарии, учительской и женской школах (Л. 1—1 об.).
- ⁴³ АВПр. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 7—8.
- ⁴⁴ ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 9. об.
- ⁴⁵ См.: Отчет II ординарного профессора имп. Варшавского университета В. В. Макушева о научных занятиях за границей с марта по сентябрь 1881 г. // Варшав. унив. известия. 1882. № 4. С. 2.
- ⁴⁶ П. А. Кулаковский — А. А. Майкову 18 октября 1880 г. // ОР ГПБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 5 об.
- ⁴⁷ ОР ГБЛ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 14 об.
- ⁴⁸ ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 11 об.—12.
- ⁴⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 60. Л. 1 об.
- ⁵⁰ ОР ГБЛ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 25 об.
- ⁵¹ П. А. Кулаковский — А. А. Майкову 1 августа 1880 г. // ОР ГПБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 1—2.
- ⁵² ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 202. Л. 11 об.
- ⁵³ Митрополит сербский Михаил — Н. А. Попову 25 ноября 1881 г. // ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 13. Д. 49. Л. 12.
- ⁵⁴ П. А. Кулаковский — В. И. Ламанскому 10 августа 1880 г. // ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 7 об.—8.
- ⁵⁵ АВПр. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 17—17 об., 18.
- ⁵⁶ Там же. Л. 18—18 об.

- 57 Там же. Л. 19.
- 58 Кулаковский П. А. Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882.
- 59 Гильфердинг А. Ф. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1868. Т. 2. С. 80—81.
- 60 Цит по: *Беляева Ю. Д.* Литературы народов Югославии в России. М., 1979. С. 143—144.
- 61 Пыпин А. Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 24.
- 62 Там же. С. 25.
- 63 Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. 2-е изд. СПб., 1879. Т. 1. С. 218—219.
- 64 Кулаковский П. А. Лукиан Мушицкий: Очерк из истории новой сербской литературы // Журн. мин-ва нар. просвещения. 1881. № 8. С. 243 (Далее: ЖМНП).
- 65 Кулаковский П. А. Вук Караджич. . . С. 76—77.
- 66 Там же. С. 180, 232.
- 67 Беляева Ю. Д. Литературы. . . С. 158.
- 68 ЖМНП. 1882. № 4. С. 202.
- 69 Цит. по: *Беляева Ю. Д.* Литературы. . . С. 159—160.
- 70 Пыпин А. Н. [Рецензия] // Вестн. Европы. 1882. № 2. С. 864. — Рец. на кн.: Кулаковский П. А. Вук Караджич.
- 71 Отацбина. 1882. Къ. 10, св. 37. С. 146, 150, 151.
- 72 Там же. Къ. 11, св. 41. С. 151.
- 73 Там же. 1883. Къ. 12, св. 47. С. 510; Св. 48. С. 672, 675.
- 74 Беляева Ю. Д. Литературы. . . С. 163.
- 75 ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 11.
- 76 Отацбина. 1880. Къ. 4, св. 15. С. 465—466; Къ. 5, св. 18. С. 311—317; 1881. Къ. 6, св. 21. С. 147—150; Св. 22. С. 309—312; Къ. 6, св. 24. С. 618—625; Къ. 7, св. 25. С. 131—133.
- 77 ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 11.
- 78 Памяти Платона Андреевича Кулаковского. Пг., 1915. С. 34.
- 79 См.: Свечаност одкрића споменика на Рујевици код Алексинца 8 новембра 1880 г. изгнуљим руским добровољцима у српско-турском рату 1876 год. Београд, 1881. С. XXVI—XXVIII.
- 80 П. А. Кулаковский — И. С. Аксакову 21—27 мая 1882 г. // ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 1 об.
- 81 АВПР. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 42 об.—43.
- 82 Там же. Л. 37—37 об., 44.
- 83 Арх. САНУ. Главни инвентар (бр. II). А бр. 3278.
- 84 ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 85. Л. 3—3 об.
- 85 П. А. Кулаковский — И. П. Корнилову 8 мая 1882 г. // ОР ГПБ. Ф. 377. Д. 833. Л. 1 об.
- 86 П. А. Кулаковский — В. В. Макушеву 6 ноября 1882 г. // ОР ГВЛ. Ф. 156. Д. 71. Л. 34.
- 87 Орлов Г. Платон Кулаковски. . . С. 59.
- 88 ОР ГПБ. Ф. 594. Q XVIII. № 20. Л. 3.
- 89 Писарев Д. И. Наша университетская наука // Собр. соч. М., 1955. Т. 2. С. 169.
- 90 См.: *Владыко Н. Н.* В. В. Макушев и его исследования по истории Дубровника // Проблемы истории античности и средних веков. М., 1981. С. 117.
- 91 *Макушев В. В.* О пронии в древней Сербии: (По неизданным памятникам венецианского архива) // ЖМНП. 1874. № 9.
- 92 *Майков А. А.* О земельной собственности в древней Сербии //

- Чтения о-ва истории и древностей российских. 1860. Т. 1;
Он же. О пронии в древней Сербии // Там же. 1868. Т. 1.
- ⁹³ *Макушев В. В.* О пронии. . . С. 3—20.
- ⁹⁴ См.: *Иречек К.* Историја срба. Београд, 1952. Књ. 2. С. 57;
Успенский Ф. И. Значение византийской и южнославянской пронии // Сборник статей по славяноведению. СПб., 1883. С. 1; *Новаковић Ст.* Пронијари и баштинци // Глас Срп. Краљевске акад. 1887. Т. 1; *Боброва С. П.* Вопросы социально-экономической истории средневековой Сербии в русской буржуазной историографии // Проблемы историографии. Воронеж, 1960.
- ⁹⁵ *Макушев В. В.* О значении слов «казнац», «властич» и «посадник» в старосербском языке // Рус. филол. вестн. 1883. № 1.
- ⁹⁶ Рус. филол. вестн. 1882. № 1.
- ⁹⁷ Наиболее полные сведения об этом периоде жизни и деятельности Макушева содержатся в его «Отчете. . .» (см. примеч. 45). Отчет позволяет судить об огромной работе, проделанной Макушевым во время командировки. Он содержит ценные наблюдения, характеристики сербских ученых и политических деятелей. В письме от 30 августа 1881 г. из Белграда И. С. Пальмов, находившийся там в это время в научной командировке, сообщал Макушеву о получении им 6 экз. его «Отчета». «Отчет Ваш о Сербии, — писал он, — здесь ждали с нетерпением: все страшно интересовались Вашими наблюдениями, критическими отзывами и пр. Посланный со мною экземпляр для арх. Дучича читался что называется нарасхват, так что я с извинением должен был передать адресату Ваш подарок довольно уже подержанным. . .» (ОР ГБЛ. Ф. 156. К. 5. Д. 89. Л. 5).
- ⁹⁸ Отчет. . . С. 1.
- ⁹⁹ Арх. САНУ. Фонд Српског ученог друштва. Главни инвентар А бр. 3029.
- ¹⁰⁰ Отчет. . . С. 2.
- ¹⁰¹ Там же. С. 1, 12.
- ¹⁰² Славянский ежегодник. Киев, 1876. С. 23.
- ¹⁰³ *Макушев В. В.* О некоторых рукописях Народной библиотеки в Белграде // Рус. филол. вестн. 1881. № 4; 1882. № 1; *Он же*. Хаджи Йордан: Пророка Даниила последнее зрение чудно и ужасно // Там же.
- ¹⁰⁴ *Сречковић П.* Примедбе на извештај г. Макушева // Гласник СУД. 1883. № 52.
- ¹⁰⁵ Отчет. . . С. 5.
- ¹⁰⁶ *Макушев В.* Историјски споменици јужних словена и околних народа: Из талијанских архива и библиотека исписао Вићентије Макушев, редовни професор у свеучилишту Варшавском, дописни члан петроградские академие за науке, Српскога ученог друштва и т. д. Књ. 2. Ђенова, Мантова, Милано, Палермо, Турин // Гласник СУД. II одељак. 1882. Књ. 14.
- ¹⁰⁷ См. об этом: Рус. филол. вестн. 1882. № 3. С. 157—159; а также рецензию Т. Д. Флоринского в «Университетских известиях» (Киев, 1883. № 4).
- ¹⁰⁸ Отчет. . . С. 6.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 7.
- ¹¹⁰ Там же. С. 9.
- ¹¹¹ Там же. С. 11, 12, 15—18.
- ¹¹² Там же. С. 19.

- 113 Там же. С. 23.
- 114 См.: Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине, 1875—1900. Нежин, 1900. С. 32.
- 115 Сербские жития и летописи как источник для истории южных славян в XIV и XV вв. // Славянский сборник. СПб., 1876. Т. 3.
- 116 Там же. С. 221.
- 117 ЖМНП. 1877. № 1.
- 118 Там же. 1878. № 7.
- 119 И. П. Корнилов — М. Ф. Раевскому 25 июня 1879 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 347 (М. Ф. Раевский). Д. 41. Л. 52—53.
- 120 В. В. Качановский — В. В. Макушеву 28 августа 1879 г. // ОР ГБЛ. Ф. 156. Папка 5. Д. 59. Л. 17.
- 121 Там же. Л. 19—19 об.
- 122 ЛО Арх. АН СССР. Ф. 281. Оп. 1. Д. 176. Л. 28. об.
- 123 Там же. Ф. 281. Оп. 2. Д. 490, 322.
- 124 Там же. Д. 322. Л. 1.
- 125 Там же. Оп. 1. Д. 176. Л. 30—34.
- 126 Рус. филол. вестн. 1884. № 4. С. 206.
- 127 Там же. С. 208.
- 128 В отзыве на труд Стасова «Славянский и восточный орнамент» И. В. Ягич писал: «Югославянский орнамент в издании г. Стасова можно назвать настоящим открытием: так мало знали до сих пор об этом орнаменте, и так много сделано для знакомства с ним издателем сборника» (*Ягич И. В. Труд В. В. Стасова «Славянский и восточный орнамент»* Б. м., Б. г. С. 166).
- 129 В предисловии к своему труду «Славянский и восточный орнамент» (СПб., 1887) Стасов писал: «Профессор Стоян Новакович в Белграде оказал мне. . . самую сочувственную помощь при изучении мною (1880) сербских и болгарских рукописей в двух белградских библиотеках — Народной и Сербского ученого дружба».
- 130 О своем посещении монастыря Великая Ремета Стасов кратко рассказал в письме к родным от 5 (17) мая 1880 г. См.: *Стасов В. В. Письма к родным*. М., 1958. Т. 2. С. 51—52.
- 131 См. его статью Сербский портрет Петра Великого // *Ист. вестн.* 1882. № 4. С. 208.
- 132 *Качановский В. В.* Петр Великий в Сербии // *Древ. и новая Россия*. 1879. Окт.
- 133 Там же. С. 18.
- 134 *Ист. вестн.* 1882. № 4. С. 212—213.
- 135 Там же. С. 214.
- 136 ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1634. Л. 2.
- 137 Там же. Ф. 105. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.
- 138 Там же. Л. 22.
- 139 Там же. Л. 22 об.
- 140 Там же. Л. 22 об.—23.
- 141 Там же. Л. 23, 24 об.—25 об.
- 142 Там же. Ф. 281. Оп. 2. Д. 469. Л. 138 об.
- 143 Там же. Ф. 105. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.
- 144 Там же. Л. 28.
- 145 И. С. Пальмов — В. В. Макушеву 10 августа 1882 г. // ОР ГБЛ. Ф. 156. К. 5. Д. 89. Л. 3 об.
- 146 *Славяноведение в дореволюционной России: Библиограф.* М., 1979. С. 260.
- 147 См. Исторический взгляд на начало автокефалии сербской

- церкви и учреждение патриаршества в древней Сербии. СПб., 1891; Новые данные об учреждении сербской архиепископии св. Савою // Христиан. чтение. 1892. № 5-6.
- 148 ОР ГПБ. Ф. 558. Д. 1. Л. 1.
- 149 Христиан. чтение. 1884. Ч. 2. С. 50.
- 150 Там же. С. 57.
- 151 Там же. С. 58.
- 152 Там же. С. 58—59.
- 153 Там же. С. 59—60.
- 154 Там же. С. 57; ЛО Арх. АН СССР. Ф. 105. Оп. 1. Д. 35. Л. 2—3.
- 155 Христиан. чтение. 1884. Ч. 2. С. 51—52.
- 156 И. С. Пальмов — В. В. Макушеву 30 августа 1882 г. // ОР ГБЛ. Ф. 156. К. 5. Д. 89. Л. 6 об.
- 157 Христиан. чтение. 1884. Ч. 2. С. 60—61.
- 158 Там же. С. 61—70.
- 159 *Пичета В. И.* К истории славяноведения в СССР // Историк-марксист. 1941. № 3. С. 52.
- 160 П. А. Лавров — Н. А. Попову 20 марта 1885 г. // ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 12. Л. 11—11 об.
- 161 Там же. Л. 11 об.
- 162 См.: *Беллева Ю. Д.* Литературы. . . С. 172.
- 163 П. А. Лавров — Н. А. Попову 9 июня 1885 г. // ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 12. Л. 7 об. — 8.
- 164 Там же. Л. 7.
- 165 П. А. Лавров — Н. А. Попову 24 октября 1885 г. // Там же. Л. 24.
- 166 Там же. Л. 20 об.—21 об.
- 167 См.: *Хитрова Н. И.* Культурные связи России и Черногории (XVIII—начало XX в.) // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 192.
- 168 *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. СПб., 1879. Т. 1. С. 238.
- 169 *Крстић Н.* Историја српског народа. Београд, 1863—1864; 2-е изд. Београд, 1866.
- 170 *Грачев В. П.* Сербская государственность в X—XIV вв. М., 1972. С. 52.
- 171 *Сречковић П.* Историја српског народа: Жунанијско време (600—1159). Београд, 1884.
- 172 Там же. С. 439.
- 173 *Грачев В. П.* Сербская государственность . . . С. 55.
- 174 Унив. известия. 1885. № 3. С. 147, 149.
- 175 Там же. С. 154, 155.
- 176 Цит. по: *Грачев В. П.* Сербская государственность. . . С. 54.
- 177 Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1884. № 11. С. 32. Далее: Известия . . .
- 178 ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 229. Л. 21.
- 179 Известия. . . , 1884. № 11. С. 32.
- 180 *Станојевић Ст.* Историјски рад Стојана Новаковића // Споменица Ст. Новаковића. Београд, 1921. С. 61.
- 181 *Новаковић Ст.* Васкрс државе српске. Београд, 1954. С. 11.
- 182 *Новаковић Ст.* Средневековна Србија и римско право // Арх. за правне и друштвене науке. 1906. Књ. 1/3; *Он же.* Неколико тежа питања из српске историје // Годишњица Николе Чупића. 1913. Књ. 32.
- 183 См.: *Грачев В. П.* Сербская государственность. . . С. 59.
- 184 Там же. С. 60—61.

- 185 *Новаковић Ст.* Земљиште радње Немањине. Београд, 1877; *Он же.* Ново Брдо и Врањско Поморавље у историји српској XIV и XV вв. Београд, 1879 и др.
- 186 ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 6 об.
- 187 *Новаковић Ст.* Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. Београд, 1878.
- 188 ЖМНП. 1879. № 2. С. 410.
- 189 Там же. 1880. № 8. С. 432.
- 190 Там же. С. 435.
- 191 Это исследование возникло из двух работ: «К вопросу об источниках сербской Александрии» (ЖМНП. 1884. № 6, № 9) и «Две заметки об источниках сербской Александрии» (ЖМНП. 1885. № 10). Обе эти работы в дальнейшем были расширены, дополнены и объединены в вышеназванном исследовании, которое вошло составной частью в труд «Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Греко-византийский период» (Сб. отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. наук. 1886. Т. 40, № 2).
- 192 *Миличевич М.* Семейная община по селам сербским // Рус. беседа. 1858. Кн. 3; *Он же.* Сербская община // Там же. 1859. Кн. 6.
- 193 Рус. вестн. 1880. Т. 148. С. 222—223.
- 194 *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 625.
- 195 Живот и дела великих люди свих народа. Београд, 1880. Књ. 1—3.
- 196 Филол. зап. 1880. Т. 19, вып. 6. С. 7—10, 12.
- 197 Известия. . . 1884. № 4. С. 35.
- 198 В 1981 г. в Югославии отмечалось 150-летие со дня рождения Й. Ристича. В Сербской Академии наук и искусств состоялся симпозиум (ноябрь 1981 г.), в работе которого приняли участие ведущие ученые: Р. Самарджич, В. Стоянчевич, Л. Алексич-Пейкович и другие. В их докладах была всесторонне проанализирована дипломатическая, государственная, политическая и общественная деятельность Й. Ристича. См.: Живот и рад Јована Ристића: Поводом 150-годишњице рођења // Срп. Акад. наука и умет. Науч. скупови. 1985. Књ. XXV: Председништво, књ. 5.
- 199 *Ристић Ј.* Србија и Порта после бомбардања Београда, 1862—1867. Београд, 1881.
- 200 Рус. вестн. 1882. № 8. С. 900.
- 201 Там же. С. 901—902.
- 202 *Шимко И., Голомбиовский А.* Памяти Нила Александровича Попова. М., 1892. С. 23.
- 203 ОР ИРЛИ. Ф. 118 (Ф. И. Иезбера). Д. 26.
- 204 *Богшич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». СПб., 1872. С. 4.
- 205 Цит. по: *Ахунд-Заде З. С.* Нил Александрович Попов (1833—1891): Страницы жизни // Из истории университетского славяноведения в СССР. М., 1983. С. 92.
- 206 Там же.
- 207 Арх. САНУ. Бр. 2851. Ф. СУД. Н. Попову у Београду 28 фебруара 1870.
- 208 Млада Србадија. 1870. № 1. С. 53.
- 209 *Попов Н.* Србија и Русија од Кочине Крајине до Св.-Андрејевске скупштине. Београд, 1870. Св. 1—4.

- 210 Арх. САНУ. Бр. 9327 (Дневник М. Ђ. Милићевића). Свеске 3. С. 26. Запись 18 августа 1870 г.
- 211 Попов Н. А. Сербия после Парижского мира. М., 1871. С. 62.
- 212 А. Васильевич — Н. А. Попову 14 января 1872 г. // ОР ГБЛ. Ф. 239. Папка 6. Д. 7.
- 213 Попов Н. А. Србија после Париског мира: Свето-Андрејска скупштина. Београд, 1872. Књ. 1.
- 214 Опубликовано в журнале: Рус. мысль. 1880. № 4, 9; 1881. № 7. В 1882 г. переведена в Белграде и вышла под названием: «Друга влада Милоша Обреновића (од 1859—1860 г.)» Београд, 1882. Књ. 1—2.
- 215 7 января 1872 г. митрополит Михаил сообщал Н. А. Попову: «Й. Ристич просил Вас подождать еще несколько времени и получите от него материалы с его замечаниями о делах князя Милоша» (ОР ГБЛ. Ф. 239. Папка 13. Д. 46).
- 216 Работа была опубликована в журнале «Вестник Европы» (1879. № 2—3). В том же году вышла в Белграде «Србија и Турска од 1861 до 1867 године» (Београд, 1879).
- 217 Шимко И., Голомбиовский А. Указ. соч. С. 38.
- 218 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 472.
- 219 Там же. Т. 26. С. 57.
- 220 С 1865 г. он был членом комитета; в 1868 г. стал его секретарем.
- 221 Славян. обозрение. 1892. Т. 1, № 4. С. 602.
- 222 Цит. по: Ахунд-Заде З. С. Указ. соч. С. 88.
- 223 Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 24. С. 561.
- 224 Ахунд-Заде З. С. Указ. соч. С. 89.
- 225 Гласник СУД. 1869. Књ. 13, св. 25. С. 372.
- 226 Ристич Ј. Србија и Порта после бомбардања...; Србија и српски покрет у Угарској 1840 до 49. Београд. 1884; Србија и Кримска војна, 1852—1856. Београд, 1885.
- 227 Известия... 1886. № 1. С. 7—8.
- 228 Там же. С. 9.
- 229 Там же. С. 10.
- 230 Ягич И. В. История славянской филологии. С. 625.
- 231 Дучић Н. Старине Хиландарске. Београд, 1884.
- 232 Известия... 1884. № 7. С. 33—34.
- 233 Дучић Н. Епископије Зетска и Дабарска од св. Саве српскога. Београд, 1884; Оцијене и прикази књига. Београд, 1885.
- 234 Унив. известия. 1885. № 3. С. 156.
- 235 Мијатовић Ч. Финансије српског краљевства // Гласник СУД. 1869. Књ. 13; Он же. Студије за историју српске трговине XIII и XIV в. // Там же. 1872. Књ. 23; Он же. Трговачка политика српских краљева и царева // Отаџбина. 1875. Књ. 3 и др.
- 236 См.: Шафорова Л. А. Сербские средневековые города в сербской историографии второй половины XIX—начала XX в. // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 220.
- 237 Мијатовић Ч. Деспот Ђура Бранковић, господар Сербима, Подунављу и Зетском Приморју. Београд, 1880—1882.
- 238 ЖМНП. 1882. № 12. С. 362.
- 239 Грађа за историју Краљевине Србије: Време прве владе кнеза Милоша Обреновића / Приред. В. Ј. Петровић и Н. Ј. Петровић. Београд, 1882. Књ. 1: Од 1815 до 1821 године.
- 240 ЖМНП. 1883. № 1. С. 184—185.

- 241 Устанак у Босни од 1875 до 1878 год: Грађа за новију српску историју рата за ослобођење. Нови Сад, 1884.
- 242 Рус. вестн. 1884. № 9. С. 415.
- 243 Например, рецензии В. В. Качановского на издание житий сербских королей, подготовленное И. Павловичем — «Домаћи извори за српску историју» (Београд, 1877) и на книгу М. Валтровича «Mittheilungen über neue Forschungen auf dem Gebiete serbischer Kirchenbaukunst von M. Waltrowits» (Wien, 1878) см.: ЖМНП. 1880. № 10; П. А. Кулаковского на книгу Ст. Бошковича «За просвету и слободу» (Београд, 1882) См.: Русь. 1882. 15 сент.; его же на I—II тт. «Годишници Николе Чупића» см.: Крит. обозрение. 1879. № 10; Т. Д. Флоринского на номера журнала «Старинар» (Археолог) за 1883—1884 гг. см.: Унив. известия. 1885. № 3.
- 244 См.: ОР ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 3. Д. 177, 158.
- 245 См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб., 1871. С. 409—410.
- 246 *Вулетић В. А. Н.* Пипин и руско-српске књижевне везе у другој половини 19 в. // Годишњак филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1969. Књ. XII / 1. С. 394.
- 247 См.: *Карасев В. Г.* Сербский демократ Живоин Жуевич. М., 1974. С. 199—204.
- 248 *Вулетић В. А. Н.* Пипин. . . С. 399.
- 249 Там же. С. 399—400.
- 250 Вестн. Европы. 1879. № 8. С. 728; 1877. № 12. С. 809—812.
- 251 Там же. 1878. № 8. С. 831.
- 252 ОР ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 3. Д. 158. Л. 1—1 об.
- 253 Например: Ст. Новакович — А. Н. Пыпину 1 мая 1879 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 250. Д. 177. Л. 15 об.
- 254 Ст. Новакович — А. Н. Пыпину 21 сентября 1878 г. // Там же. Л. 8—10.
- 255 *Вулетић В. А. Н.* Пипин . . . С. 401.
- 256 *Пыпин А. Н.* История славянских литератур . . . Т. 1. С. 45.
- 257 *Беллере Ю. Д.* Литературы. . . С. 81.
- 258 Српска зора: Илустровани лист за забаву и поуку. 1879. № 2. С. 35—36.
- 259 ОР ГПБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 336. Л. 4.
- 260 Цит. по: *Гудков В. П.* Столетие труда русского слависта // Славяне. 1957. № 6. С. 50.
- 261 Историја српскога народа: Написао А. Мајков (Из његове књиге «История сербского языка в связи с историею народа». М., 1857). Београд, 1858; Историја српскога народа / Написао А. Мајков; С рус. превео Ђ. Даничић. 2-о изд. Београд, 1876.
- 262 Известия имп. Акад. наук. 1903. Т. 18, № 1. С. 19.
- 263 *Гудков В. П.* Столетие . . . С. 50.
- 264 Цит. по: *Полуевктов М. А.* Аполлон Александрович Майков. СПб., 1903. С. 6.
- 265 ОР ГПБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 14.
- 266 Там же. Д. 21 — грамоты А. А. Майкова на сербские ордена.
- 267 Там же. Д. 257. Л. 2.
- 268 Славян. век. 1902. № 55. С. 204.
- 269 ОР ГПБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 207, Л. 1.
- 270 Рус. вестн. 1880. Т. 148. С. 222.
- 271 П. А. Кулаковский — А. Н. Пыпину 25 марта 1881 г. // ОР ГПБ. Ф. 621. Л. 8 об.
- 272 Рус. мысль. 1880. № 1. С. 17, 19, 27.

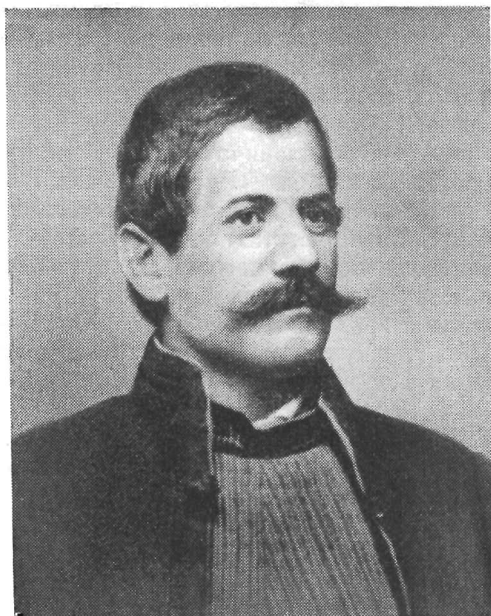
- 273 ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1021. Л. 1, 2, 2 об., 3, 5 и др.
- 274 Там же. Л. 4 об., 6.
- 275 А. Васильевич — В. И. Ламанскому 31 октября 1877 г., 20 апреля 1878 г., 27 мая 1879 г. и др. // ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 209. Д. 11, 17 об.—18, 28.
- 276 Там же. Л. 17—17 об.
- 277 Ст. Новакович — Н. А. Попову 18 июля 1879 г. и 29 октября 1879 г. // ОР ГБЛ. Ф. 239. К. 15. Д. 8. Л. 1, 3 об.
- 278 Там же. Ф. 156. К. 5. Д. 54, Л. 3 об., 10 об.
- 279 ОР ГПБ. Ф. 621. Д. 613; Л. 1; ОР ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 3. Д. 158. Л. 1, 3, 5, 7.
- 280 ОР ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 3. Д. 177. Л. 1, 4, 8, 15—15 об. и др.
- 281 См.: Письма М. Миличевича — Я. К. Гроту 6 января, 8 февраля 1878 г., 19 октября 1879 г. // ЛО Арх. АН СССР. Ф. 137. Оп. 3. Д. 626. Л. 5, 6, 14 об.
- 282 М. Миличевич — Я. К. Гроту 26 марта 1877 г. // Там же. Л. 2—2 об.
- 283 Е. Илич — И. С. Пальмову 20 сентября 1884 г., 17 марта 1883 г. 29 октября 1885 г. // Там же. Ф. 105. Оп. 2. Д. 104. Л. 18, 19—19 об., 23—23 об.
- 284 Чурчич Л. Из истории книгообмена библиотеки Матицы Сербской с русскими библиотеками // Библиотекосведение и библиография за рубежом. М., 1973. Вып. 44. С. 40.
- 285 См.: Зап. имп. Акад. наук. 1879. Т. 32. С. 12; ЛО Арх. АН СССР. Ф. 2. Оп. 1. 1865—1887 гг. Д. 8. Л. 12. — список ученых учреждений и обществ в славянских землях, получающих издания Академии.
- 286 Арх. САНУ. А бр. 3697. 1884 г.; Бр. 3827. 1886 г.
- 287 ЛО Арх. АН СССР. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1021. Л. 1 об.—2.
- 288 Там же. Ф. 105. Оп. 2. Д. 104. Л. 24 об.

Революционные связи

Особое место в русско-сербских общественных связях конца 70-х—первой половины 80-х годов XIX в. занимали контакты революционеров и социалистов двух стран.

Переходя к их рассмотрению следует прежде всего охарактеризовать состояние сербского социалистического движения, в котором в этот период произошли значительные изменения. В 1875 г. умер знаменитый сербский революционер-демократ и социалист-утопист Светозар Маркович. Дело безвременно ушедшего борца за свободу сербского народа — внутреннюю и внешнюю — продолжали его друзья и соратники. Но постепенно они отошли от учения Марковича, эволюционировав от революционного демократизма к буржуазному радикализму, и в 1881 г. создали в Сербии радикальную партию, во главе которой стояли Н. Папич, П. Тодорович, Р. Милошевич, Л. Пачу и др.

Духовным отцом радикальной партии был Адам Богосавлевич (1844—1880), известный политический деятель Сербии 70-х годов XIX в., вождь крестьянской демократии. Богосавлевич был, безусловно, незаурядной личностью. Окончив философский факультет белградской Великой школы, он вернулся в свое родное село Копривницу, где занялся сельским хозяйством. На поприще политической деятельности он постоянно выступал против сербской бюрократии, в защиту интересов крестьянства. Наибольшую активность А. Богосавлевич и члены его группы (Ранко Тайсич, Милия Милованович и др.) развили в качестве народных депутатов в скупщине 1875—1876 гг. Они вели борьбу за ликвидацию полицейских органов в срезях (уездах) и замену их народными учреждениями; выдвигали многочисленные требования демократизации общественной жизни, которые, в основном сводились к следующему: созыв Великой народной скупщины для изменения конституции, расширение свободы печати, ликвидация бюрократической системы, организация самоуправления во всех областях государственной жизни¹.

А. Богосавлевич

Члены группы народных депутатов, и прежде всего А. Богосавлевич и Р. Тайсич, внесли немало предложений в скупшине по улучшению экономического положения крестьян и ремесленников. Они призывали к снижению налогов с бедняков, проведению мероприятий по поднятию продуктивности сельского хозяйства и т. д.²

Деятельность А. Богосавлевича, Р. Тайсича и их сторонников представляла собой новое явление в политической жизни Сербии. Это были депутаты из народа и выступали они за интересы крестьян и ремесленников. Постепенно их группа приобрела большой вес в скупшине, привлекая на свою сторону все новых сторонников. Ее деятельность способствовала вовлечению крестьянских масс в политическую жизнь Сербии³.

В период сербо-турецкой войны 1876 г. А. Богосавлевич разделил между голодавшими крестьянами Восточной Сербии кукурузу, взятую им без разрешения властей из общинного склада. В 1880 г. это было ис-

пользовано правящими кругами для расправы с ним — по обвинению в самоуправстве и воровстве он был заключен в тюрьму, где и умер через три дня (в народе распространилось убеждение в том, что Богосавлевич был отравлен).

О группе А. Богосавлевича было известно и в России. Так, популярный журнал «Русская мысль» писал уже после смерти этого деятеля: «Адам Богосавлевич, любимейший народный депутат, многосторонне образованный, знавший несколько языков, глубокий мыслитель и скромный труженик, после государственных дел возвращавшийся к своим волам и плугу. Он сам работал, пахал, косил, а досужее от сельских работ время посвящал изучению общественного устройства в европейских государствах. Его смелая, простая, умная речь на скупщинах производила сильное впечатление. . .»⁴

Особенно активно крестьянские депутаты выступали против бюрократической системы, считая, что она должна быть заменена общинным, уездным и окружным самоуправлением.

Первые ясно выраженные требования государственного переустройства Сербии на началах самоуправления возникли после Парижской Коммуны. Их главным выразителем был С. Маркович, выступления которого против бюрократии тесным образом были связаны с борьбой за новую организацию государственного управления. Ликвидация бюрократии, в которой Маркович видел и экономическую категорию, обогащавшуюся в то время как народные массы бедствовали, и орудие буржуазии для их подавления и угнетения, означала, согласно его учению, уничтожение централистской системы управления и, следовательно, демократизацию Сербии. Выражая чаяния крестьянских масс, Маркович выступал за самоуправление срезом и общин, считая, что оно может быть введено в Сербии не путем классовой борьбы, революции, а «решением скупщины»⁵.

А. Богосавлевич и его сторонники вслед за С. Марковичем отстаивали лозунг самоуправления. Они считали, что с принятием их предложений, носивших буржуазно-демократический характер, в стране мирным путем совершится коренной внутренней переворот и будет создано действительно народное государство⁶.

В конце 70-х годов депутатом скупщины был избран Н. Пашич. Встреча Пашича с Богосавлевичем, говоря

С. Маркович

словами югославского историка Р. Петровича, посвятившего изучению деятельности последнего специальную монографию, «имела большое, если не решающее значение для радикалов Адама. . . Этот опытный инженер-строитель (Н. Пашич. — С. Д.) после своего избрания в скупщину начал создавать радикальную партию из того материала, который и в скупщине, и в народе подготовил А. Богосавлевич». Отныне эти два деятеля стали действовать совместно ⁷.

8 января 1881 г. в Белграде вышел первый, программный номер газеты «Самоуправа» (Самоуправление), являвшейся органом новой политической партии Сербии — радикальной. Согласно уставу она создавалась как единая, основанная на демократических принципах организация ⁸. Отличительной ее особенностью являлось то, что помимо Главного комитета, находившегося в Белграде, предусматривалось формирование широкой сети местных комитетов по всей стране, при помощи которых радикальная партия должна была всту-

пить в более тесную связь с народными массами и привлечь их на свою сторону⁹.

Завершение организации радикальной партии произошло на ее Первом Главном собрании, состоявшемся 26—28 июля 1882 г. в г. Крагуеваце. На нем были окончательно приняты программа и устав¹⁰, а также избран Главный комитет, в состав которого вошли Н. Пашич (председатель), П. Тодорович, Р. Милошевич, К. Таушанович, Г. Гершич, С. Николаевич, С. Милосавлевич и др.

Программа радикальной партии (1881 г.) включала следующие требования: изменение конституции в демократическом духе — введение всеобщего избирательного права, утверждение полной законодательной власти скупщины и др.; организация управления страной, разделенной на общины и срезы, на принципах самоуправления; выборность судей; введение прямого прогрессивного налога; проведение финансовой реформы; увеличение народного войска. В области внешней политики радикалы выступали за освобождение и объединение всех сербов, за поддержание дружественных отношений с балканскими государствами, в первую очередь с Черногорией и Болгарией¹¹.

Радикалы развернули активную деятельность по всей стране, и к 1883 г., по данным Р. Милошевича, «не было места, где радикальная партия не имела бы своих комитетов»¹². В этот период она насчитывала в своих рядах уже свыше 50 тыс. членов и столько же сочувствующих¹³.

Несмотря на то, что радикалы продолжали называть себя последователями С. Марковича, они отошли от его учения — отбросили экономическую часть его программы (признавали и защищали частную собственность) и основное внимание сосредоточили на некоторых пунктах политической ее части — требовали ликвидации бюрократической системы и устройства страны на принципах самоуправления. Во внешнеполитическом разделе своей программы радикалы также отошли от учения С. Марковича, во взглядах которого, как известно, социальное и национальное освобождение балканских народов были тесно связаны между собой. Революция для Марковича — единственное средство решения национального вопроса. Радикалы же, выступая за национальное освобождение и объединение сербов, были согласны на любую форму и условия его осуще-

ствления. Так, П. Тодорович писал, что за объединение сербского народа он согласен предоставить тому, кто его совершит, «самую жестокую диктатуру в стране»¹⁴.

В своем развитии радикальная партия, как уже отмечалось в I главе, прошла две фазы. В 1881—1883 гг. она играла прогрессивную роль. По своему характеру это была мелкобуржуазная партия, выражавшая интересы широких крестьянских масс и ремесленников. Их симпатии и поддержку основатели и вожди партии завоевали благодаря активной пропаганде буржуазно-демократических политических преобразований. Радикальная партия требовала осуществления буржуазных реформ, но требования эти надеялась осуществить после своего прихода к власти путем постепенных преобразований.

В 1883 г. после подавления Тимокского восстания радикальная партия была запрещена правительством. Она возобновила свою деятельность лишь через 6 лет — в 1889 г. В этот период она стала постепенно превращаться в партию, отражавшую интересы сельской буржуазии, крупных торговцев, предпринимателей и банкиров.

Сербские радикалы и русские революционеры

В первый период деятельности радикальной партии ее лидеры имели контакты с известными русскими революционерами. Зародились же эти связи значительно раньше.

Русские революционеры всегда сочувственно относились к освободительной борьбе южных славян вообще и сербского народа, в частности, и отводили ей важное место в общей борьбе революционеров за социалистические идеалы. Вождь сербского социалистического движения С. Маркович и его соратники были тесно связаны с русским революционным движением. Известно, что в начале 70-х годов революционеры двух стран вместе готовили восстание в Сербии и в Боснии и Герцеговине¹⁵. Ряд участников русского революционного движения — М. Д. Субботина, О. Любатович, Д. Лизогуб — побывали в Сербии для установления связей с сербскими социалистами¹⁶.

Во второй половине 70-х годов русско-сербские революционные связи продолжали укрепляться. Совет-

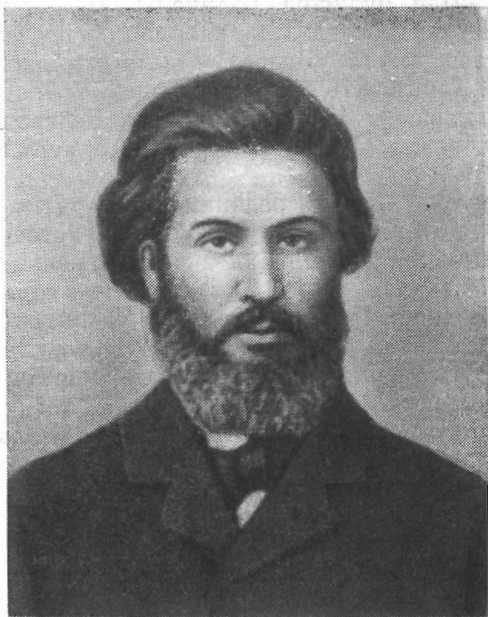
ский историк В. Я. Гросул считает, что в этот период они были «наиболее широкими и многогранными по сравнению со связями с другими балканскими революционерами»¹⁷. Значительная роль в их поддержании и укреплении принадлежала редакции журнала «Вперед!» и газеты «Вперед!». Руководителем этих изданий был известный русский революционер П. Л. Лавров, а секретарем редакции В. Н. Смирнов.

Связи между сербскими социалистами и издателями «Вперед!» установились в начале 70-х годов — т. е. еще до того, как начал издаваться журнал. В этот период в Сербии побывал сотрудник «Вперед» С. Л. Чудновский, которого П. Л. Лавров попросил подыскать «сербских» корреспондентов для будущего издания. Эту просьбу Чудновский выполнил, найдя не одного, а сразу трех корреспондентов — П. Велимировича, С. Марковича и еще одного, фамилию которого он не помнил, но позднее писал, что тот был деятелем Омладины¹⁸. В своих воспоминаниях С. Л. Чудновский описал встречу с Марковичем, который «Россию. . . считал своей второй родиной. . . очень любил и высоко ценил ее молодое поколение. . .»¹⁹.

В начале 70-х годов между руководителем сербских социалистов и лавристами произошло сближение. Идеи Лаврова больше отвечали воззрениям Марковича, чем анархизм М. А. Бакунина²⁰.

В лекциях на тему «Роль славян в истории мысли», которые были написаны Лавровым на основе его исследования «Философия истории славян» («Отечественные записки», 1870. Т. 6—7) и прочитаны в Цюрихе 24 и 30 декабря 1872 г., он отмечал сходство политических, экономических и культурных условий развития России и южных славян. Это позволяет русским социалистам, указывал Лавров, идти на более «тесное сближение с южнославянскими нашими товарищами, чем с большинством товарищей иных племен и наций. . . Мне кажется, — добавлял он, — что деятельность Светозара Марковича уже закрепила в этом отношении связь между русскими и сербскими социалистами, и именно потому я считаю себя вправе, обращаясь к южнославянским социалистам, говорить о нашем братстве»²¹.

Лавров высоко ценил деятельность сербских социалистов, которые «выступили на почву истории с такою энергиею и сразу завоевали себе такое блестящее по-

П. Л. Лавров

ложение, которое удавалось немногим социалистическим группам в Европе»²².

Сразу же после выхода в свет первого номера «Вперед!» он стал известен в Сербии. Сотрудники журнала посылали его в редакции газет «Глас приногорца» (Голос черногорца), «Јавност» (Общественность) и др. в обмен на сербские книги и журналы²³.

В начале 70-х годов имя Лаврова становится широко известным и популярным в Сербии. Этому в значительной степени способствовало издание в 1873 г. в Нови-Саде его «Исторических писем» в переводе сербского социалиста В. Лютича; к этому изданию сам Лавров написал предисловие²⁴.

Значительно расширяются связи и укрепляется сотрудничество издателей «Вперед!» с сербскими социалистами после начала издания, наряду с журналом, газеты «Вперед!» (1875—1876 гг.). На ее страницах в разделе «Хроника социалистического движения» публиковались корреспонденции из Сербии²⁵, авторами

которых были будущие радикалы П. Тодорович и Р. Милошевич. Благодаря связям сербских и русских социалистов газета «Вперед!» была широко известна в Сербии. Так, в 1876 г., по сообщению В. Н. Смирнова, она посылалась в 46 экземплярах в Белград, Княжевац, Пожаревац, Смедерево, Ужицу, Земун, Нови-Сад, Цетинье ²⁶.

11 ноября 1875 г. редакция «Вперед!» получила письмо от сербского кружка социалистов-студентов Земледельческо-лесной школы в Пожареваце, в котором они сообщали, что хотели бы иметь в своей библиотеке их издания ²⁷. Просьба была удовлетворена.

В то же время редакция «Вперед!» регулярно получала сербскую периодическую печать и др. социалистические издания, например, первый том сочинений С. Марковича. Для знакомства с сербской литературой редакция «Вперед!» приобрела сербско-русский словарь ²⁸.

В конце 1876—начале 1877 гг. в связи с сербо-турецкой войной контакты революционеров двух стран были прерваны, но ненадолго. Уже в середине апреля 1877 г. В. Н. Смирнов послал сербским социалистам письмо, в котором выразил удовлетворение по поводу восстановления связей, «необходимость которых чувствуется, — по его мнению, — теперь более, чем когда-либо» ²⁹. В этот период возобновился обмен революционными изданиями и посылка корреспонденций из Сербии ³⁰.

Издания «Вперед!» сыграли большую роль в распространении в Сербии идей Лаврова, ставших очень популярными среди сербской демократической и социалистической молодежи. В связи с этим, а также благодаря деятельности сторонников С. Марковича, анархистские теории Бакунина почти не имели здесь последователей. «Революционеры ошибаются, — подчеркивал П. Тодорович, — когда думают, что заговоры и усилия одиночек могут создать революцию, следовательно, когда хотят вызвать ее раньше времени искусственным путем» ³¹. Воздействие идей Лаврова было так сильно в Сербии, что и в дальнейшем, вплоть до конца 70-х годов, развитие сербского социалистического движения происходило под сильным влиянием русского народнического социализма ³².

Поездки русских революционеров в Сербию в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. способствовали рас-

ширению прежних и установлению новых контактов с сербскими социалистами, сторонниками зарождавшегося радикального движения.

В этот период, как и прежде, русские революционеры служили для своих сербских друзей и единомышленников примером самоотверженной борьбы за освобождение народа. Они пристально следили за развитием событий в России. «Мы, сербы, должны стремиться к тому, чтобы узнать и понять русские общественные условия так, как их понимает самая передовая часть русского общества»³³, — отмечалось в вышедшем в Нови-Саде социалистическом журнале «Стража».

Одним из наиболее популярных русских журналов в Сербии в этот период были «Отечественные записки», о котором «Стража» писала: «Если можно говорить о каком-то русском журнале, что он наследовал традиции „Современника“, то прежде всего это можно сказать об „Отечественных записках“»³⁴.

Сербские социалисты были хорошо осведомлены о русском революционном движении конца 70-х — начала 80-х годов. Борьбу русских народовольцев против царизма они связывали со всей предыдущей деятельностью русских демократов: «С тех пор, как в русской литературе появился протест против царизма, он становился все сильнее и сильнее, все основательнее и основательнее, пока не дошел до фазы сегодняшних событий в России, которые начались делом Веры Засулич»³⁵, — писала «Стража». С большой симпатией и уважением относились социалисты Сербии к русским революционерам, подчеркивая то «удивительное самопожертвование», с которым они боролись за возрождение России³⁶.

Роман И. С. Тургенева «Новь», в котором были затронуты вопросы революционной борьбы в России, был почти сразу же переведен на сербский язык. Эту нелегкую задачу выполнил Пера Тодорович (1852—1907), написавший также обширное предисловие и послесловие к роману. Тодорович был незаурядной личностью. Исключенный из белградской гимназии за участие в демонстрации учащихся, он уехал за границу и учился сначала в торговой школе в Пеште, а затем изучал педагогику в Цюрихе. Здесь он познакомился с русскими революционерами, в том числе с М. А. Бакуниным. На родину Тодорович возвратился в 1871 г. и стал одним из соратников С. Марковича. Талантливый журна-

лист, он сотрудничал в социалистических газетах «Явность» и «Глас явности»; в 1874 г. был редактором первого социалистического журнала в Сербии «Рад». За участие в манифестации с красным знаменем в г. Крагуеваце в 1876 г. Тодорович был заключен в тюрьму, но во время войны с Турцией был выпущен на свободу и стал добровольцем. Он служил в штабе главнокомандующего сербской армией М. Г. Черняева; за участие в военных действиях был награжден медалью «За храбрость». После войны, чтобы вновь не оказаться в тюрьме, П. Тодорович бежал в Воеводину, где в 1878—1879 гг. вместе с Л. Пачу издавал журнал «Стража». В Сербии он вернулся в 1880 г. и стал одним из лидеров радикальной партии. В начале 80-х годов особенно ярко проявился талант Тодоровича как журналиста. Почти в каждом номере газеты «Самоуправа» печатались его статьи. Особенно были известны его политические фельетоны, в которых в аллегорической форме подвергалась критике политика короля Милана. После Тимоцкого восстания 1883 г. Тодорович был заключен в тюрьму. В 1886 г. лидеры радикалов, в том числе и П. Тодорович, были помилованы. Тодорович отказался от своих прежних убеждений, фактически встал на службу монархии и был исключен из радикальной партии. В последующие годы он издавал официальную газету «Мале новине». Такова была эволюция этого деятеля.

Возвращаясь к роману «Новь», следует отметить, что в предисловии к нему Тодорович затронул прежде всего проблему развития социалистического движения в Европе во второй половине 70-х годов XIX в. «Социализм сегодня, — писал он, — не только идеальная теория, которая показывает далекому будущему поколению, как нужно устроить свои общественные отношения, чтобы его жизнь была счастливой и светлой; он учит, как нужно действовать в настоящем. . .». Тодорович охарактеризовал социалистическое движение в отдельных странах — Германии, Италии, России, подчеркнув, что там, где отсутствуют политические свободы, где социалисты лишены возможности открыто заниматься своей деятельностью, они закономерно встают на путь заговоров, создания тайных обществ. Классическим примером в этом отношении является царская Россия³⁷.

Появление нового романа Тургенева в разгар народного движения ожидалось с большим нетерпением

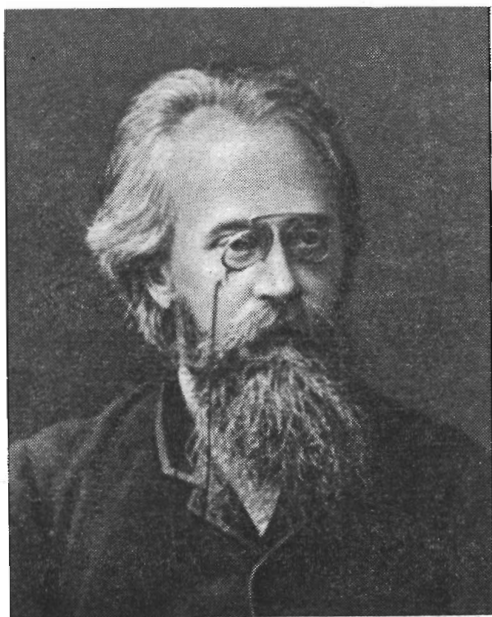
русской читающей публикой и в первую очередь молодежью — было известно, что он будет посвящен революционерам и их деятельности. Все ждали, какова же будет позиция великого писателя по одному из главных вопросов русской жизни. Однако после выхода романа в свет он сразу же подвергся резкой критике со стороны той самой «нови», русской революционной молодежи, которую попытался представить его автор.

Изображение Тургеневым революционных народников, с одной стороны, как «молодых людей, большей частью хороших и честных», а с другой стороны, утверждение, что «самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести к их полному фиаско», вызвало осуждение романа «Новь» народнической критикой. По мнению П. Л. Лаврова, «если бы революционная партия состояла в это время только из тех личностей, которых нарисовал Тургенев, то история России последних 10 лет была бы невозможна»³⁸.

Отрицательно оценили роман Тургенева и М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. К. Михайловский, П. Н. Ткачев и другие представители демократической критики, упрекавшие автора в искаженном изображении народнического движения. Одна из наиболее серьезных претензий, которая предъявлялась Тургеневу, состояла в том, что он в центральном герое романа — Нежданове, раздвоенном и сомневающемся в успехе революционной пропаганды, якобы повторил полностью исчерпавший себя тип лишнего человека 40-х годов³⁹.

Несогласны были с тем, как представил писатель «новых людей» России и сербские социалисты. Журналист-радикал Й. Жуевич вспоминал позднее, что когда он передавал Тургеневу сербский перевод «Нови», то заметил в разговоре с ним, что «новые люди», к которым он и его друзья причисляют себя, на самом деле не такие, какими предстают на страницах романа⁴⁰.

С критикой романа «Новь» выступил в послесловии к его сербскому изданию и П. Тодорович, который использовал с этой целью все доступные ему сведения, почерпнутые из русской и зарубежной печати, официальных сообщений царского правительства и отчетов о процессах русских революционеров. При этом Тодорович замечал, что Тургенев не мог дать правдивого изображения русского социалистического движения, поскольку за годы жизни за границей он оторвался от

Н. К. Михайловский

родной почвы и не знает особенностей революционной борьбы в России. По мнению сербского деятеля, Тургенев в романе правдиво изобразил лишь представителей русских консерваторов (Каломейцев) и либералов (муж и жена Сипягины), ибо всю свою жизнь он провел среди подобных им людей. Что же касается «нови», представленной в романе Неждановым, Марьяной, Маркеловым, Остродумовым и др., то эти образы действительно взяты Тургеневым из жизни, но это не типичные, а худшие представители русской революционной молодежи. «Русские социалисты, — писал Тодорович, — в целом имеют гораздо более достойных и лучших представителей, людей ученых, развитых, энергичных, настойчивых, которые знают, чего они хотят»⁴¹. Один из главных недостатков романа Тургенева он видит в том, что среди его героев нет ни одного замечательного, глубокого ума. «Кто хочет представить миру русскую *novel* в ее настоящем свете, — указывает Тодорович, — тот не смеет обойти молчанием великие имена представителей ин-

теллектуальной мощи русской социалистической молодежи». К ним он причисляет Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Д. И. Писарева, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, Н. А. Некрасова и др.⁴²

По утверждению Тодоровича, русские революционеры знают не только цели, к которым они стремятся, но и как их достигнуть. Для доказательства он приводит опубликованные в 1875 г. министром юстиции Паленом сведения о распространении социалистической пропаганды в России, согласно которым ею было охвачено 37 губерний⁴³. «Люди, которые в царской России, — пишет Тодорович, — где до крайности развиты полицейский надзор и шпионаж, сумели создать такую широкую организацию, чтобы проникнуть на фабрики, в мастерские, в учебные заведения — такие люди действительно знают, что нужно делать и как нужно работать»⁴⁴. Террористические акции русских революционеров автор считает неизбежным следствием безудержных репрессий и гнета. «И как сербские гайдуки были мстителями за угнетенный сербский народ, так и русские социалисты — мстители за угнетенный русский народ»⁴⁵, — пишет он.

Вторым недостатком романа «Новь», по мнению Тодоровича, является утверждение его автора, что русские крестьяне, среди которых ведут пропаганду русские революционеры, не понимают их проповедей. Конечно, отмечает он, есть и такие крестьяне, которые враждебно относятся к ним, но большинство из них охотно читает социалистические брошюры, скрывает пропагандистов от преследований полиции, а некоторые крестьяне сами принимают участие в революционном движении. Так, по процессу «50-ти» к дознанию было привлечено 10 крестьян, а по процессу «193-х» — 37⁴⁶. Конечно, эти рассуждения Тодоровича о революционности русского крестьянства, о восприимчивости его к социалистическим идеям являются преувеличением. В отсутствие этих качеств русские социалисты убедились во время неудачного «хождения в народ».

Следует отметить, что несмотря на отдельные недостатки, послесловие к роману «Новь» П. Тодоровича имело большое значение. Его появление свидетельствовало об огромном авторитете в Сербии русского революционного движения, одного из самых ярких и сильных движений того времени.

В конце 70-х — начале 80-х годов будущие радикалы продолжали поддерживать контакты с П. Л. Лавровым и его единомышленниками. Ведя подготовку к изданию журнала «Стража», П. Тодорович обратился с приглашением сотрудничать в нем к П. Л. Лаврову, М. П. Драгоманову и М. А. Антоновичу⁴⁷. На это приглашение откликнулся Лавров. Уже в первом номере «Стражи» была опубликована его статья «Общие и местные задачи социализма», в которой русский революционер, так же как в лекциях «Роль славян в истории мысли», остановился на вопросе связей русских и сербских социалистов. «Русским социалистам, — указывал он, — легче вступить в тесные контакты с югославянскими товарищами, чем с большинством товарищей других племен и народов». Общественный строй и традиции создали на Дунае и Мораве препятствия для социалистической пропаганды и агитации, похожие на те, какие наблюдаются в России. Некоторые имеющиеся различия не оказывают, по мнению Лаврова, серьезного влияния на развитие прочных связей между русскими и сербскими революционерами. Лавров отмечал также, что деятельность С. Марковича способствовала их укреплению, поэтому можно говорить с югославянскими социалистами о братстве «не в туманном или неискреннем. . . а в реальном смысле в соответствии с идеями рабочего социализма». Далее русский революционер подчеркивал, что, конечно, в практической деятельности необходимо учитывать конкретные условия, но в то же время настоятельно рекомендовал сербским социалистам всегда помнить об «общих научных основах социализма, которые не зависят от местных условий и которые выработаны всем ходом истории человечества во второй половине XIX века»⁴⁸.

Сотрудничал в «Страже» и украинский народник С. Подолинский. В февральском номере за 1879 г. была помещена его статья «Социализм и теория Дарвина», написанная специально для этого журнала. В своей работе Подолинский защищал социалистическое учение от нападок буржуазных ученых и подчеркивал, что «между дарвинизмом и социализмом нет никакого противоречия»⁴⁹.

С. Подолинский был лично знаком с П. Тодоровичем. В июле 1880 г. он написал П. Л. Лаврову: «Будьте так добры, если можно, пришлите мне адрес Тодоровича. Недели через две думаю ехать в Румынию и Галичину.

Дорогой буду и в Сербии и очень желал бы иметь от Тод[оровича] несколько адресов его товарищей. Я обращусь также и к Жуевичу, если он в Париже, но его указаний мне недостаточно: он давно не был на родине и, очевидно, разошелся с крайними»⁵⁰.

Значительным событием в истории русско-сербских революционных связей начала 80-х годов стала поездка в Болгарию через Сербию русского революционера В. Луцкого. Последнему удалось встретиться со многими видными членами радикальной партии в Белграде, Нише, Смедереве — П. Тодоровичем, Р. Милошевичем, С. Арсеновичем и др. В. Луцкий был очень доволен приемом, оказанным ему сербами. Позднее он писал членам редакции «Вестника Народной воли» — нового издания Лаврова и его соратников: «Если есть еще народ, более расположенный к русским нигилистам, чем мы сами к себе, то это, конечно, сербы». Во время пребывания в Сербии Луцкий предложил П. Тодоровичу посылать материалы для издания народовольцев⁵¹. Однако это сотрудничество не состоялось, так как после подавления Тимокского восстания Тодорович отошел от радикального движения, встав на службу династии Обреновичей. Тем не менее один «сербский» материал все же появился на страницах «Вестника Народной воли». Это был «Исторический очерк политического движения в Сербии в 1881—1883 гг.», написанный сербским радикалом, выступившим под псевдонимом В-ч, о чем упоминалось во II главе.

Для того, чтобы русским читателям были понятны проблемы, затронутые в этой статье, П. Л. Лавров написал небольшое предисловие «Сербия до 1880 г.», опираясь в основном на статьи П. Тодоровича о развитии сербского социалистического движения в 60—70-е годы. В предисловии рассказывалось о возникновении в этот период Омладины, об оппозиции в сербской народной скупшине, деятельности С. Марковича. При этом проводилась точка зрения радикалов, утверждавших, что именно Маркович был родоначальником радикального движения в Сербии. В самом «Очерке» рассказывалось об образовании радикальной партии, борьбе ее лидеров за новую, прогрессивную конституцию, достижение политической власти; о Тимокском восстании. При этом автор, радикал В-ч, отмечал, что в специфических условиях развития Сербии 70—80-х годов политическая

борьба выдвигается в деятельности партии на первый план.

Содержание «Замечания» редакции «Вестника Народной воли», автором которого был П. Л. Лавров, свидетельствует о том, что несмотря на дружеские отношения и идейную близость Лаврова и его единомышленников с видными деятелями радикальной партии, русский революционер видел и серьезные недостатки в их деятельности, основным из которых являлся, по его мнению, постепенный отход сербских радикалов от социалистических принципов⁵².

Таким образом, в конце 70-х—начале 80-х годов связи сербских социалистов с П. Л. Лавровым и его соратниками были довольно прочными. Это можно объяснить прежде всего идейной близостью Лаврова и будущих сербских радикалов. Как известно, Лавров — один из теоретиков и вождей русского народничества — не считал народ готовым к восстанию. По его мнению, необходимо было вначале подготовить его для восприятия идей социализма путем систематической пропаганды, выделить из его среды руководителей, чтобы уж затем поднимать народные массы на борьбу против самодержавия. А для того, чтобы выполнить эту задачу, революционная молодежь должна развивать себя в физическом, нравственном и умственном отношениях. При этом большое внимание уделялось теоретической подготовке. Таких же взглядов придерживалось и большинство сербских социалистов. Так, П. Тодорович в одном из своих писем отмечал огромное значение науки и советовал социалистам использовать все возможности, которые она предоставляет для революционера. Он писал: «С помощью науки следует оценивать прошлое, с помощью науки следует рассматривать современность, с помощью науки следует выбирать пути и средства, которые быстрее всего ведут к будущему. Ни прошлое народа, ни его сегодняшние задачи и потребности не могут быть правильно оценены, если при этой оценке мы не будем пользоваться наукой. . .»⁵³.

Группа Д. Ценича и революционная Россия

Выше уже отмечалось, что после смерти С. Марковича в Сербии произошел раскол социалистического движения. Большинство его сторонников изменили его

принципам, хотя продолжали называть себя социалистами, перешедшими с позиций теоретического на платформу «практического» социализма. В 1881 г. они создали радикальную партию. Однако социалистическое движение не прекратило своего существования. Наряду с радикалами в Сербии действовала небольшая группа социалистов во главе с Дмитрием Ценичем, продолжавших следовать путем С. Марковича.

Дмитрий (Мита) Ценич (1851—1888) — активный деятель сербского социалистического и рабочего движения 70—80-х годов XIX в. В 1870—1871 гг. он учился в России — на медицинском факультете Московского университета, куда был принят по ходатайству Н. А. Попова⁵⁴. Участвовал в подготовке восстания в Сербии и Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов⁵⁵. В 1871 г. он сотрудничал в газете «Раденик», которую издавал С. Маркович. В 1873 г. Ценич отправился на учебу в Париж, но вскоре был изгнан французским правительством по обвинению в попытке покушения на князя Милана в период пребывания последнего в Париже⁵⁶. В июле 1874 г. Ценич вернулся в Белград, где вскоре был арестован и приговорен к 8 годам каторги по обвинению в подготовке заговора против «существующего порядка»⁵⁷. Лишь в июне 1880 г. он был помилован. После выхода из тюрьмы Ценич издавал ряд социалистических газет и журналов: «Радник» (1881), «Борба» (1882—1883), «Истина» (1883), «Час» (1885), а в 1886—1888 гг. был сотрудником газеты «Нови београдски дневник» (Новая белградская ежедневная газета).

Своей главной задачей Ценич считал продолжение дела С. Марковича — распространение социализма в Сербии. «Социализм есть часть меня и без него я перестану существовать», — писал он 4 декабря 1880 г. сербскому студенту Е. Кочовичу и его друзьям, учившимся в Москве⁵⁸.

Кроме Ценича остались верными революционному наследию С. Марковича Джура Льочич, Божа Вучкович, Сава Кукич, Коста Арсеньевич, Йован Милинкович, Веселин Радич и др. Они вели бескомпромиссную борьбу в защиту социализма и, направляя главное ее острие против радикалов, показывали их буржуазную сущность. Ценич считал необходимым создать единую социалистическую партию и уделял много внимания начальным формам объединения трудящихся города, вел борьбу против монархии и бюрократии.

Следует отметить, что выступления Ценича в защиту социализма носили во многом утопический характер. Это обуславливалось уровнем развития рабочего движения в Сербии, социально-политических условий в целом. Высшими авторитетами для него были Луи Блан и Прудон, меньший интерес проявлял он к трудам Маркса и Энгельса.

В начале 80-х годов Ценич и его сторонники выдвинули широкую программу общественных реформ. Наряду с положениями о необходимости замены в будущем существующей несправедливой системы строем, основанным на принципах «свободы и равенства», практическая программа сербских социалистов, рассчитанная на ближайшее время, включала широкое народное самоуправление, предоставление высшей законодательной власти народной скупщине, избираемой на основе всеобщего избирательного права, экономические реформы в интересах крестьян и ремесленников, неограниченное право участия народа в государственных делах, контроль за деятельностью скупщины, за использованием государственного бюджета и т. д.⁵⁹ Это была программа демократизации всей общественной жизни Сербии.

Хотя с точки зрения практических результатов деятельность Д. Ценича в 80-е годы по выпуску газет, созданию рабочих организаций не имела большого успеха, но с точки зрения развития сербского демократического и рабочего движения ее значение трудно переоценить. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что Ценич подхватил знамя социализма, отброшенное радикалами. Его пропаганда социализма как единственно справедливого, подлинного народного строя имела большое значение в деле политического воспитания рабочего класса, создавала основу для будущего соединения социализма с рабочим движением, а в условиях отсутствия революционной ситуации и собирания сил для будущих выступлений, являлась своего рода точкой отсчета в борьбе масс за демократизацию общества.

Для формирования сербского рабочего класса исключительное значение имело появление и развитие социалистического движения и социалистической мысли. Деятельность идеологов социализма и их сторонников, распространение социалистических идей способствовали значительно более быстрому созреванию классовой сознательности пролетариата Сербии,

Важным практическим шагом группы Д. Ценича в начале 80-х годов явилось издание газеты «Радник», которая стала ее боевым органом. «Радник» выходил с марта (программный номер вышел 2 марта) до конца 1881 г. — всего 180 номеров. Ценич, ставший ответственным редактором издания, считал, что оно должно быть преемником «Раденика» С. Марковича. Именно поэтому в заглавии «Радника» стояло — «год третий»; хотя 1881 г. — первый и единственный год его издания.

Издание «Радника» было делом чрезвычайной сложности. Не хватало сил, материальных средств. Основная работа в редакции легла на плечи Ценича, который продолжал подготовку материалов даже больным. 18 апреля 1881 г. сотрудник «Радника» М. Дамянович писал в Москву Е. Кочовичу, что больно Ценич не прекращает работать и статьи пишет лежа в кровати ⁶⁰.

Редакцию «Радника» интересовал широкий круг вопросов: экономическое, политическое и культурное развитие Сербии начала 80-х годов и ее отношения с другими государствами; сербские политические партии, их программы и практическая деятельность; рабочий вопрос; развитие социалистического движения в Сербии и других странах.

Значение «Радника» определялось тем, что несмотря на некоторые теоретические заблуждения, неясность и неверную трактовку отдельных вопросов, это была единственная в то время газета для рабочих, ремесленников, студентов, последовательный и непримиримый борец за их интересы. Не случайно она пользовалась большой популярностью, особенно в революционных и демократических кругах. Это был вынужден признать и глава радикальной партии Н. Пашич, который писал, что «... очень много молодежи симпатизирует газете „Радник“» ⁶¹.

Д. Ценич и его сторонники — члены редакции «Радника» — также как радикалы были связаны с русским революционным движением, но не непосредственно, а через сербских студентов, учившихся в эти годы в Москве и Петербурге.

Редакция «Радника» придавала большое значение ознакомлению своих читателей с важнейшими событиями и положением в других странах. Этой цели служил систематический обзор иностранной прессы и сообщения корреспондентов из Австро-Венгрии, России и Франции.

Для того, чтобы иметь в «Раднице» информацию о событиях русской жизни, Д. Ценич наладил контакты с сербскими студентами в Москве и Петербурге.

Следует отметить, что и после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. сохранилась практика массового обучения молодежи из славянских стран в России, куда выезжали преимущественно выходцы из малосостоятельных и бедных семей. Крупные буржуа предпочитали посылать своих детей на учебу в страны Центральной или Западной Европы. В Россию же устремлялись часто те, кто нуждался в материальной помощи, а такую помощь давали славянские благотворительные общества и правительственные учреждения. Официальные власти стремились тем самым усилить влияние царизма на Балканах, ослабевшее с конца 70-х—начала 80-х годов. Только с помощью Петербургского славянского благотворительного общества с 1868 г. по 1888 г. получили образование в России 105 юношей и 16 девушек из славянских земель, в том числе 58 сербов и 6 сербок⁸². Но не только ввиду наличия благоприятных условий для поступления в учебные заведения и благожелательного отношения общественных кругов, а и вследствие притягательной силы передовой русской общественной мысли стремились молодые сербы получить образование в России.

Обучаясь в русских учебных заведениях в конце 70-х—начале 80-х годов XIX в., сербские юноши были свидетелями многих важных событий в жизни страны. Условия общественно-политического развития, антиправительственные настроения молодежи и прогрессивной интеллигенции, становившаяся все более активной борьба русских революционеров против царизма, безусловно, влияли на формирование мировоззрения сербских воспитанников. Кроме того, их социальное происхождение делало их очень восприимчивыми к революционным идеям.

В Москве сербские студенты учились главным образом в Московском университете и Петровской земледельческой и лесной Академии⁸³. В конце 70-х—начале 80-х годов эти учебные заведения отличались широким распространением революционных настроений среди студенчества: здесь создавались многочисленные кружки, происходили сходки и демонстрации, именуемые в официальных отчетах «студенческими беспорядками», штудировались нелегальные революционные из-

дания⁶⁴. 27 мая 1884 г. министр внутренних дел П. А. Валуев с неприязнью отмечал в своем дневнике, что «. . . студенты получают из университетов дипломы, но образование получают из журналов и газет, из частных кружков. . . , конспиративных или полуконспиративных квартир»⁶⁵.

И сербские студенты не стояли в стороне от этих бурных событий. Так, Е. Кочович, М. Жикич и Й. Яворац были арестованы за участие в сходке студентов Московского университета 5 декабря 1880 г.⁶⁶ О. Глушчевич — студент Петербургского университета — был свидетелем и участником демонстрации 8 февраля 1881 г.⁶⁷

Кроме того, сербские студенты создали свою организацию — «Первую Дружину сербской учащейся молодежи в Москве». Основателями ее были Ст. Атанасьевич, М. Жикич, П. Николич, Л. Крцалич, Е. Кочович, Дж. Петкович, А. Радойкович, Ст. Вукчевич, М. Врбица, М. Николич, Дж. Филиппович, П. Ораховац, М. Маркшич, Р. Зимонич, М. Петрович. Членами Исполнительного комитета стали М. Николич (его рукой написан устав общества), Ст. Атанасьевич, А. Радойкович⁶⁸. Из 15 членов «Дружины» 11 человек были вольнослушателями и студентами Московского университета, Р. Зимонич учился в Московской духовной семинарии⁶⁹, студентом Петровской Академии был М. Николич⁷⁰. На основании сопоставления ряда архивных материалов нам удалось установить примерную дату основания «Первой Дружины сербской учащейся молодежи в Москве» (в уставе организации дата его составления не указана). Мы датируем этот документ не позднее 25 июля 1879 г., ибо в этот день в Шереметьевской больнице умер вольнослушатель медицинского факультета Московского университета Антоний Радойкович⁷¹, подпись которого стоит под уставом «Дружины».

В уставе общества говорилось, что его цель — «взаимный обмен мнений путем обсуждения разных теорий и вопросов из области общественных наук»⁷². Общество сербских студентов было тайным. Учитывая этот факт, можно предположить, что помимо просветительской деятельности, его члены принимали участие в революционной борьбе.

В документах департамента полиции имеются сведения, что студент Е. Кочович имел «сношения с со-

циалистами, находящимися в Сербии»⁷³. Действительно, он и его товарищи вели переписку с группой Д. Ценича, снабжали своих друзей русскими газетами, журналами, книгами и революционной литературой, а в обмен на них получали газеты «Радник», «Видело» и новинки сербской литературы⁷⁴.

Когда было принято решение издавать «Радник», Д. Ценич обратился к сербским студентам в Москве с просьбой присылать ему корреспонденции. 2 марта 1881 г., т. е. в день выхода программного номера, он писал: «С сегодняшнего дня вы должны хотя бы раз в неделю посылать мне корреспонденции из Москвы. . . В этих корреспонденциях необходимо описывать общественное положение русского народа, новости науки и литературы, и все подобное полезно будет узнать. . .»⁷⁵

Сербские студенты горячо откликнулись на просьбу Ценича. Уже с апреля 1881 г. в редакцию «Радника» регулярно стали поступать корреспонденции, которые публиковались под названием «Письма из России».

По-видимому, Ценич обратился с просьбой о присылке корреспонденций для «Радника» и к сербским студентам, учившимся в Петербурге — О Глушчевичу и его товарищам. Но тесных контактов с ними ему не удалось установить: материалы из Петербурга приходили нерегулярно и печатались в «Раднике» под рубрикой «Корреспонденции».

Трудно установить точно, кто был автором «Писем из России». По-видимому, они результат коллективного творчества сербских студентов. Лишь корреспонденции о карийских заключенных, на наш взгляд, принадлежат перу М. Николича (см. ниже).

В общей сложности на страницах «Радника» (в 40 номерах из 180) было опубликовано 16 «Писем из России» и 6 петербургских корреспонденций. Они носили различный характер — иногда это краткие сообщения о каком-либо событии, в большинстве же случаев они давали довольно интересный и обширный материал.

Главной темой «Писем из России», несомненно, являлось русское революционное движение.

В конце 70-х — начале 80-х годов в русском революционном движении произошли значительные изменения. Политические проблемы все решительнее и последовательнее выдвигались на первый план. Главным препятствием на пути к изменению политического строя русские революционеры считали царизм, деспотизм и про-

извол правительства. Против него они и направили борьбу, одним из главных средств которой признавался террор ⁷⁶.

Эти перемены в развитии русского революционного движения, несомненно, должны были отразиться на содержании «Писем из России» и петербургских корреспонденций.

Так, в № 11 «Радника» была опубликована первая корреспонденция О. Глушчевича из Петербурга (свои сообщения он подписывал Д. В. Ф.) ⁷⁷. В ней сербский студент рассказал о суде над «первомартовцами»: А. Желябовым, С. Перовской, Н. Кибальчичем, Т. Михайловым и Н. Рысаковым — и их казни, свидетелем которой он был. Казнь революционеров произвела на О. Глушчевича тяжелое впечатление. Он пишет, что когда приговоренных подвели к виселице, ему вспомнились стихи сербского поэта Й. Йовановича-Змая: «Когда я вижу смертные казни. . . , я стыжусь своего века». Но это злодеяние, по мнению автора корреспонденции, не пройдет даром. Мученическая смерть «первомартовцев» воодушевит на борьбу с произволом и деспотией тысячи молодых людей ⁷⁸.

Авторы первого «Письма из России» («Радник», № 20) также посвятили свой материал событию 1 марта, которое, по их мнению «останется в истории как очень значительное явление политического движения не только в России, но и во всем мире». Сербские студенты не писали в своих корреспонденциях о ходе суда над революционерами, так как в «Раднике» печатались подробные протоколы его заседаний, они лишь определили сущность этого «судилища», назвав его «беззаконным» ⁷⁹.

Значительное место в «Письмах из России» и петербургских корреспонденциях занимала деятельность партий «Земля и воля», «Народная воля» и «Черный передел». В них была изложена история социально-революционной партии начиная с 1876 г. ⁸⁰

«В строгом смысле, — убежденно заявляют авторы «Писем», — в России не существует никакой другой партии кроме социально-революционной. Как же так? — спросят нас, когда там говорится о каких-то либералах, консерваторах и т. д. Катков etc. не может считаться партией, это — продажные души. . . И либералы разве заслуживают того, чтобы называться партией, когда никто из них не осмеливается поднять протест в какой-

либо форме против ужасных порядков, которые в настоящее время дошли до своего апогея». Только одна социально-революционная партия, утверждают авторы, «остается верной своим принципам и смело вступает в борьбу со своими врагами. В подтверждение нашего мнения, — продолжают они, — мы имеем достаточно фактов. . . Если бы реакция преследовала „либералов“ с такой же дикостью как социалистов, мы уверены, что от них не осталось бы ни слуху ни духу. Но социально-революционная партия становится тем сильнее, чем больше ее преследуют».

Далее авторы считают своим долгом выяснить, «кто является социалистами. . . Откуда ведут они свое происхождение и какова их организация? Продажная русская пресса, — отмечается в „Письме“, — говорит, что тут нет никакой партии и никакой организации, а что это толпа „недоучек“ и т. д. Но кто интересуется этой партией, тот не будет обращать на это внимание, ибо из-за спины полиции эта пресса может говорить что угодно и выступать против тех, кто лишен права свободно высказывать свои мысли; но мы обратимся к фактам и пусть они говорят сами за себя»⁸¹.

Сербские студенты рассказали читателям «Радника» о возникновении в России партии «Земля и воля», о «хождении в народ» русской молодежи, о процессах над революционерами — «193-х», «50-ти» и др. Впоследствии «Земля и воля» разделилась на две фракции — «Народная воля» и «Черный передел», отражавшие две различные точки зрения революционеров на судьбы русской революции⁸². В связи с этим нельзя не отметить, что симпатии авторов «Писем из России» были на стороне народовольцев. Благодаря сербским студентам на страницах газеты Ценича были опубликованы важнейшие документы партии «Народная воля»: программа Исполнительного комитета («Радник», №№ 42—43, 26—27 мая), выдержки из отдельных прокламаций, отрывки из статей, напечатанных в органе партии — «Народная воля».

В последние годы, отмечают авторы «Писем из России», народовольцы перешли к новой форме борьбы с царизмом — террору, которая, по их мнению, является ответной мерой на деспотизм и жестокость правительства. «Если бы в государстве соблюдался принцип „либерального конституционализма“, — читаем мы в шестом „Письме“, — кто бы организовал террор против ца-

рей и их наследников в России? Всего этого тогда бы не было. . . Разве тогда мирные социалистические пропагандисты превратились бы в сегодняшних террористов-дезорганизаторов?»⁸³.

Очень важной, на наш взгляд, является мысль, неоднократно высказываемая в «Письмах из России» — о преемственности революционных традиций в русском освободительном движении. Так, во втором «Письме» мы читаем: «Русская молодежь живет традициями, которые переходят от одного поколения к другому. . .»⁸⁴. Положили начало освободительному движению в России декабристы, отмечается в седьмом «Письме». Хотя одни из них были повешены, а другие сосланы в Сибирь, «Николай I не достиг цели — задушить развитие научной мысли. Герцен, Огарев, Бакунин, Грановский, Белинский, Добролюбов сохранили традицию декабристов: революционная мысль развивалась. . .» Последующий период был связан с именем Чернышевского, научная деятельность которого высоко оценивалась в «Письмах». Не стало Чернышевского, но «идея осталась, и русская молодежь еще пламеннее ее восприняла». И развитию этой идеи не смогли помешать «ни нагайки, ни каторга, ни казематы, ни легендарная Сибирь»⁸⁵. Поэтому, по мнению корреспондентов, «напрасно старается сейчас и новый царь Александр III изолировать Россию так, чтобы в нее не проникал дух революции; этот дух развивается в самой России»⁸⁶.

Благодаря корреспонденциям сербских студентов читатели «Радника» узнавали и о судьбе известных русских революционеров. Так, в шестом «Письме» под рубрикой «Новость из Петропавловской крепости» сообщалось, что в мае 1881 г. в одиночной камере пыталась покончить с собой Софья Андреевна Иванова, жена А. А. Квятковского, который был повешен 4 ноября 1880 г. вместе с «грозой царских шпионов» А. К. Пресняковым. Она вместе с мужем привлекалась к суду, была приговорена к ссылке, но до сих пор еще не была отправлена в Сибирь, а содержалась, как и другие революционеры, в ужасных условиях. На суде С. А. Иванова заявила о своем единственном желании: «чтобы ее постигла та же участь, какая ожидает ее товарищей, хотя бы это была и смертная казнь». Это ее желание — умереть за свои идеи — поддержали большинство ее друзей, осужденных по тому же процессу. «Это новые типы революционеров, это образцовые характеры, воз-

вышленные личности. . .», — замечают авторы «Писем из России»⁸⁷.

Следует отметить, что редакция «Радника» помещала и свои комментарии к материалам сербских студентов и сообщениям из других государств о русском революционном движении. По ее мнению, «русская революционная партия» насчитывает тысячи молодых людей, «рассеянных по всей России, но объединенных одной единственной мыслью — освобождение России». «Против ярма деспотизма, которое русский народ испытывает на себе вот уже столько лет, — читаем мы в «Раднике» 6 мая 1881 г., — поднялись все друзья народа. . .». При этом специально подчеркивается, что в русском революционном движении приняли участие выходцы из различных слоев общества, «от сельского учителя и священника до аристократа», которые «считают своим долгом расплатиться со страной и народом, покончив с этим ужасным положением»⁸⁸.

Особое место в «Письмах» занимали материалы о положении русских политических заключенных («Радник» №№ 44, 100—102, 148, 155—157 и др.). Наибольший интерес среди них представляет корреспонденция «Жизнь политических заключенных», составленная на основе писем русских революционеров, отбывающих ссылку на печально знаменитой «карийской каторге». Автором ее, по нашему мнению, является М. Николич, который, будучи членом Петровского отдела вспомоществования политическим ссыльным и заключенным, собирал деньги в пользу карийских каторжан и, очевидно, вел с ними переписку.

Эпиграфом к этой корреспонденции послужили вдохновенные строки неизвестного поэта (в «Раднике» они напечатаны по-русски):

В тиши гробовой каземата,
В сырой глубине рудников
Страдают свободные люди
За вечно безмолвных рабов!
Но смысл этих горьких страданий
И рабское сердце поймет.
И горько народ угнетенный
Оковы свои проклянет!

В корреспонденции Николич привел наиболее впечатляющие отрывки из писем революционеров. Тяжелый, изнуряющий труд, голод, болезни являются по-

стоянными спутниками их безрадостной жизни. «Мы не имеем никакой медицинской помощи. . . , больницы для наших больных, — пишут они. — Иногда больных отвозят на Нижнюю Кару, в больницу, где есть доктор, как было с Родиным перед его смертью. Вся тюрьма состоит из 2 комнат, в которых нет ни столов, ни кроватей, ни подстилок, одни нары вместо кроватей. В этих двух комнатах живет сейчас 82 человека, не считая женщин, они — на Нижней Каре (всего их 8)».

После побега 8 революционеров из Иркутской тюрьмы администрация удвоила некоторым политзаключенным сроки каторги. Розги, правда, до сих пор еще не применялись, но это только до первого удобного случая, это зависит целиком от воли чиновников. «Пусть только они попробуют, — пишут далее революционеры, — и мы все до единого погибнем, ибо твердо решили тогда умереть. Может быть именно это наше решение и удерживает администрацию от такого шага».

Автора корреспонденции волнует вопрос — сохранили ли томящиеся в Сибири борцы веру «в свои старые идеалы или пошли на компромисс?» И тут же приводит отрывок из их письма, где об этом говорится следующее: «Раздетые, грязные, больные чахоткой. . . мы работаем и влачим жалкое существование. Никакой надежды на новую жизнь, никакого выхода из этого положения, одна смерть будет для нас выходом из него. Но все же не думайте, что мы перед лицом этих несчастий отступили и упали духом — совсем нет. . . Нас поддерживает, воодушевляет и делает смелыми наше единственное богатство — наши идеалы. . . Все мы свято верим в наше великое дело; каждая его нравственная победа, это в то же время и наша победа. . . Наше желание лишь в том, чтобы всей своей жизнью помочь святому делу народного освобождения. . .»⁸⁹

Свое отношение к таким людям Николич выразил строчками из стихотворения Н. А. Некрасова: «Природа-мать! Когда б таких людей ты иногда не посылала миру, заглохла б нива жизни!» Следует отметить, что в своих корреспонденциях сербские студенты неоднократно писали о знаменитом поэте, его роли в русском освободительном движении. Так, сообщая об открытии памятника на могиле «певца народной печали», О. Глушчевич отмечал, что «пока будут существовать его стихи, ни один друг народа не должен забывать Некрасова. Его „Николаевская железная дорога“, „Пир

на весь мир“ навсегда останутся и в истории литературы, и в памяти друзей народа»⁹⁰.

Русские революционеры являлись для социалистической сербской молодежи примером активной борьбы за освобождение народа. Более того, мы с уверенностью можем сказать, что ею были восприняты некоторые идеи народовольцев и в первую очередь идея борьбы с деспотизмом правительства. Именно в этот период сербские социалисты — члены группы Д. Ценича, с которыми были связаны авторы «Писем из России» и петербургских корреспонденций, выступили против антинародной внутренней и внешней политики сербских правящих кругов: на страницах «Радника» они подвергли критике засилье бюрократии в Сербии (№ 17, № 52), налоговую систему (№ 77), сербские законы, устройство судов (№ 6), систему образования (№ 87) и т. д. Наш вывод подтверждает содержание корреспонденции из Петербурга от 10 ноября 1881 г., автор которой, критикуя вначале реакционную политику царизма, переходит затем к критике бюрократического сербского правительства, указывая, что в их «антинародной деятельности» много общего⁹¹.

Героическая борьба русских революционеров вызвала постоянное восхищение и преклонение сербских студентов. Их чувства выразил О. Глушчевич, который в корреспонденции из Петербурга от 9 июня 1881 г. назвал русское революционное движение «знаменитым историческим явлением». «Нет ни одного примера в истории, равного этому, — писал он. Подобные тирании были, но такой борьбы против них не было»⁹².

В «Письмах из России» сербские студенты знакомили читателей «Радника» и с положением русского крестьянства. «Освобожденные» в 1861 г. крестьяне должны были выкупать землю. Это привело к тому, что они попали в жестокую кабалу. «Об улучшении положения крестьянства, — пишут авторы, — часто говорилось в печати, но на него никто не обращал внимания. Наконец, некоторое время тому назад этот вопрос был на повестке дня в министерстве государственных имуществ. Огромное количество земли считается собственностью государства и от его распоряжения этой землей непосредственно зависит экономическое положение земледельцев, которым земли не хватает. Только от государства зависит, кто будет пользоваться его недвижимым имуществом: те, кто непосредственно используют

свой труд на обработку земли, или посредники, которые никак не заинтересованы в земледелии, а между тем имеют огромную прибыль только потому, что владеют огромным капиталом и свободно покупают обширные участки земли и затем продают ее крестьянам втридорога. . . Такое несправедливое распределение земли, — делают вывод авторы корреспонденции, — еще хуже чем так называемое „освобождение крестьян“ 1861 г.»⁹³.

Одна из основных тем «Писем из России» — студенческое движение в Москве и Петербурге. Их авторы сообщают о событиях, свидетелями которых были они сами, пишут об их предыстории. «Вам, вероятно, известно, что произошло в Московском университете 5 декабря прошлого года, — обращаются сербские студенты к читателям „Радника“ во втором „Письме“, — когда дикая толпа из 1000 жандармов, конных и пеших, ринулась в стены самого старого русского университета, в первый раз со дня его основания (1755 г.), и со свойственной полиции жестокостью арестовали там 408 студентов, которые собрались, чтобы протестовать против бесчеловечных поступков ректора в отношении их исключенных товарищей. Это еще, можно сказать, были цветочки по сравнению с тем, что делается сейчас: в настоящее время преследуются не десятки, а сотни!»

Довольно подробно пишут авторы «Писем из России» о событиях 31 марта — 1 апреля 1881 г. в Московском университете. На своем собрании студенты выступили «против жестоких гонений со стороны университетских властей, ибо с каждым днем в их среде недоставало кого-нибудь из самых лучших товарищей, которых передавали в руки полиции. . . Университетские власти. . . вызвали триста жандармов, окружили зал, где собрались студенты, всех их переписали и предали „особому университетскому суду“. 31 марта на собрании было всего 254 студента, а 1 апреля — 73, которые собрались в зале анатомического театра без какой-либо цели и вели между собой самые обычные разговоры. Но университетскому начальству и они показались опасными, и опять были вызваны двести жандармов (?!!!). . . До сих пор исключено уже 25 студентов. . . Как стало известно, всего исключение грозит 250 студентам университета. . .»

Студенческие волнения происходили и в др. городах — Петербурге, Киеве, Казани. Примечателен вывод, который делают авторы «Писем» о характере сту-

денческого движения в России: «Это может считаться общим явлением, которое происходит во всех русских университетах, ибо русская молодежь соединена прочными связями, так что никакая сила не в состоянии их разорвать. Все репрессивные меры. . . доказывают лишь страх и слабость правящих кругов. . . Лагерь русской молодежи становится все шире и шире, в него вливается цвет русского общества, в нем сияет будущее русского народа»⁹⁴.

Ярким откликом на усиление русского революционного движения явилось и выступление сербского революционера В. Пелагича (1838—1899) с брошюрой «Что рассказывает русская Сибирь»⁹⁵. Брошюра написана от первого лица в форме 26 бесед автора с отбывающими наказание в Сибири. Работа пронизана глубокой симпатией к героическим борцам против самодержавия и свидетельствует о довольно хорошей осведомленности автора о фактической стороне этой борьбы.

Говоря о внутренней политике царизма, Пелагич отмечал, что в России установился деспотический, антинародный режим, охраняемый «императорско-полицейской» властью. Символом ее для прогрессивной Европы является Сибирь-каторга⁹⁶.

На большом материале Пелагич показал угнетение различных слоев населения России, отсутствие в стране демократических прав и свобод. Однако критика не являлась в данном случае главной целью его работы. Задача состояла в том, чтобы показать, что Россия — это не только Сибирь-каторга, и не по Сибири нужно судить, о ней.

Главное внимание Пелагич сосредоточил на борьбе революционеров против царизма. Не называя ни одной фамилии, он показал, что знаком с серией террористических актов, совершенных землевольцами в 1878—1879 гг. против высших российских чиновников, знаком с подготовкой покушений на царя. В брошюре упоминается о судебных процессах против революционеров и мужественной защите «нигилистами» своих убеждений на этих судах.

Пелагич был уверен в вынужденности террора российских революционеров, против которых правительство применило не доводы и аргументы, а аресты, тюрьмы, расстрелы. «Силу силой одолеть можно. На терроризм следует ответить терроризмом», — писал он. Сербский революционер целиком одобрял примене-

ние динамита и бомб против российского самодержца и ему подобных правителей, не желавших дать народам конституции.

Пелагич четко разделял две России — официальную, правящую, угнетавшую; и народную, угнетенную, борющуюся за свои права. Все мыслящие люди, по словам Пелагича, первой России шлют «вечное презрение и проклятие», а второй — свои приветствия, ибо борьба революционеров против деспотизма «возвышает русский народ до первых народов мира»⁹⁷.

Участие сербских студентов в русском революционном движении

Выше уже отмечалось, что многие молодые сербы, приезжавшие учиться в Россию, под влиянием идей, которыми жила передовая русская молодежь, активно включались в студенческое революционное движение. Один из лидеров сербской радикальной партии П. Тодорович писал: «...Студенты из русских школ очень отличались от других молодых сербов, учившихся на Западе. Париж дал Сербии пустых фразеров, Вена — политических шутов, Берлин — особый вид мракобесов и — кто бы это ожидал! — лишь Петербург и Москва дали несколько ясных умов, людей дела, личностей с прочным научным развитием, которые приняли за образец рано погибших или остававшихся мучениками в Сибири Чернышевского, Добролюбова, Михайлова и др.»⁹⁸

Распространение марксизма в России в начале 80-х годов было еще довольно слабым и поэтому наиболее сильное воздействие на сербскую молодежь оказывало революционное народничество.

Среди сербских студентов в этот период по своим связям с русским революционным движением выделялись Ефрем Кочович, Марко Николич, Сава Якич и Окица Глушчевич.

Е. Кочович родился в 1861 г. в семье священника из Новой Вароши, окончил белградскую учительскую семинарию. До приезда в Россию он служил писарем III батальона добровольческих ибарских войск во время сербо-турецкой войны 1876 г., затем санитаром I белградской запасной больницы и писарем при военном складе⁹⁹. В 1878 г. Кочович приехал в Россию и поступил в Московскую духовную семинарию, а в 1879 г.

перевелся на медицинский факультет Московского университета в качестве вольнослушателя¹⁰⁰.

Кочович был хорошо знаком с русской революционной литературой. При аресте у него была найдена книга П. Л. Лаврова «18 марта 1871 года» (Женева, 1880), посвященная Парижской Коммуне, и другие издания.

19 сентября 1881 г. департамент полиции сообщал московскому обер-полицмейстеру, что «возвратившимся из-за границы эмигрантом, принадлежащим к преступному сообществу, доставлены заслуживающие вероятия сведения, что из числа известных ему проживающих в г. Москве злоумышленников, особенного внимания заслуживают проживающий по Дмитровке д. № 6 Ефрем Кочович и проживающие в том же городе единоумышленники его Йован Яворович и Илья Якич *. Личности эти родом сербы, по полученным о них сведениям, занимают весьма видное место в среде преступного сообщества, так как лицу, желавшему узнать местопребывание Исполнительного комитета, эмигранты советовали обратиться за этим именно к Кочовичу»¹⁰¹. После получения этих сведений полиция установила негласное наблюдение за сербским студентом. 24 сентября 1881 г. у него был произведен обыск¹⁰², а на следующий день он был арестован и заключен под стражу. Кочовичу было предъявлено обвинение в хранении «издания революционного содержания»¹⁰³. Явораца и Якича в Москве уже не было — они выехали за границу. 26 сентября начальник московского губернского жандармского управления сообщал в департамент полиции об аресте Кочовича. При этом он отмечал, что по собранным его управлением сведениям, «Ефрем Кочович, Йован Яворович (Яворац), Сава, а не Илья Якич, действительно принадлежат к преступной партии социалистов-агитаторов, имея свой кружок из сербов»¹⁰⁴.

Арест Кочовича был совершен поспешно. На это обращал внимание московского обер-полицмейстера Е. О. Янковского директор департамента государственной полиции В. К. Плеве, который 4 октября 1881 г. писал, что «обыск был произведен без предварительного выяснения негласным наблюдением достаточных данных для определения значения приписываемой Кочовичу роли в противоправительственной деятельности»¹⁰⁵. Полиции не удалось проследить личные

* Ошибка: не Илья, а Савва Якич.

связи сербского студента с русскими революционерами. А они, безусловно, были, хотя в нашем распоряжении нет достаточного количества фактов для этого утверждения. Но известно, что при обыске у Кочовича было обнаружено небольшое письмо известного деятеля революционного движения В. А. Гринберга, в котором тот просит сербского студента прийти к нему. «Мне нужно, — пишет Гринберг, — немного с Вами поговорить. Прибыл вчера из Сербии. Видел Явораца и в Галаце *Якича*, который Вам кланяется. Яворац просил с Вами поговорить и познакомиться»¹⁰⁶.

Кроме того, Кочович был связан с членом Исполнительного комитета партии «Народная воля» Л. А. Тихомировым. В дневнике последнего имеется упоминание о прибытии Кочовича 21 декабря 1884 г. в Париж, где тогда жил Тихомиров¹⁰⁷. Очевидно, их знакомство состоялось в 1880—1881 гг., когда Тихомиров вел работу среди московского студенчества.

Хотя полиции и не удалось раскрыть личные связи Кочовича, улики против него было достаточно, и в начале 1882 г. он как «неблагонадежный иностранный подданный» был выслан за границу¹⁰⁸.

Другим видным деятелем общества сербских студентов в Москве был Марко Николич. Он родился в 1856 г. в Белграде, окончил прогимназию. В сентябре 1878 г. приехал в Москву и поступил в Петровскую академию¹⁰⁹.

В России М. Николич вступил на путь активной революционной борьбы. Он был связан с партией «Народная воля», с такими видными ее деятелями как Ю. Богданович и Л. Тихомиров¹¹⁰; вел пропагандистскую работу среди московских студентов. С этой целью, как говорится в материалах охранки*, он просиживал целые дни в общежитии братьев Ляпиных, посещал воскресные собрания студентов в общежитии Лепешкина и «...вообще он бывал всюду, где можно было встретить учащуюся молодежь»¹¹¹. Среди знакомых Николича было много студентов, давно известных охранному отделению «своим революционным направлением»: народник С. И. Васюков, находившийся в ссылке в Вятской губернии, а затем под негласным надзором поли-

* Речь идет о III отделении департамента полиции, которое было создано в 1826 г. после восстания декабристов. Оно было призвано охранять существующий строй, бороться против антиправительственной, революционной деятельности.

ции; И. Ф. Васюков, высланный из Москвы за участие в студенческих волнениях; студенты Петровской академии, близкие к народникам: С. Кангер, И. Лебед и др.¹¹²

М. Николич вел пропаганду и среди московских курсисток. Он привлек к сбору средств в пользу карийских каторжан девушек, учившихся на Лубяньских курсах, и среди них Людмилу Ермилову. В дневнике последней, найденном у нее при обыске в 1886 г., сообщается ряд интересных фактов о Николиче, его взглядах и революционной деятельности. Так, Ермилова писала: «Н. показывал место, где убит Иванов¹¹³ и рассказывал подробно всю историю. Говорим вообще немало. От него много можно позаимствовать. . . Говорили о книгах, как запрещены, перечисляли и т. д.»¹¹⁴ По словам свидетельницы Давыдовой, привлеченной по делу Николича, последний был представителем в Москве партии «Народная воля»¹¹⁵.

После окончания Петровской Академии в декабре 1882 г. Николич уехал в Сербию, но вскоре был вынужден эмигрировать в Болгарию, так как за активное участие в радикальном движении и Тимокском восстании 1883 г. он был приговорен к смертной казни¹¹⁶. В Болгарии Николич до начала 1885 г. работал окружным лесничим, а затем стал учителем естественных наук в земледельческом училище недалеко от Руцука¹¹⁷ (ныне г. Русе).

В декабре 1885 г. Николич вновь приехал в Россию, в Москву, где возобновил «старые знакомства с русскими революционерами»¹¹⁸. Вскоре его навещил бывший студент Петровской Академии С. Кангер, вместе с которым он «немедленно приступил к организаторской деятельности (по объединению. — С. Д.) распавшихся, вследствие последних арестов, революционных кружков»¹¹⁹. Кроме того, у охранки были сведения, что возвратившись в Москву, Николич «прежде всего устроил дела национального революц[ионного] сербского кружка» и начал вести «пропагандаторскую деятельность в духе партии „Народная воля“»¹²⁰. Следовательно, московская организация сербской учащейся молодежи продолжала существовать и в 1885 г.

Активное участие в этот период принимал Николич и в распространении листовок и нелегальной литературы. В документах департамента полиции указывалось, что «он сосредоточил у себя значительный запас революционной литературы, которую хранил в лесу

близ Петровской Академии, остатки ее были найдены в жестяном ящике 21 июля 1886 г.»¹²¹ В «Заключении прокурора Московской судебной палаты о дальнейшем направлении дознания по обвинению в государственных преступлениях сербского подданного Марка Николича и дочери штабс-капитана Людмилы Ермиловой» указан список этой литературы, включающий 23 названия — прокламации Исполнительного комитета «Народной воли», журнал «Народная воля», издания пропагандистского характера.

За приехавшим в Россию Николичем было установлено наблюдение, и вскоре, 22 августа 1886 г., он был арестован и после судебного разбирательства осужден на год тюремного заключения, а затем, в конце 1887 г., выслан «безвозвратно за границу». Позднее, в Сербии, М. Николич стал председателем «Общества Светозара Марковича», основанного радикалами в Белграде 22 октября 1889 г.

Насколько значительным и массовым было участие студентов-сербов в русском революционном движении этого периода свидетельствует разработанный в конце 80-х годов министерством внутренних дел проект закона «По вопросу о высылке за границу отбывших срок наказания греческих, сербских, черногорских и болгарских уроженцев»¹²².

Воздействие русского революционного движения на южнославянских учащихся вынужден был признать такой видный царский сановник как Н. П. Игнатъев, который в специальной записке (1879 г.) предлагал для борьбы с этим влиянием создать в Москве попечительство над славянскими, в том числе, сербскими уроженцами. Причина острейшей необходимости этой меры, по его мнению, заключалась в следующем: «Воспитывающаяся в России, вдалеке от родины и положительно без родительского надзора и попечения, славянская молодежь, предназначенная выставляться из своей среды будущих руководителей соплеменных нам народностей, к судьбе и направлению которых мы не можем оставаться равнодушными, предоставлена теперь в Москве самой себе, нужде и всевозможным влияниям. При таких условиях воспитания, — по мнению Игнатъева, — юные болгары, черногорцы и сербы могут подчиниться самому дурному направлению и вместо полезных для России и своего отечества деятелей превратиться в людей вредных для мирного развития и процветания свя-

занных с нами духовно стран и даже для России». Разумеется, более всего Игнатъева и в его лице русские правящие круги беспокоило влияние революционной России на славянскую молодежь. «Для нас весьма важно, — отмечалось в записке, — чтобы мы не создавали бессознательно рассадника нигилизма в соплеменных нам странах»¹²³.

Но в рассматриваемый период попечительство, в необходимости которого убеждал Игнатъев, создано не было. Нарастание революционного движения в России и многочисленные факты его влияния на сербскую учащуюся молодежь (аресты, административная ссылка, тюремное заключение) серьезно беспокоили С.-Петербургское славянское благотворительное общество. В 1889 г. его руководство вновь ходатайствовало об учреждении попечительства в тех городах, где воспитывались славяне — Москве, Киеве, Одессе и Варшаве. На этот раз министерство внутренних дел положительно решило этот вопрос при условии, что попечительства будут наблюдать за успехами и поведением только тех славянских воспитанников, которые получают образование за счет общества¹²⁴.

Однако меры, предпринимаемые на протяжении десятилетий правительственными и славянофильскими кругами для ограждения молодых славян, в том числе и сербов, от влияния русского общественного и революционного движения, не приносили ожидаемых результатов. На это обстоятельство указывал в докладе, датированном 14 января 1914 г., председатель Комиссии по образованию в России южных славян (создана в 1882 г.) А. П. Веретенников. Подводя итоги деятельности Комиссии, он писал: «Взамен друзей России, могущих у себя на родине служить надежными политическими факторами проникновения русского влияния, у нас в большинстве подготавливались ненавистники если не самой России, то во всяком случае существующего строя ее в лице всех правительственных начинаний»¹²⁵.

Таким образом, в конце 70-х — первой половине 80-х годов XIX в. русско-сербские революционные связи продолжали развиваться. Они характеризовались более широкими масштабами и разнообразными формами, по сравнению с концом 60-х — первой половиной 70-х годов. На основании изучения имевшихся в нашем распоряжении источников и литературы мы пришли

к выводу, что для рассматриваемого периода были характерны следующие формы связей передовых кругов России и Сербии: личные контакты (радикалы и группа П. Л. Лаврова), сотрудничество сербов в русских (анонимный автор, радикал В-ч в «Вестнике Народной воли») и русских — в сербских революционных изданиях (П. Л. Лавров и С. Подолинский в «Страже»), обмен революционной литературой и периодическими изданиями, связи сербского социалистического движения с революционной Россией опосредованно — через сербских студентов в Москве и Петербурге (группа Д. Ценича). Большое значение имела деятельность сербских радикалов и социалистов по ознакомлению передовых демократических кругов Сербии с русским революционным движением (журнал «Стража», газета «Радник», предисловие и послесловие П. Тодоровича к роману И. С. Тургенева «Новь»). В рассматриваемый период получила дальнейшее развитие и такая форма связей как участие сербов в русском революционном движении.

- ¹ Ослобођење. 1876. 5 фебр., бр. 16.
- ² *Тодоровић Др.* Народни трибун Ранко Тајсић. Београд, 1983. С. 66—67, 86—87, 96—97.
- ³ Там же. С. 36.
- ⁴ Рус. мысль. 1882. № 12. С. 99.
- ⁵ *Istorija država i prava jugoslovenskih naroda (do 1918. godine).* Београд, 1967. С. 272.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Петровић Р.* Адам Богосављевић. Београд, 1972. С. 126, 128—129.
- ⁸ *Јанковић Др.* О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 265.
- ⁹ Там же. С. 266.
- ¹⁰ *Милошевић Р.* Тимочка буна 1883 г. Београд, 1923. С. 52.
- ¹¹ См.: *Продановић Ј.* Историја политичких странака и струја. Београд, 1947. С. 442—443.
- ¹² *Милошевић Р.* Тимочка буна. . . С. 105.
- ¹³ История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 490.
- ¹⁴ *Јанковић Д.* О политичким странкама. . . С. 240.
- ¹⁵ См.: *Карасев В. Г.* К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1966. Т. 30. С. 122—130; *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874). Кишинев, 1973. С. 464—468.
- ¹⁶ *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874—1883). М., 1980. С. 21—22.
- ¹⁷ *Гросул В. Я.* Российские революционеры. . . С. 473.
- ¹⁸ Там же. С. 469.

- 19 Цит. по: Там же. С. 470.
- 20 *Поглубко К. А.* О связях издателей журнала «Вперед!» с сербскими социалистами // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1968. Вып. 1. С. 106.
- 21 Цит. по: *Хевролина В. М.* Славянский вопрос и идеологи русского революционного движения в конце 60-х—начале 70-х годов XIX в. // Балканские исследования: Международные отношения на Балканах. М., 1974. С. 128.
- 22 Вестн. Нар. воли. 1885. № 4. С. 36.
- 23 *Поглубко К. А.* О связях. . . С. 110.
- 24 Там же. С. 111.
- 25 Там же. С. 111—112; *Хевролина В. М.* К истории русско-сербских революционных связей 70-х годов XIX в. // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 235.
- 26 *Поглубко К. А.* О связях. . . С. 113.
- 27 *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы. С. 107.
- 28 Там же. С. 108.
- 29 *Хевролина В. М.* К истории. . . С. 236.
- 30 *Поглубко К. А.* О связях. . . С. 126.
- 31 *Тодоровић П.* Дневник једног добровољца. Београд, 1938. С. 154.
- 32 *Поглубко К. А.* О связях. . . С. 126.
- 33 Стража. 1878. Свеска за септембар. С. 142.
- 34 Там же. Свеска за октобар. С. 328—329.
- 35 Там же. 1879. Свеска за фебруар. С. 316.
- 36 Там же. Свеска за септембар. С. 141.
- 37 Новина — роман И. С. Тургенева / С рус. превео П. Тодоровић. Нови Сад, 1878. С. IV, VI.
- 38 Цит. по: *Румянцева Э. М.* Из творческой истории романа И. С. Тургенева «Новь» // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Ист.-филол. ф-т. 1957. Т. 150, вып. 2. С. 176.
- 39 Тургенев в русской критике. М., 1953. С. 398, 401.
- 40 См.: *Пашић Н. П.* 10 децембра 1926.—10 децембра 1936. Београд, 1937. С. 260.
- 41 Новина. поговор. С. 230—231.
- 42 Там же. С. 242, 243.
- 43 Там же. С. 246—250.
- 44 Там же. С. 250—251.
- 45 Там же. С. 257—258.
- 46 Там же. С. 263—264.
- 47 РОМС. Нови Сад. Инв. бр. 33560.
- 48 Стража. 1878. Свеска за септембар. С. 95.
- 49 Стража. 1879. Свеска за фебруар. С. 168.
- 50 См.: *Жигунов Е. К.* К истории русско-сербских революционных связей 70—80-х годов XIX в.: (П. Л. Лавров и сербские революционеры) // Советское славяноведение. Минск, 1969. С. 334.
- 51 Там же. С. 335.
- 52 Вестн. Нар. воли. 1885. № 4. С. 36.
- 53 РОМС. Инв. бр. 33560.
- 54 ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 39. Д. 621. Л. 1.
- 55 См.: *Карасев В. К.* К вопросу об участии. . . С. 121—122.
- 56 *Tanić Z.* Politički rad Mite Cenića. Povodom sedamdesetogodišnjice smrti // Pregled. 1958. N 5. S. 462.
- 57 *Ilić D.* Mita Cenić. Beograd, 1960. S. 15.

- 58 ЦГАОР СССР. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 2076. Л. 2.
- 59 *Раденић А.* Мита Ценић као издавач социјалистичких листова 80-х година у Београду // *Годишњак града Београда*. Београд, 1962—1963. Књ. 9/10. С. 376—377.
- 60 ЦГАОР СССР. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 2077. Л. 11.
- 61 Цит. по: *Јанковић Д.* О политичким странкама. . . С. 296.
- 62 Обществено-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957. С. 116.
- 63 В настоящее время мы не можем определить общее число сербских студентов, учившихся в этот период в Москве. Нам удалось установить лишь имена 14 сербов и черногорцев — студентов и вольнослушателей Московского университета — на основании «Списка сторонним слушателям и студентам из болгар, сербских и черногорских уроженцев» (ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 47. 1878 г. Д. 233. Л. 68—68 об.), датированного ноябрем 1879 г. *Вольнослушатели*: Петкович Георгий, Борисавлевич Милош, Маркшич Милош, Николич Петр, Кочович Ефрем, Жикич Милош, Афанасьевич Стефан (медицинский факультет); Пламенац Дмитрий, Радонич Сава (юридический факультет); *студенты*: Врбица Марк, Калуджерович Иван (юридический факультет); Ораховац Петр, Петрович Младен, Миланич Петр (медицинский факультет).
- 64 *Ткаченко П. С.* Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М., 1958. С. 94—177.
- 65 *Валуев П. А.* Дневник, 1877—1884. Пг., 1919. С. 168.
- 66 ЦГАОР СССР. Ф. 63. Оп. 1. 1881 г. Д. 604. Л. 58—58 об.
- 67 Там же. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 2072. Л. 19—20.
- 68 Там же. Оп. 3. Д. 2810. Л. 9—10.
- 69 ЦГИА г. Москвы. Ф. 234. Оп. 1. Д. 4638. Л. 6.
- 70 Там же. Ф. 228. Оп. 3. Д. 7815.
- 71 Там же. Ф. 418. Оп. 47. 1878 г. Д. 233. Л. 79.
- 72 ЦГАОР СССР. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 2810. Л. 9.
- 73 Там же. Ф. ДП. 3 дел-во. 1881—1884 гг. Д. 994. Л. 11 об.
- 74 Там же. Ф. 1167. Оп. 3. Ч. II. Д. 2812. Л. 13, 15, 17, 119.
- 75 Там же. Л. 17.
- 76 См.: *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 55.
- 77 ЦГАОР СССР. Ф. 1167. Оп. 3. Ч. II. Д. 2812. Л. 6—7.
- 78 Радник. 1881. 18 апр. ⁸⁷ Там же.
- 79 Там же. 28 апр. ⁸⁸ Там же. 6 мая.
- 80 Там же. 8 авг. ⁸⁹ Там же. 6 нояб.
- 81 Там же. 12 июня. ⁹⁰ Там же. 27 сент.
- 82 Там же. 18 июня. ⁹¹ Там же. 18 нояб.
- 83 Там же. 24 мая. ⁹² Там же. 17 июня.
- 84 Там же. 3 мая. ⁹³ Там же. 10 мая.
- 85 Там же. 13 июня. ⁹⁴ Там же. 3 мая.
- 86 Там же. 28 мая.
- 85 *Пелагий В.* Шта прича руска Сибирија. Будимпешт, 1880.
- 86 Цит. по: *Поплыко Д. Ф.* Васа Пелагич и Россия: Из истории сербской революционной мысли. М., 1983. С. 206—207.
- 87 Там же. С. 207, 208.
- 88 Цит. по: Обществено-политические и культурные связи. . . С. 112—113.
- 89 ЦГАОР СССР. Ф. ДП. 3 дел-во. 1881—1884 гг. Д. 994. Л. 2, 5, 7 об.; ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 48. 1879 г. Д. 301. Л. 40.

- 100 ЦГИА г. Москвы. Ф. 234. Оп. 1. 1879 г. Д. 4642. Л. 1; Ф. 418, Оп. 48. 1879 г. Д. 301. Л. 40, 85.
- 101 ЦГАОР СССР. Ф. 63. 1881 г. Д. 604. Л. 1—1 об.; Ф. ДП. 3 дел-во. 1881—1884 гг. Д. 994. Л. 1.
- 102 Там же. Ф. 63. 1881 г. Д. 604. Л. 3.
- 103 ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 17. 1881. Д. 251. Л. 1 об.—2.
- 104 ЦГАОР СССР. Ф. ДП. 3 дел-во. Д. 994. Л. 8 об.
- 105 Там же. Ф. 63. 1881 г. Д. 604. Л. 56 об.
- 106 Там же. Ф. ДП. 3 дел-во. Д. 994. Л. 5.
- 107 См.: *Тихомиров Л. А.* Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 87.
- 108 ЦГИА г. Москвы. Ф. 142. Оп. 17. 1881 г. Д. 251. Л. 6—7; ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 8663. Л. 8.
- 109 ЦГИА г. Москвы. Ф. 224. Оп. 3. Д. 7815. Л. 2.
- 110 ЦГАОР СССР. Ф. 63. 1886 г. Д. 109. Л. 14; ЦГИА СССР, Ф. 1405. Оп. 521. 1887 г. Ч. 1. Д. 425. Л. 434.
- 111 ЦГАОР СССР. Ф. 63. 1886 г. Д. 109. Л. 14 об.
- 112 Там же. Л. 16—16 об.
- 113 Иванов И. И. — студент Петровской Академии, состоял членом подпольной заговорщической организации «Народная расправа», созданной С. Г. Нечаевым. За неподчинение Нечаеву был убит 21 ноября 1869 г.
- 114 ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10248. Л. 27 об.
- 115 Там же. Л. 30; ЦГАОР СССР. Ф. 63. 1886 г. Д. 109. Л. 31 об.
- 116 ЦГАОР СССР. Ф. 63. 1886 г. Д. 109. Л. 14.
- 117 М. Николич — А. А. Майкову 4 апреля 1885 г. // ОР ГПБ, Ф. 452. Оп. 1. Д. 307. Л. 1 об.
- 118 ЦГАОР СССР. Ф. 63. 1886 г. Д. 109. Л. 2.
- 119 Там же. Л. 14—14 об.
- 120 Там же. Л. 2.
- 121 ЦГИА СССР. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10248. Л. 30.
- 122 Общественно-политические и культурные связи. . . С. 147—148.
- 123 ЦГАОР СССР. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1929. Л. 1—1 об.
- 124 ЛГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 683. Л. 3—4.
- 125 АВПР. Ф. Славянский стол. Д. 11139. Л. 14 об.

Заключение

Изучение русско-сербских связей конца 70-х — первой половины 80-х годов XIX в. показывает, что сербским вопросом интересовались в этот период все слои русского общества — от консервативных деятелей, близких к правительственным кругам, до революционеров. Все они внесли свой вклад, в соответствии с их положением в государстве, в расширение и укрепление традиционных связей России и Сербии.

Международное положение и обстановка на Балканах в конце 70-х годов XIX в. были довольно сложными. После победоносной русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Россия оказалась в почти полной внешнеполитической изоляции. Война не укрепила, вопреки ожиданиям, и внутренних позиций царизма. Международное и внутреннее положение Российской империи после Берлинского конгресса диктовали отход, по крайней мере в ближайшие годы, от активных дипломатических акций. Эта позиция проявилась и в балканской политике царизма. Рассматриваемый период характеризовался усилением на Балканах австрийского влияния и одновременным ослаблением в этом регионе позиций России. Это вызывало серьезное беспокойство царской дипломатии, которая пыталась в изменившейся международной обстановке найти средства для укрепления русского влияния в балканских странах и в Сербии, в частности. Однако подобных средств в распоряжении России было немного. Ее постигла неудача в деле строительства сербской железной дороги; довольно слабо развивалась русско-сербская торговля; официальные отношения между двумя странами были довольно натянутыми. В этих условиях правящие круги России поддерживали расширение традиционных связей общественного характера, оказывая помощь ученым и общественным деятелям консервативного и буржуазно-либерального направлений в развитии их контактов с сербами. Это наглядно проявилось, например, в командировании ряда видных ученых-славистов в Сербию, в поощрении их научной деятельности по изучению ее истории и куль-

туры, популяризации знаний в России о «единокровном и единоплеменном» народе. Примечателен и тот интерес, с которым отнеслись официальные круги к распространению русского языка в Сербском княжестве.

Исследованные нами материалы позволяют констатировать, что в конце 70-х — первой половине 80-х годов прошлого столетия наиболее характерными являлись связи сербской интеллигенции с русскими учеными и общественными деятелями славянофильского направления, проявлявшими особый интерес к славянам. Помощь ученых России своим сербским коллегам в поисках необходимых для их исследований материалов, регулярный книгообмен, содействие в публикации трудов, рецензирование, переписка по вопросам истории и литературы, личные контакты способствовали становлению молодой сербской науки, впитывавшей в себя лучшие достижения русского славяноведения. Научные связи имели неоценимое значение и для русских ученых, для которых помощь сербских коллег в период непродолжительных командировок в Сербию, была очень важна. Именно в это время русская наука обогащалась новыми материалами, на основе которых впоследствии создавались фундаментальные труды. А книги, посланные в те годы из Сербии в Москву, Петербург, Киев, имели большую научную ценность не только для ученых-славистов прошлого, но и в наши дни глубоко изучаются историками-югославистами.

Важную роль в развитии русско-сербских общественных связей играла периодическая печать. Консервативные и либеральные слои русского общества, как и в предшествующие десятилетия, на страницах своих печатных органов активно обсуждали вопросы русско-сербских отношений, определяли задачи русской дипломатии на Балканах после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса. Их призывы к упрочению и расширению связей с Сербией, чтобы не допустить установления здесь полного господства Австро-Венгрии, в целом отвечали задачам русской дипломатии. В свою очередь, мнение русской общественности не могло не влиять в конечном итоге на позицию правящих кругов.

Связи революционеров России и Сербии являются важной составной частью общего историко-культурного процесса. Они развивались вопреки воле правительств двух стран. И этому не могли помешать ни борьба пра-

вящих кругов против революционного движения, ни трудности революционной деятельности. Передовая часть сербской молодежи тяготела к революционной, «свободной России», противопоставляя ей «Россию Романовых». В невероятно сложных условиях начала 80-х годов, когда и в России, и в Сербии реакция перешла в наступление, революционеры двух стран своей деятельностью содействовали сохранению и развитию демократических и социалистических традиций. В эти годы закладывались основы их дальнейшего сотрудничества.

Связи общественного характера в конце 70-х — первой половине 80-х годов XIX в., когда значительно осложнились межгосударственные отношения России и Сербии, имели большое прогрессивное значение для развития сербской науки и культуры, упрочения уз братства и дружбы между двумя народами в этот и последующий периоды.

Список архивов

- АВПР — Архив внешней политики России
ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив
ЛО АРХИВА АН СССР — Ленинградское отделение архива АН СССР
ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (г. Ленинград)
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина
ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции
ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
АРХИВ САНУ — Архив Српске Академије наука и уметности
РОМС — Рукописно одељење Матице Српске

Указатель имен

- Авраамович Д. 110
Аксаков И. С. 8, 39, 41, 42,
44, 50, 57, 73—75, 82
Александр II 21, 106
Александр III 21, 27, 28, 32,
177
Александр Карагеоргиевич
125, 138
Антонович М. А. 166
Арсеневич С. 167
Арсеньевич К. 169
Афанасьевич С. 137, 173, 191
Ахунд-Заде З. С. 7
Бакунин М. А. 158, 160, 161,
165, 177
Белинский В. Г. 40, 53, 177
Беляева Ю. Д. 6, 87
Бернштейн Э. 26
Бильбасов В. А. 42
Боборыкин П. 47
Богданович Ю. 185
Богишич В. 124
Богосавлевич А. 152—155
Бодянский О. М. 4, 75, 96,
136
Бонту Э. 23, 24, 50
Борисавлевич М. 191
Бошкович Й. 90
Бошкович С. 8, 81, 90, 98,
103, 110, 143
Будилович А. С. 85, 89
Будич 81
Буслаев Ф. И. 73, 83
Бычков А. Ф. 96
Валтрович М. 124
Валуев П. А. 173
Васильевич А. 8, 22, 60, 73,
74, 90, 91, 98, 110, 124—126,
139
Васильевский В. Г. 73
Владыко Н. Н. 6
Велимирович П. 158
Вердиш В. Т. 73, 121
Веретенников А. П. 188
Веселовский А. Н. 120
Воронцов В. П. 43
Востоков А. X. 84
Врбица М. 173, 191
Вукчевич С. 173
Вулетич В. 6
Вулович С. 78, 88, 89
Вучкович Б. 169
Гарашанин И. 128
Гарашанин М. 16, 35, 49,
51, 56
Герцен А. И. 165
Гершич Г. 156
Гильфердинг А. Ф. 84—86,
101, 131
Гирс Н. К. 20, 28, 30, 90
Глушчевич О. 9, 83, 173—
175, 179, 180, 183
Гоголь Н. В. 70, 86
Горчаков А. М. 20
Грановский Т. Н. 128, 177
Грачев В. П. 114, 116, 118,
119
Григорович В. И. 84, 135
Гринберг В. А. 185
Гросул В. Я. 7, 158
Грот К. Я. 6, 8, 73, 102—104,
107
Грот Я. К. 73, 103, 139
Гудков В. П. 136
Дамянович М. 171
Даниельсон Н. Ф. 24
Даничич Д. 136
Джорджевич В. 131
Дидич Л. 62
Добролюбов Н. А. 47, 71,
165, 177, 183
Достоевский Ф. М. 89
Драгоманов М. П. 166
Дурново Н. Н. 27, 73, 137
Дучич Н. 8, 90, 91, 96, 98,
104, 110, 129—131, 139, 145
Дювернуа А. Л. 75, 83
Ермилова Л. 186, 187
Жигунов Е. К. 7
Жикич М. 9, 173, 191

- Жуевич Ж. 5, 124, 132
 Жуевич Й. 163, 167
- Засулич В. 54, 161
 Зимонич Р. 173
 Зиссерман А. Л. 40
- Иванов И. И. 186, 192
 Иванова С. А. 177
 Ивкович М. 62
 Игнатъев Н. П. 187, 188
 Иероним, епископ Шабачкий 137
 Илич Е. 8, 81, 84, 103, 110, 140
 Иречек К. 118
- Йованович В. 72, 110
 Йованович С. 23
 Йовичич Ж. 81
- Калуджерович Й. 191
 Кальноки Г. 20
 Кара-Георгий 29
 Караджич В. 84—89, 95, 102, 131
 Катков М. Н. 38, 39, 45, 49, 51, 53, 54, 63, 76, 175
 Качановский В. В. 72, 100—102, 104—106, 119, 120
 Каченовский М. Т. 84
 Кешен П. И. 84
 Квятковский А. А. 177
 Ключевский В. О. 83, 128
 Корнилов И. П. 101
 Короленко В. Г. 43
 Костич Л. 90
 Костомаров Н. И. 73
 Кочович Е. 9, 137, 169, 171, 173, 183—185, 191
 Кошутич Р. 92
 Краевский А. А. 42
 Красич В. 131
 Крстич Н. 114
 Крцалич Л. 173
 Кукич С. 169
 Кулаковская Е. Ф. 138
 Кулаковский П. А. 6, 8, 39—42, 44, 48, 50, 54—57, 63, 65, 71, 73—84, 86—92, 104, 107, 108, 116, 117, 119—123, 131, 138
 Кутузов П. 45
- Лавров В. М. 43
 Лавров П. А. 111, 112
 Лавров П. Л. 7, 43, 58, 59, 158—160, 163, 165—168, 184, 189
- Лавровский П. А. 80, 84, 96
 Ламанский В. И. 4, 8, 64, 72—74, 78—81, 86, 89, 96, 102, 104, 106, 107, 114, 139, 140
 Лаптева Л. П. 108
 Ленин В. И. 15, 40, 45, 53, 127
 Леонтович П. И. 73
 Лизогуб Д. 157
 Луцкий В. 167
 Лъотич В. 159
 Лъочич Д. 169
 Любатович О. 157
- Майков А. А. 8, 43, 44, 60, 61, 71, 73, 82, 94, 96, 131, 135—137
 Макушев В. В. 4, 6—8, 71, 73, 82, 85, 86, 88, 89, 91, 93, 95—100, 102, 104, 130, 139, 145
 Мамонтов С. И. 22, 23
 Маринович Й. 28, 29, 56
 Маркович Ел. 59
 Маркович Еф. 59
 Маркович С. 5, 9, 18, 59, 63, 152, 154, 155—158, 160, 161, 166—169, 171, 187
 Маркс К. 24, 170
 Маркшич М. 173, 191
 Марьянович А. 124
 Медакович М. 107, 110
 Милан Обренович 16, 19, 23, 25, 27—31, 33, 35, 58, 59, 62—64, 74, 162, 169
 Миланич П. 191
 Миленович Ж. 62
 Милетич С. 100
 Милинкович Й. 169
 Миличевич М. 8, 77, 78, 90, 102, 103, 110, 120—122, 124, 132, 133, 138, 139
 Милованович М. 152
 Милосавлевич С. 156
 Милош Обренович 83, 126, 131, 149
 Милошевич Р. 18, 57, 152, 156, 160, 167
 Милютин Д. А. 22
 Минаев Д. Д. 38
 Минков Ф. 82
 Михаил, митрополит сербский 8, 27, 29, 52, 60, 63, 71, 98, 106, 124, 126, 149

- Михайловский Н. К. 43, 163, 164
 Миятович Ч. 16, 23, 35, 49, 90, 98, 99, 110, 113, 130
 Моисей, епископ Неготинский 27
 Мураневич А. И. 34
 Мушицкий Л. 84, 86, 91
 Надеждин Н. И. 4, 84
 Наумов Е. П. 7
 Некрасов Н. А. 165, 179
 Ненадович Л. 111
 Нестор, архимандрит 80
 Никетич Г. 84
 Никола, князь 29
 Николаевич С. 80, 156
 Николай I 177
 Николич М. 9, 173, 174, 178, 179, 183, 185—187
 Николич П. 173, 191
 Николич Т. 61, 62
 Новакович С. 8, 16, 52, 72, 78, 84, 90, 96, 98, 102—104, 113, 117—120, 132, 134, 135, 139, 140, 146
 Нушич Б. 70
 Ораховац П. 173, 191
 Орлов Г. 6
 Островский А. Н. 82
 Павлович Я. 74, 81
 Пальмов И. С. 8, 108—111, 140, 145
 Панчич Й. 72
 Пачу Л. 152, 162
 Пашич Н. 18, 19, 23, 57, 152, 154—156, 171
 Пелагич В. 5, 182, 183
 Персиани А. И. 7, 23, 27—32, 62, 74, 77, 80, 81, 90
 Петкович Дж. 173, 191
 Петр Карагеоргиевич 29
 Петр I 104—106
 Петр II Петрович Негош 111, 112
 Петрович В. 131
 Петрович М. 173, 191
 Петрович Н. 131
 Петрович Р. 155
 Пирочанац М. 16, 24, 35, 49, 52, 56
 Писарев Д. И. 71, 93, 165
 Писемский А. Т. 89
 Пламенац Д. 191
 Плеве В. К. 184
 Победоносцев К. П. 53
 Поглубко К. А. 7
 Погодин М. П. 136
 Поджио М. 13
 Подолинский С. 166, 189
 Попов Н. А. 4, 8, 71, 73, 75, 79, 80, 82, 83, 87, 88, 111, 123—129, 139, 149, 169
 Попович П. 111
 Попович-Яворац Й. 82, 83, 173, 184, 185
 Прейс П. И. 4
 Пресняков А. К. 177
 Протич М. С. 138
 Протич С. 138
 Пушкин А. С. 77, 89
 Пыпин А. Н. 6, 8, 46, 47, 70, 71, 73, 77, 78, 85—89, 113, 132—135, 137, 139, 141
 Радич В. 169
 Радич Р. 100
 Радойкович А. 173
 Радонич С. 136, 191
 Раевский М. Ф. 101
 Ристич Й. 8, 16, 17, 21, 24, 28, 30, 49, 50, 56, 90, 98, 103, 122—124, 126, 128, 129, 149
 Рудинский Д. А. 73, 121
 Салтыков—Щедрин М. Е. 47, 67, 71, 163
 Смирнов В. Н. 158, 160
 Соколов И. И. 107, 108
 Соловьев С. М. 90, 128
 Спасович В. Д. 78, 132, 135
 Срезневский И. И. 4, 84, 93, 96, 102
 Сретенкович С. 107
 Сречкович П. 8, 90, 97, 98, 102, 107, 113—117, 124
 Станишевич Е. 82
 Станоевич С. 118
 Стасов В. В. 104—106, 146
 Стасюлевич М. М. 42
 Стоянович Т. 84
 Субботина М. Д. 157
 Суворин А. С. 40, 76
 Тайсич Р. 152, 153
 Таушанович К. 18, 156
 Твардовская В. А. 54
 Тихомиров Л. А. 185
 Тихонравов Н. С. 83
 Ткачев П. Н. 163

- Тодорович П. 18, 62, 152,
156, 157, 160—168, 183, 189
Толстой Д. А. 74
Тургенев И. С. 70, 71, 82,
161—164, 189
- Уваров А. С. 104, 105
- Фадеев Р. А. 22
Филиппович Дж. 173
Флоринский Т. Д. 71—73,
95, 114—117, 130
- Хаджич А. 100, 124
Хевролина В. М. 7
Хитрово А. П. 41, 48, 79,
80, 143
Христич Н. 30
- Ценич Д. 5, 7, 9, 169—172,
174, 175, 180, 189
- Черняев М. Г. 162
- Чернышевский Н. Г. 40, 47,
70, 71, 165, 177, 183
Чубрилович В. 20, 118
Чудновский С. Л. 158
Чурсин С. В. 56
- Шафарик П. 135
Шафарик Я. 96
Шувалов П. А. 20
- Энгельс Ф. 26, 170
- Южаков С. Н. 43
Юрьев С. А. 43
- Янкович Д. 17
Ягич И. В. 121, 129, 146
Ягич В. 88
Якич С. 183—185
Янковский Е. О. 184
Ястребов И. С. 73, 97, 106

Оглавление

Введение	3
Глава 1	
Сербия после Берлинского конгресса 1878 г. Русско-сербские отношения	12
Глава 2	
Русская печать о Сербии и русско-сербских отношениях	37
Русская периодическая печать конца 70-х—первой половины 80-х годов XIX в.	37
Итоги Берлинского конгресса и русская журналистика	43
Внутри- и внешнеполитическое развитие Сербии и русско-сербские отношения на страницах русской прессы	47
Глава 3	
Русско-сербские научные связи	70
Деятельность П. А. Кулаковского в Сербии (1878—1882 гг.)	74
Русские ученые в Сербии	92
Различные формы научных связей. Общественная деятельность ученых-славистов	113
Глава 4	
Революционные связи	152
Сербские радикалы и русские революционеры	157
Группа Д. Ценича и революционная Россия	168
Участие сербских студентов в русском революционном движении	183
Заключение	193
Список архивов	196

2 p. 30 к.